

18+ ой годовщине начала
Великой Отечественной Войны

С. Терсанов

**Окруженцы.
Киевский
котел**

Военно-исторический роман

С. Терсанов
Окруженцы. Киевский котел.
Военно-исторический роман

<https://litres.ru/42129026>

ISBN 9785449655417

Аннотация

Роман «Окруженцы. Киевский котел» — правдивая книга о первых месяцах войны-малоизвестном окружении советских армий в 1941 году под Киевом. Автор — участник событий, после войны работал в ЦА МО, что позволило ему дополнить свои дневниковые записи необходимыми документами. Роман написан живым языком. В нем есть и любовь, и смерть, и героизм, и предательство. Книга — дань памяти героям, которые остались лежать в украинской земле. Люди разных национальностей, они защищали свою Родину, свой общий дом.

Содержание

От автора	5
Вместо пролога	9
Часть первая.	14
Глава 1	14
1. У стен Киева	14
Глава 2	55
Глава 3	75
Глава 4	103
1. За Днепр	103
2. На реке Супой	140
Конец ознакомительного фрагмента.	225

**Окруженцы.
Киевский котел
Военно-
исторический роман**

С. И. Терсанов

Редактор В. Коростелев

© С. И. Терсанов, 2026

ISBN 978-5-4496-5541-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

3 октября 1941 года, будучи молодым лейтенантом, я приехал в Харьков в распоряжение военного совета Юго-Западного фронта. В Харькове я узнал, что почти все войска фронта вместе с полевым управлением находятся в окружении вражеских войск, в большой излучине Днепра.

Это было Киевское окружение, — «большой котел», как называли его тогда немцы. Внутри этого «котла», в результате расчленения окруженных войск, образовалось несколько изолированных друг от друга очагов сопротивления, «малых котлов». Самым стойким из них был очаг, где сражалась 26-я армия под командованием генерал-лейтенанта Ф. Я. Костенко, зажатая превосходящими силами противника в Оржицком районе Полтавской области, в междуречье Днепра, Сулы и Оржицы.

В Харькове задачи фронтового управления выполняла небольшая оперативная группа при Главнокомандующем войсками Юго-Западного направления. Она организовала прием, учет и распределение по частям выходящих из окружения военнослужащих. Для них было создано несколько сборно-пересыльных пунктов. В один из таких пунктов на временную работу я и был направлен.

Почти четыре месяца шли к нам окруженцы. Одни пробивались через линию фронта боевыми отрядами в воен-

ной форме, с оружием и личными документами, другие — мелкими группами или поодиночке, в ужасном гражданском тряпье, без оружия, но с личными документами и даже с орденами. Третьи — приходили и вовсе оборванными, во вшах, без оружия и документов. До февраля 1942 года шли они темными студенными ночами, ползли по заснеженным полям — измученные, истощенные, обмороженные...

С интересом и большим сочувствием выслушивал я их рассказы о неравных боях в условиях полного окружения и мытарствах на оккупированных врагом землях Украины. Потрясенный услышанным, я дал себе слово, что после войны, если останусь жив, поведаю об этом всем людям.

Много лет после войны я еще служил в армии. В отпускные месяцы я напряженно работал над задуманной книгой. Исписано было немало бумаги, но чем дальше, тем больше я убеждался, что работаю вслепую и что без личного ознакомления с местом событий не обойтись.

В конце лета 1949 года побывав в Киеве, Лубнах и Оржице, я познакомился со многими старожилками — очевидцами Киевско-Оржицкого сражения. Материал и впечатления пополнились, работа продолжалась, но... опять не так успешно, как хотелось. Недоставало главного — документов.

После увольнения в запас я поступил на работу в Центральный архив Министерства Обороны на должность старшего научного сотрудника. В этом архиве хранятся все документы войсковых штабов военного периода. Но, к моему

большому огорчению, документов полевого управления 26-й армии, ее соединений и частей не оказалось. Все они были уничтожены в окружении. Мне удалось разыскать много письменных свидетельств вышедших из окружения офицеров, политработников и солдат Юго-Западного фронта, а также трофейных дел и карт, в которых в разной мере отражены боевые действия войск обеих сторон в условиях полного окружения. Эти документы мною были изучены и использованы в работе над книгой.

Таким образом, общая военная основа описанных в этой книге событий строго документальна. Хронология их почти почасовая. Решения и действия военачальников обеих сторон показаны так или почти так, как было на самом деле, либо должно было быть, судя по действиям руководимых ими войск.

Фамилии, имена и звания командиров советских соединений, действовавших в этом районе, кроме Дубнищева, а также руководящих работников фронтового и армейского звена, кроме Жасминова, не изменены. Фамилии командиров немецких соединений — 48-го танкового корпуса и 16-й танковой дивизии — тоже настоящие.

Боевые эпизоды взяты мною или из архивных документов, или из рассказов участников и очевидцев сражений. Правда, описание их проводилось с глубокой творческой детализацией, хотя и в ней я старался быть как можно ближе к тому, что происходило на самом деле.

**Светлой памяти павших воинов
юго-западного фронта (первого)
посвящается**

«Солдаты! Идя на восток, вы шагаете по
собственным имениям».

(Из приказа А. Гитлера)

«Смерть фашистским захватчикам!»

(Из приказов И. В. Сталина)

«Храбрые русские воины! Каждый из Вас есть
спаситель Отечества! Россия приветствует Вас сим
именем».

(М. И. Кутузов)

Вместо пролога

Сичень — это январь... Меткое название дали ему украинцы: весь месяц сечет, будто тончайшими ледяными иглами, до самых костей просекает жестокий морозный суховец. Все, что осталось зимовать в просторных, открытых степях юго-восточной Украины, стонет и корежится под его стремительным натиском. Стонут слабо прикрытые снегом поля с затерявшимися в них одинокими деревцами и кустиками; стонут редкие в этих краях, почти до дна закованные льдом речки; рассыпается в пыль разбросанный повсюду бурьян-старьевик. Но леденящий ветер неумолим и алчен. Взвихря поземку, зловеще посвистывая, он дерзко врывается на широкие улицы степного города, и от его леденящих поцелуев все покрывается мохнатым серебристо-белым инеем. Бледное зимнее солнце сиротливо бродит почти на уровне городских крыш. Обледеневшие окна одноэтажных домов, словно безжизненные бельма слепцов, безучастно глядят на страшные людские страдания.

Кряхтя и задыхаясь на морозном ветру, горожане плотнее запахиваются в одежду, ежатся, на ходу растирают околеченевшие носы и уши, потешно подпрыгивают, а утоптаный на тротуарах снег отзывается на удары каблуков сильным сухим визгом. Иногда сильно озябшие люди посматривают вверх, на солнце. Сдавленное багрово-оранжевым сия-

нием, как ржавым обручем, оно сквозь мутную пелену неба бросает на стонущую от мороза землю слабые, совсем не греющие лучи.

Дни короткие, тяжелые и безрадостные...

В один из таких январских дней 1942 года в военную комендатуру прифронтового города привели человека без документов. Сержант, приведший этого человека, вошел к помощнику коменданта, доложил:

— Товарищ старший лейтенант, еще один окруженец пришел... — и, понизив голос, добавил: — Только этот совсем плох: чуть держится на ногах и весь в вошах.

Старший лейтенант отодвинул стул для посетителей на середину комнаты и приказал ввести задержанного.

Сержант вышел. Дверь оставалась открытой, и долго никто не входил. В глубине коридора были слышны звуки, напоминавшие передвижение ледяной глыбы по деревянному настилу.

Когда задержанный с трудом вошел в комнату, он попытался ухватиться за спинку стула, но не смог: ноги, обутые в обледеневшие деревянные башмаки, непослушно разъехались в разные стороны, и он упал на пол. Сержант поспешил ему на помощь, но он слабым движением руки отстранил его и скорчился в удушливых судорогах простудного кашля.

Кашлял он с таким надрывом, что страшно и до боли жалко было на него смотреть. Казалось, что из груди его вот-вот вылетят куски внутренностей.

Он был молод, но муки и лишения, которые он перенес, оставили свои жестокие следы. На маленьком исхудавшем лице резко выделялись тонкий хрящеватый нос, заостренные скулы, и темные провалы глаз. Жидкая бороденка, которую он то и дело чесал тонкими пальцами, делала его почти стариком. Руки его были настолько худыми, что их синие, с зеленоватым оттенком, вены сильно выпирали из-под кожи. Когда он шевелил пальцами, на кистях его рук неприятно играли сухожилия.

Помимо деревянных башмаков, на ногах было множество намотанных и оплетенных веревкой тряпок. Обвисающие лохмотьями ватные штаны были подпоясаны заскорузлым брезентовым ремнем, за широкий пояс штанов заправлены полы тоже рваного овчинного полушубка. Вместо шарфа на тонкой жилистой шее болталась полуистлевшая портянка. Из надорванных науший ветхой шапки торчали куски пакли.

Старший лейтенант вышел из-за стола и только тогда заметил, что задержанный весь усеян вшами. Оказавшись в теплом помещении, паразиты зашевелились, выползли из складок-укрытий и суетливо стали шнырять в разных направлениях. Добираясь до ватных штанов, они занимали сохранившиеся кое-где стежки и выстраивались в сплошные серые цепочки.

Когда незнакомец откашлялся, его усадили на стул и дали стакан чаю, который он выпил с лихорадочной жадностью. Жестом он попросил еще стакан, потом еще. Только после

четвертого стакана чуть слышным простудным голосом он представился:

— Лейтенант Волжанов... Владимир Николаевич... — Он медленно снял с шеи портянку, затем свалил с плеч полущубок и свитку. Под ними оказалась грязная, пропитанная потом гимнастерка с полевыми петлицами и зелеными эмалевыми квадратиками. Старший лейтенант, сержант и боец, приносивший чай, невольно вытянулись и переглянулись. А потом Волжанов снял и гимнастерку, под которой больше ничего не было. Такое им пришлось увидеть впервые... Две играющие гармошки ребер, пара торчащих ключиц, пара рук-прутьев, каким-то чудом державшихся в острых от худобы плечах; впадина в том месте, где должен быть живот, — все это в любой момент, казалось, могло рассыпаться, если бы не было обтянуто кожей, черной от грязи и исполосованной. Это был скелет... Живой скелет!..

Не поднимаясь со стула, Волжанов извлек из лабиринтов своих лохмотьев складной нож, разложил на коленях гимнастерку и под одним из ее рукавов отпорол заплатку. На пол упало удостоверение личности. Из-под другого рукава он таким же способом освободил кандидатскую карточку ВКП (б). Вручив эти документы старшему лейтенанту, он развел руки в стороны и смущенно сказал:

— Как видите, почти с того света. Поэтому не уберег документы, как положено. Подопрели малость. — При этих словах он опять согнулся и закашлял тем же удушающим, бух-

тящим кашлем.

.Спустя две недели, когда Волжанов отдохнул, набрался сил и освободился от приступов кашля, он написал отделу кадров фронта подробное объяснение, которое было взято за основу этого повествования.

Часть первая.

Танковые «клещи»

Глава 1

Синие стрелы

1. У стен Киева

Короткий сентябрьский день быстро угасал...

С наступлением сумерек на уставшую от дневного боя землю как-то вдруг, будто по команде, навалилась непривычная жутковатая тишина.

Остатки танкового десанта противника после очередной безуспешной атаки отошли к своим окопам. На нейтральной полосе догорали подбитые артиллеристами танки. Густая клубящаяся копоть тянулась от них на взрыхленные снарядами и бомбами, политые людской кровью, но так и не взятые окопы защитников Киева. «Свежие» танки горели языкастым пламенем, у «вчерашних» коптели только резиновые катки, а подоженные раньше успели покрыться густым налетом ржавчины.

А вокруг танков — тела... Множество тел в грязно-зеле-

ных мундирах. Тела тех, кто уже видел сверкавшие за Голосеевским лесом позолоченные купола церквей и соборов, жаждал садануть прикладом автомата в стеклянную витрину какого-нибудь ювелирного или универсального магазина. Кто уже глотал слюни, вообразив себя в аппетитно пахнущих подвалах гастрономов. Кто жаждал «фкусни рюски вотки» и «гут рюски дефчонка». В общем, равящиеся в чужой богатый город, но бездыханные теперь тела. Туго нафаршированные разбойничьими рефлексами белобрысые головы, в которые с младенчества вдалбливалась мысль об их неоспоримом праве господствовать, грабить, насильничать и убивать без сожаления... Многие из них растянулись у атакованных окопов, почти на самых брустверах, вцепившись окоченевшими пальцами в чужую землю. Уже мертвые, они как будто еще не избавились от желания заграбастать эту землю.

Смешанное зловоние горящего бензина, тлеющей резины и жареного человеческого мяса отравляло воздух. Но к этому уже привыкли. Невозможно было привыкнуть к тошнотворному запаху трупов — этому отвратительному спутнику длительных боев у стен осажденного города. Освежения воздуха ждать было неоткуда: позади, совсем рядом, на высоких приднепровских холмах, горел огромный, украшенный золотыми куполами и каштановыми бульварами патриарх-город... Пращур всех русских городов, Киев понимал, что чем дольше он продержится, тем дальше от матери русских городов Москвы — современного сердца России — бу-

дет направленный на нее танковый удар Гудериана. И Киев держался. Шестидесятые сутки тяжело вздыхал он по ночам под разрывами авиабомб, каждое утро умывался внезапными артиллерийскими налетами, перегревался в огне и дыму, но держался. Доверчиво прислонившись к своему более древнему побратиму — Днепру, прикрывшись железобетонным щитом-укрепрайоном по берегу Ирпени, Киев стоял на смерть...

Как только уцелевшие немцы нырнули в свои земляные норы, ефрейтор Мурманцев с трудом оторвал от спускового крючка ручного пулемета одеревеневший палец, бессильно опустил на бруствер руки и уронил на них голову, гудевшую, звеневшую и, казалось ему, трещавшую страшным треском.

Несколько минут пролежал Мурманцев, прижимаясь к освежающей вечерней земле, передавая ей свою смертельную усталость. Потом он с усилием поднял голову, окинул взглядом дымящееся поле боя и опустил в окоп.

На дне окопа лежало окровавленное тело второго номера. Мертвая вихрастая голова парнишки с неподвижными глазами была уже холодна. Ефрейтор закрыл глаза покойнику, тяжело вздохнул и проговорил:

— Эх, Петруха, Петруха!.. Говорил я тебе, чтоб ты не высовывался без нужды, но ты не послушал меня и вот получил. Потом медленно поднялся и, надев каску, побрел в ячейку командира отделения.

В ячейке командира санинструктор Люда Куртяшова пе-

ревязывала сержанту Яковлеву голову.

— Ага, еще одного живого вижу, — сказала она необычным для нее грубым голосом.

Увидев Мурманцева, Яковлев подозвал его к себе, тихо приказал:

— Ефрейтор, принимай взвод. Лейтенант Лихарев убит, политрук убит, все сержанты тоже выбыли из строя. Теперь ты самый старший. Сосчитай оставшихся людей, доложи ротному.

Мурманцев пообещал Куртяшовой прислать кого-нибудь из бойцов ей в помощь и быстро пошел по окопу.

Он то и дело останавливался перед завалами — местами прямого попадания снарядов, с трудом осматривал их в надежде увидеть там уцелевшего бойца, хотя и был уверен, что в таких местах чудес не бывает. Только в одном таком месте он заметил торчавшую между иссеченными бревнами мертвенно-белую кисть руки и остаток ноги с размотавшейся обмоткой. «Кто бы это мог быть? — подумал он, перебирая в памяти всех бойцов своего взвода. — Кажись, тут сидел Колька Демушкин, хотя... Великоват ботинок».

За следующим изломом окопа ефрейтор наткнулся на живого Демушкина, который сидел в позе человека, изготовившегося к отражению нападения врага, на самом дне разрушенного во многих местах окопа. Придерживая левой рукой каску на голове, правую он занес для удара по тому, кто прыгнет на него сверху. На черном фоне земли поблескивал

плоский штык от самозарядной винтовки.

— Демушкин, ты? — спросил Мурманцев. Демушкин вздрогнул и опустил штык вниз.

— Какой я тебе Демушкин? — ответил боец дрожащим голосом. — Собашник я, а не Демушкин.

Спрыгнув в окоп, ефрейтор попытался помочь Демушкину встать, но тот отскочил в сторону и снова изготовился к бою.

— Пойдем, Коля, пойдем, браток, в тыл, — предложил ему Мурманцев почти ласково.

— Никуда я отсюда не пойду! Я еще не рассчитался с этими бешеными волкодавами. Ты не видел, как они рвали на части своими клыками весь наш взвод? Только я и уцелел. Если бы ты был здесь, тебе бы тоже досталось. Уходи отсюда! Скоро они опять набросятся на меня. Но я без боя не дамся. Дудки! Вот так их буду полосовать, гадюк мохнатых! — Демушкин полоснул воздух крепко зажатым в руке штыком. — Вот! Слышишь? Опять бегут сюда. Садись рядом и приготовь гранаты, ну!

Мурманцев повиновался приказу безумного, присел рядом с ним. Потом он также напряг слух и к большому удивлению своему заметил, что звенящая в утомленных ушах тишина и в самом деле прерывалась едва различимым гулом, который доносился почему-то с северо-востока. По опыту фронтовика Мурманцев сразу определил: артиллерийская канонада! Ее никак нельзя было спутать с раскатами грома.

Да и какой мог быть гром в середине сентября? Это, безусловно, была работа артиллерии. Но почему же там, на северо-востоке, когда линия фронта — вот она, рядом!

С минуту кругом было тихо, как перед грозой, потом в воздухе что-то треснуло и зашипело.

— Ахтунг, ахтунг! — донеслось из невидимого, но очень близкого громкоговорителя. — Сегодня ты, Иван, воеваль неплюхо. Оччень неплюхо! Ви много раз доказываль нам, что есть храбри руськи зольдатн. Но для чшего? Фсьо равно Киев скоро, оччень скоро — капут! И ви фсье — капут, смьерт, если ви не складывать оружие. Слыхаль, наша артиллерия у тебя далеко за спина? Там наша доблестна есть армия захлопнула ваша мышелюфка... Большой есть котел. Сдавайс, руськи Иван, пока живой и не стал плухой калекка! Кончай война! И мы не будем стреляйт. Подумай, Иван, и бросай винтовка на землю! И пойдешь домой, до фра. до своя жена и до свой киндер. ребьонк маленький. Наш великий фюрер дает жизньн фсем, кроме фанатик с голубой петлица. Эй, льотчик! Самолет потерял, голова быстро потеряешь! Тебе пощада не быть. Только капут... Смерть! Другой выбор не будет... Хайль Гитлер! (Советские воздушно-десантные войска носили голубые петлицы).

В громкоговорителе снова что-то треснуло, зашипело, рванули барабаны, рывкнули трубы — загремел военный марш.

Маленький, шупловатый Демушкин, доверчиво прижав-

шлись к рослому ефрейтору Мурманцеву, дрожал всем телом. Мурманцев взял у него штык, примкнул его к лежавшей в стороне винтовке, повесил винтовку на плечо, а другой рукой схватил бойца за руку и быстро потащил по окопу.

— Идем, Коля, быстрее! — бормотал Мурманцев не то для безумного, не то для самого себя. — Слышал, фрицы не обещают нам пощады. Насолили им, значит, десантники больше всех. От голубых петлиц их уже воротит.

Бравурный марш оборвался и снова стало угрожающе тихо.

В мало поврежденной ячейке стрелка Цыбульки сидела небольшая группа бойцов.

— Ванюшка! Володимирэць! Ты живой, нэ поранытый?
— Обрадовано закричал Цыбулька.

— Як видишь, Грицько, целый я. Видать, для меня еще пуля не отлита у фрицев. Иди, Коля, не бойся! Это же свои ребята. — Мурманцев с трудом подтащил Демушкина к бойцам и усадил рядом с собой.

— О, и Колян живой! — боец Царулица, земляк Гриши Цыбульки, подошел к Демушкину, но, заметив его странное поведение, отступил назад. — Шо с тобой? Ты захворав, чи.

— Он головою хворый, — сказал Мурманцев, — а ты не приставай к нему. Бойтся он каких-то лохматых псов, будто они его уже рвали и скоро опять появятся.

Все обступили Демушкина и Мурманцева. Видя целого и невредимого Колю, никто не хотел согласиться с тем, что

он безумен. Каждый хотел сказать ему что-нибудь такое, что обязательно встряхнет больной мозг товарища и сделает его нормальным.

— Колька, друже мий, ты узнаешь меня? Это ж я, Грыцько Цыбулька, ну! Посмотри на мою руку! Бачишь, як тюкнуло? — Цыбулька подставил к глазам больного друга забинтованную у самого локтя руку. — А ты ж зовсим целый, тоби радуватись трэба, чуешь? Мы с тобою ще поколшматымо хвашистив, га?

Демушкин с любопытством всмотрелся в белевший в темноте бинт, потом осторожно погладил его и сказал:

— Значит, не только меня псы рвали...

— А вы, почему не ушли в медсанбат? — спросил Мурманцев Цыбульку.

— Та як же я уйду, товарищ ефрейтор? Бачите, сколько нас осталось?

— Это я бачу, но все равно вы пойдете в тыл. Это приказ. За поворотом хода сообщения что-то загремело, звякнуло, потом кто-то чертыхнулся, барахтаясь в темноте.

— Кто идет? — окликнул Мурманцев.

— Каша идет. Какой леший еще к вам пойдет в эдакое время? — ответил голос из темноты.

— А, Ефремыч! — Мурманцев заметно сменил тон. — Ты, батя, всегда вовремя поспеваешь.

Тяжело отдуваясь, подошел каптенармус Козулин, навьюченный двумя термосами. Бойцы оживились, загремели ко-

телками и ложками, окружили термосы с кашей и чаем. Вытирая пот со лба, Ефремыч разочарованно проговорил:

— Это что ж, ребятки, всего-то вас осталось? Видать, напрасно я надрывался, тащил эти проклятущие термосы.

Окруженный котелками Ефремыч быстро орудовал черпаком и приговаривал:

— Шрапнелька на сале, экая сила в ней, ребятки, заключена! Навались на нее, добавка будет! Только не забывайте, что вы — десантники. Когда понадобится командованию сбросить вас на чумную башку Гитлера, самолеты не смогут поднять зараз всех: тяжелехоньки будете. А по частям — что за резон?

Острота Ефремыча вызвала недружные смешки. Бойцы поняли иронию старого воина: почти все они служили раньше в воздушно-десантной бригаде. Месяц назад их комбат Шевченко, переведенный на должность командира полка в соседнюю стрелковую дивизию, перетащил к себе почти половину своего батальона. До войны их бригада дни и ночи (чаще всего ночи) обучалась десантированию, нанесению внезапных ударов по тылам противника, боевым действиям в тылу противника, на чужой территории. А пришлось что? Война на полыхающей огнем родной Украине, у стен батюшки Киева. Это и вызвало иронию, но с какой приправой горечи!

Когда бойцы разбрелись по траншее и заработали ложками, Ефремыч заметил одинокую фигуру Демушкина.

— Эй ты, хлопец, вздремнул? — окликнул строго каптенармус. — Давай-ка сюды свою посудину, живо!

Цыбулька присел к своему больному дружку и как ребенка стал уговаривать его съесть хоть ложку каши. Демушкин молчал. Потом он вдруг приподнял голову, прислушался и сердито сказал:

— Не до каши мне! Слышишь, опять рычат! Слышишь, а? Слышишь? Приготовиться!

Тревога безумного передалась всем. Все прислушались. Далеко на северо-востоке грохотала артиллерия.

Ефремыч открыл второй термос, из которого вырвался запах распаренного веника. То был чай.

Выпив по кружке чаю, Астронов и Мурманцев ушли в роту. Цыбулька взял под руку Демушкина и нехотя поплелся за ними.

Бойцы сразу же окружили Ефремыча и, прикрывая ладонями светлячки сигарок, засыпали его вопросами:

— Выкладывай, Ефремыч, что знаешь, не таись!

— Что говорят в штабах про немца за Днепром?

— Это правду он брешет по радио?

— Ежели правду, то худо нам будет, братишки! Захлопнут нас, видать, скоро. И село-то, как нарочно, Мышеловкой называется!

— Это верно, Ефремыч. Но ты близко к начальству. Не слыхал, не собираются сниматься?

— Як это так зныматись? Это куда же? А Кыив шо? Хва-

шистам на знушение (порувание) оставыть?

— Оно, паря, конечно, жалко Киева, что и говорить: и сам город красавец и как нито столица, — ответил Ефремыч со вздохом. — Но ить и саму Москву Кутузов отдавал французам.

— Так то ж зовсим другое время было!

— И что же, что другое? Война, она, паря, осталась войною и в наше время.

Но боец-киевлянин не соглашался с доводами Ефремыча:

— Тоби, дядько, нэ важко (тяжело) будэ з Киевом по-прощатысь: твоя хата, мабуть, далэко на восходи. А моя хата — тут вона, на Подоли. Я тут народывся, тут хрыстывся, тут навчився, тут влюбывся. Тут я, признаюсь, первый раз и поцылуався. Як же мени отдать все это хвашистам?! — Киевлянина не видно было в темноте, но все почувствовали, что говорил он с комком в горле.

Ефремыч молчал. Ничего не нашел он сказать парню в утешение. Да и не требовалось: все, в том числе и сам киевлянин, понимали, в каком положении был Киев и в какой сложной обстановке оказались они — его защитники.

Еще совсем недавно в самом центре небольшого поселка стоял неказистый двухэтажный домик, построенный до революции мелким торговцем товарами повседневного спроса. Людям переднего края стойкость зтого домика прихлась по душе. От взводных окопов изломанной линией тянулся

к нему — теперь командному пункту командира роты — ход сообщения. Когда Мурманцев и Астронов, пригнувшись чуть ли не до колен, спустились в темноте по каменной лесенке в подвал, им показалось, что они переступили порог ада. В глаза и нос им плеснул плотный едкий махорочный дым. Прямо против двери за белым кухонным столом сидел совсем еще юный командир роты лейтенант Волжанов. Он кивком головы пригласил Мурманцева на свободный табурет.

— Где Лихарев? — спросил Волжанов.

— Взводный убит, помкомвзвода ранен, все командиры отделений тоже погибли. В первом взводе осталось...

Дверь взвизгнула, и в подвал вошел комиссар батальона старший политрук Додатко, человек невысокого роста, с легкой кривизной ног кавалериста. Хотя ему не было еще сорока лет, выглядел он старше.

— Вот это курнули! Хоть два топора подвешивай, — сказал он, улыбнувшись. — Продолжайте совещание, товарищ Волжанов.

Мурманцев доложил, что в первом взводе в строю осталось восемь человек. Это удручающе подействовало на командиров.

Комиссар внимательно посмотрел на ефрейтора и пошутил:

— Такие богатыри, как Иван Ильич, сойдут не за восемь, а за двадцать восемь. Верно я говорю, товарищи?

В подвале возникло небольшое оживление. Вспомнились довоенные комичные «истории», которые случались с Мурманцевым в первый год его службы.

Как и многие деревенские парни, Иван Ильич Мурманцев с большой радостью шел на службу в армию. Еще подростком он много о ней читал, смотрел кинофильмы, особенно любил фильмы о подвигах пограничников, но себя никак не мог представить на месте этих героев. А когда он получил повестку из военкомата, то жил только одной заботой — не ударить в грязь лицом перед городской братией.

По прибытии партии новобранцев в десантную бригаду их распределили по батальонам, а там — в карантин. После нескольких дней карантина молодых бойцов выстроили и повели через весь город в баню. Быстро и не очень старательно вымывшись, он вернулся в гардеробную и стал в длинный, дышащий паром людской хвост. Очередь продвигалась без задержки, но как только к куче новенького белья и обмундирования подошел Мурманцев, она вдруг застопорилась: капитенармус растерянно замигал глазами и крикнул: «Товарищ старшина, что будем делать с этой неоглядной крошкой? Во что одевать буем?»

И пошли по гардеробной зубоскальство, остроты, всеобщий хохот. И долго бы голяки зубоскалили, если бы не подошел к капитенармусу старшина. Прекратив галдеж, он отвел смущенного Мурманцева в сторону и сам начал подбирать ему одежду. Только через четверть часа он извлек из кучи

комплект, больше которого не было.

«Вот, товарищ боец, пока одягайте это, а завтра я на складе пошукаю что-нибудь побольше размером», — сказал он, вручая Мурманцеву этот комплект.

И Мурманцев начал одеваться. Что рукава нижней рубахи едва закрывали локти, а кальсоны были чуть ниже колен, — это еще, куда ни шло: ведь их не видно. А как быть с гимнастеркой, бриджами и шинелью? А с обувью? Он попробовал натянуть бриджи силой — и они лопнули на икрах. Старшина посмотрел и спокойно сказал:

«Ничого. Пид обмоткою не видно, а прыйдэм в казарму, — шо-нибудь сообразим».

С того банного дня ротные шутники так и закрепили за простодушным, но не обидчивым Мурманцевым прозвище «необъятная крошка». А ведь не только он тогда с трудом напяливал на себя обмундирование. Некоторые, наоборот, комично утопали в нем с ушами.

Неприятная история у Мурманцева случилась, когда он заступил в первый наряд по роте. Был холодный зимний день. Заготовленных дров в ротах не было, и бойцам внутреннего наряда вменялось в обязанность пилить дрова. Дров для казармы напилили, пилу убрали в складское помещение, и старшина Заремба, инструктировавший наряд, строго-настрого запретил ее давать в другие роты. Мурманцев, стоявший у тумбочки перед входом в казарму, хорошо запомнил этот запрет и дневальному второй роты, размещавшейся эта-

жом выше, не дал пилу. Пришел сам старшина второй роты — и ему не дал. Но тот где-то перехватил командира батальона и попросил его посодействовать. Комбат был строгий и решительный латыш. Ни слова не говоря, он подошел к складскому помещению, распахнул его, и торжествующий старшина второй роты унес пилу. А вскоре после этого пришел старшина Заремба. Увидев, что бойцы чужой роты пилят дрова его пилой, он с резкой бранью набросился на дневального у тумбочки.

«Товарищ старшина, командир батальона был.» — пытался объясниться Мурманцев. Но куда там!

«При чем тутэчко командир батальона? Я шо тебе, ротозею, приказувал? В чужие роты не давать! Тебе я это приказувал чи туркови якому? Так на якого черта ты тут стоишь, как неживое пугало?» — Заремба по всем правилам фельдфебельского искусства пропесочил молодого бойца с такими цветастыми эпитетами, из-за которых показался тому важнее всех командиров бригады, вместе взятых.

Однако не обида на старшину, а злость на комбата вскипела в молодом бойце. И надо же было так случиться, что в тот же день комбат решил лично проверить, как устроили в казармах молодое пополнение! Он вошел в казарму не спеша, нарочито важно, желая проверить, по-уставному ли будет докладывать дневальный по роте? Но как же он был поражен, когда Мурманцев подскочил к нему и вместо рапорта строго спросил: «Майор, ты, когда пилу принесешь?»

Старшина Заремба так меня распушил! Как бы и тебе он не всыпал».

Конечно, взыскание схватил Заремба, а Мурманцеву, еще непринявшему присягу, простили. Но фраза «Майор, когда пилу принесешь?» тоже пристала к нему навсегда.

Чтобы избежать в дальнейшем подобных неприятностей, Заремба придумал, как он считал, полезное «новшество». Над тумбочкой дневального он прибил список всех чинов бригады, начиная с командира и комиссара и кончая собственной персоной. В списке подробно были описаны знаки различия каждого. Самым старшим в бригаде был майор — с двумя «шпалами». И надо же было случиться так, что именно в очередное дневальство Мурманцева в бригаду приехал начальник политотдела корпуса, старший батальонный комиссар — с тремя шпалами — и, не заходя в штаб, пошел прямо в подразделения знакомиться с бытом нового пополнения. Когда он вошел в подъезд первой роты, Мурманцев подтянулся, проворно распахнул дверь в казарму и громыхнул команду так, что висячие стеклянные светильники закачались. «Рота, смирно! Товарищ. Товарищ-щ-щ-щ — подойдя вплотную к комиссару с рукой у козырька „буденовки“, он пристально всмотрелся в его петлицы, потом заглянул в список и разочарованно опустил руку. — Вольно! Такого в списке нет». И закрыл дверь в казарму. Рота, затаившая в казарме дыхание, вдруг грохнула от смеха. Засмеялся и комиссар. Он не был придирчивым службистом. Взглянув

в злополучный список, он сразу понял, в каком затруднительном положении оказался новичок, и ограничился только тем, что заставил Мурманцева дважды подать команду как положено. А подбежавшего старшину Зарембу он не очень вежливо пригласил в канцелярию роты, где сделал ему строгое внушение за бюрократическую затею со списком. Когда возбуждение стихло, Волжанов поднял командира второго взвода лейтенанта Орликова.

Всю свою жизнь, правда, еще очень короткую, Орликов глубоко переживал обиду, которую нанесла ему природа — низенький, совсем крошечный рост. И всю жизнь он вел стоическую борьбу с этим угнетающим мужчину недостатком: на людях всегда «тянулся» вверх, стараясь хоть в какой-то мере сглаживать впечатление от своей мизерности, подолгу ходил и стоял на одних носочках, как можно выше поднимал подбородок и вытягивал шею. Но всего этого было так недостаточно! Друзья, замечавшие эти его потуги, говорили ему, что от них у него только шея удлиняется. Ему искренне советовали смириться с участью коротыша и не уродовать себя.

Впрочем, маленький рост — это было лишь одно из несчастий Орликова. В добавление к детскому росту он имел по-детски кругленькую мордочку, постоянный девичий румянец на щеках и шепелявость. Ее-то он больше всего ненавидел в себе, эту отвратительную шепелявость! Как предательски она подвела его однажды!

Было это в тридцать пятом году. Окончив восьмой класс,

Женя Орликов объявил родителям, что в обыкновенной школе больше учиться не будет. В ответ на надоедливую «мораль» и уговоры закончить десятилетку он решительно отрезал: «Буду летчиком — и все тут! Больше не приставайте ко мне!» И он серьезно попытался стать летчиком. Тогда проводился комсомольский набор молодежи в авиацию, поэтому он был почти уверен, что попадет в авиационное училище. Но когда при прохождении комиссий встретил иронические шуточки по поводу своей «малокалиберности», то понял: ни летчиком, ни моряком ему не стать. Попробовал он сдать документы в артиллерийское, но там ему напрямик сказали, что в артиллерию принимаются только рослые юноши. Оставалось предпоследнее — танковое. «Ведь в танк не втиснешь верзилу, а я — в самый раз!» — подумал он и укатил в саратовское танковое. Медицинская комиссия, к огромной радости парнишки, признала его годным. Не могла придрататься к нему и мандатная: ведь его родители по происхождению — настоящие пролетарии! Но вот перед подписанием приказа начальник училища решил лично побеседовать с каждым отобранным кандидатом. Когда Женя сидел в приемной, ему так хотелось увидеть в кресле начальника училища коротыша, который лучше «верзилы» понял бы его, Женю. Но, как назло, начальник оказался полковником очень высокого роста. Просмотрев документы Орликова, он поднял на него дружелюбный взгляд, вышел из-за стола и прошелся по кабинету. Потом он остановился перед Же-

ней, посмотрел на него сверху вниз и, заметив, как мальчик, словно балеринка, приподнимается на одних носках ботинок, добродушно спросил: «Сколько же тебе лет, хлопчик?» — «Мне уже воцемнадцать, товарищ полковник, и закончил я воцем классов», — отрапортовал Женя совсем мальчишеским тенорком. Начальник училища, видимо, не поверил ему. Он улыбнулся, ласково погладил его по мягким русым волосам и произнес убийственную фразу: «Уж больно ты мал ростом, сынок! Подрасти, подучись, поешь больше кашки, годика через два приезжай, — тогда посмотрим».

Возвратившись домой, Женя с укоризной посмотрел на обоих своих создателей и подался в пехотное.

Несмотря на свои двадцать три года, Женя Орликов был уже ветераном боев. На финском фронте в 1940 году он был ранен, награжден орденом, который, в первые же дни отступления наших войск от западной границы, снял с груди и упрятал в боевую сумку. Это дошло до комиссара Додатко. Тот вызвал его к себе. На вопрос комиссара он с печалью в голосе ответил: «Не могу носить орден: штыдно. Перед нацелением штыдно. Боевые ордена нацепили, а родную землю отдаем врагу прямо облацтями».

Лейтенант Орликов встал, шагнул вперед, поправил свисавшую почти до колен кожаную сумку, доложил:

— В моем вжводе — воцемнадцать воинов, — на его обветренном лице сквозь загар полыхнул алый румянец. — Жавтра я могу вешти бой.

После Орликова встал командир третьего взвода лейтенант Балатов. С Орликовым они были одногодками, воспитанниками одного училища, еще довоенными однополчанами и верными друзьями. Ведь часто так случается, что совсем по-разному созданные люди сближаются быстро, крепко и на всю жизнь.

Борис Балатов, в противоположность Орликову, был парнем несколько даже длинноватым, стройным и хорошо вышколенным, с преувеличенной «строгостью» всего внешнего вида и особенно лица. Дело в том, что в пехоту он попал не из-за безвыходности положения, как Орликов, а совершенно сознательно, искренне желая стать только общевойсковым командиром. Он с детских лет «чувствовал» в себе командира, повелителя людей, властелина их судеб. Эти честолюбивые мечтания зародились в нем еще во времена увлечения кинофильмами «Красные дьяволята» и «Чапаев», которые он смотрел бесчисленное количество раз, воспроизводил их в мальчишеских играх. Конечно, роли Буденного и Чапая всегда доставались ему. Мальчишки сами признавали, что более властного и решительного, чем Борька Балатов, из своей среды они никого не могли выдвинуть. А позже, во время учебы в старших классах школы, его всегда выбирали старостой класса и за твердость воли и характера прозвали «железным канцлером». Именно по этой причине, когда встал вопрос о выборе профессии, он не кочевал из одного училища в другое, а сразу попросил военкома направить его

только в пехотное. Военком, бывший сам природным пехотинцем, приятно был удивлен, потому что ему уши прожужжали просьбами о направлении в летное, морское и танковое училища. «Одобряю, молодой человек, одобряю! — сказал он в шутливом тоне Борису. — Нашим советским Суворовым может стать только общевойсковой командир». — Он понимал, что эти слова его попадут в самое чувствительное место юноши. И не ошибся. Училище Балатов закончил по первому разряду и при распределении был оставлен в училище командиром курсантского взвода. Как он не хотел этой чести! Он писал надоедливые, иногда даже дерзкие рапорта с просьбой направить его на финский фронт, но все его просьбы отвергались. И только летом сорокового года ему все-таки удалось вырваться в войска. Из-за друга своего, Жени Орликова, попавшего после госпиталя в воздушно-десантные войска, он тоже стал десантником.

— В моем взводе осталось двадцать активных штыков, — доложил Балатов, выглядывая из-под сильно сдвинутых бровей. — Я тоже готов вести бой.

Командир четвертого взвода младший лейтенант Хромков после доклада Балатова быстро встал, сделал шаг в сторону комиссара и, стоя спиной к Волжанову, сипловатым, но полным достоинства голосом начал рапортовать:

— Четвертый взвод, товарищ старший политрук, как вы знаете, был на участке главного удара противника, подвергся большой артиллерийской обработке, однако понес незна-

чительные потери.

— Пстой, пстой, Хромсков! — перебил его комиссар. — Во-первых, докладывай своему прямому начальнику и, во-вторых, короче: война ведь только началась и когда закончится — неизвестно. А страсти-мордасти о ней будешь рассказывать неискушенным после победы. В-третьих, объясни командиру роты и всем нам, почему ты не поднял свой взвод против автоматчиков противника, когда танки переползли через окопы первого взвода.

Хромсков сделал вынужденный и, видимо, мучительный для него полуоборот к Волжанову, поморщился на клубы табачного дыма, отчего его белобрысое неврастеническое лицо перекосилось, и попытался оправдаться:

— Своим массивованным огнем мой взвод, по-моему, парализовал танковый десант. А потом, насколько мне помнится, командир роты не приказывал контратаковать, а поставил задачу поддержать огнем.

— Вы лжете, младший лейтенант Хромсков! — возмутился ротный. — Я четко отдал приказ контратаковать автоматчиков и отрезать их от танков. Своим поведением в бою вы напрашиваетесь под суд военного трибунала.

— Каким это поведением?

Волжанов встал. В это время зазуммерил телефон. Комбат приказал передать трубку комиссару.

Додатко молча выслушал комбата, нервно побарабанил пальцами по столу, тяжело вздохнул и, ничего не сказав, по-

ложил трубку и

вышел. Волжанов отпустил командиров взводов, но они не двинулись с места и сквозь толщу табачного дыма вопросительно смотрели на него.

— Что-нибудь не понятно, товарищи? — спросил Волжанов.

— Да, не все понятно, — резко, с оттенком вызова, за всех ответил Балатов. Высокий, по-военному красивый и, можно сказать, грациозный, он прошелся по подвалу, чуть не проглатывая частыми затяжками сигарку, остановился перед сидевшим командиром роты и, прижимая его колючим взглядом к стене, сказал: — Слушай, Владимир, еще до войны мы служили с тобой вместе, и ты хорошо знаешь, что я никогда не врал своим бойцам. Признаться, я и теперь, на войне, скорее вырву себе язык, чем скажу им неправду. Понимаешь? — Опершись на край стола, он продолжал требовательно смотреть Волжанову прямо в глаза.

— Ты о чем это, Боря? — Спросил Волжанов дружеским тоном, который хорошо был знаком Балатову и всегда действовал на него охлаждающе.

— Я спрашиваю об артиллерийской канонаде за Днепром. Все вдруг загомонили, наперебой добавляя свои вопросы.

— Черт возьми! — Воскликнул Волжанов, и все сразу замолчали. — Почему вы все сидели здесь при комиссаре и в две дырки сопели, а теперь ко мне лезете с этим вопросом? Или я лучше знаю обстановку? Кто я вам? Командующий ар-

мией? Командир роты я, как вам известно. Откуда мне знать, что делается за Днепром.

— Мы думали, что командир роты, как старший среди нас, догадается спросить у комиссара об обстановке, — сказал Хромсков с нескрываемым ехидством в тоне.

Командиры взводов встали и с низко опущенными головами ушли к своим бойцам. Артиллерийский гул, непрерывавшийся и ночью, доносившийся почему-то с далекого севера-востока, был необъясним и потому особенно неприятен

Оставшись один, Волжанов как-то сразу расслабился и откинулся всем телом к холодной стене.

Проснулся он от визга железной двери, схватился, было, за пистолет, но, увидев у входа своего ординарца Квитко, слабо улыбнулся.

— Вздремнул я, Николай Филиппович, — признался он и взглянул на часы. Ого! Скоро одиннадцать.

— Товариш лейтенант, та хибя ж можно человеку быть столько без спання? — сказал Квитко, поглаживая усы. — Худоба (животные) и та понимае, шо ночью спать трэба, а люды, шоб им було пусто. — Он поставил на стол два котелка, прошел к постели командира, заботливо поправил ее и возвратился к столу. — Скушайте, товариш лейтенант. Кухня уже давно потушена и пидогревать негде.

Волжанов повиновался. Быстро проглатывая большие дозы маслянистой «шарапнельки», он с улыбкой поглядывал на

усы уже пожилого и так преданного ему человека и не первый раз подумал: «Едва ли на всей Украине отыщется вторая пара таких метелок».

Усы Миколая Пилиповича (так называли его все бойцы роты) и в самом деле были редкостью не только на Украине, но, пожалуй, и во всем свете. Густые, слегка посеребренные сединой, они красивыми тугими валиками выходили на щеки, пышно разворачивались в широкие метелки, которые своими выгоревшими концами доставали до самых висков и, соединившись с ними, казались уже не усами, а бакенбардами. То ли от природы были они такими послушными, то ли выдрессированы были хозяином, они никогда не падали вниз, держались на щеках крепко, как будто приклеенные хорошим клеем.

— Вот что, Пилипыч, — сказал Волжанов, — посиди-ка ты у телефона, а я схожу в первый взвод, прослежу за отправкой раненых. Если будет вызывать начальство, пулей лети ко мне, куда — сам знаешь. — Накинув на плечи плащ-накидку, он сам пулей вылетел за двери, не увидев на лице своего телохранителя лукавой усмешки.

В блиндаже первого взвода Люда Куртяшова при слабом свете церковной свечки с помощью ефрейтора Мурманцева меняла повязку бойцу Цыбульке. Увидев командира роты, он оживился и сказал:

— Товариш лейтенант, а после лечения можно мне вер-

нуться в свою роту?

— Не только можно, а приказываю после полного выздоровления вернуться ко мне в роту. А сейчас, товарищ Цыбулька, скорейшего тебе выздоровления и до скорой встречи! — Волжанов крепко пожал его здоровую руку.

— Спасибо, товарищ лейтенант, широ дякую, как говорят у нас на Украине, до побачення, Люда, до свидания, товарищ ефрейтор! Крепче бейте хвашистов! — Цыбулька поднялся. Высокий и тонкий, держа перед грудью забинтованную руку, он подошел к сидевшему в углу Демушкину: — Идем, Колян, мы с тобою отвоювались.

Когда они вышли, Волжанов попросил Мурманцева показать тело взводного Лихарева.

Лихарев лежал на разостланной плащ-накидке неподалеку от блиндажа. Повернувшись спиной к противнику, Волжанов включил фонарик и невольно вздрогнул: из-под шинели виднелись только иссиня-белая голова с запекшейся кровью и сапоги со счирканными каблуками, а в том месте, где должно было быть тело, шинель плотно прилегла к плащ-накидке, выдавая страшную пустоту. Волжанов закрыл глаза и на минуту представил себе живого, всегда веселого, неутомимого и бесстрашного в любой обстановке Лихарева.

— Как же вы не уберегли своего командира? — спросил Волжанов.

— Я, товарищ лейтенант, лежал за пулеметом и подробностей не видел. Сержант Яковлев рассказывал, что когда тан-

ки переползли через наши окопы, младший лейтенант Лихарев поднял стрелков в рукопашную на автоматчиков. Сам он выскочил из окопа первый, фашисты не приняли рукопашную и побежали назад. А за нашими окопами три танка были подбиты артиллеристами, остальные развернулись и пошли через окопы обратно. Несколько раз они выстрелили из пушек по нашим залегшим стрелкам. Младший лейтенант хотел что-то скомандовать и поднялся. Снаряд угодил ему в грудь.

Волжанов глубоко вздохнул. Повернувшись к Люде, стоявшей в стороне, он заметил, что она всхлипывает. Он подошел к ней, молча обнял ее. По разбитой и испепеленной улице села, они прошли в тыл батальона, отыскивали вишневый садик и нырнули под его ветви. Все время, пока они шли, девушка беззвучно плакала. Волжанов расстелил плащ-накидку, усадил на нее Люду и сам сел рядом.

— Эх, Вовочка, если бы ты знал, как тяжело мне от того, что я узнала этот маленький кусочек счастья с тобой! Я иногда вспоминаю себя до нашей встречи и мне кажется... — она вдруг смолкла. Волжанов понял, что в ее воображении проходило совсем недалекое прошлое...

Они познакомились на новогоднем костюмированном балу в ее родном городе, куда Волжанов прибыл после окончания военного училища. Бал был молодежный, веселый, шумный и интересный. В связи с тем, что все военные ребята были в форме и без масок, не они приглашали девушек танце-

вать, а девушки приглашали их. Люда, нарядившаяся в костюм Золушки, выбрала себе в Принцы Волжанова и весь вечер, вернее, всю ночь танцевала только с ним. Вместе они участвовали в занимательных играх, много острили, хохотали и весело дурачились. За десять минут до полуночи Волжанов-Принц пригласил свою Золушку в буфет. Когда кремлевские куранты по радио пробили двенадцать, она подняла бокал с шампанским и громко сказала: «Пусть наши военные весь новый 1941-й год стреляют только холостыми патронами!» — «Это было бы чудесно, моя очаровательная Золушка!» — поддержал ее Волжанов. Провозглашенный Людой тост поддержали все, кто находился в буфете. Многие кричали: «За мир в новом году!»

Люда была студенткой пединститута и жила с родителями далеко за городом, в большом поселке рыбозавода. Как ни уговаривала она своего кавалера остаться в городе, он все-таки уехал с ней первым утренним трамваем. Они долго бродили по поселку, а когда совсем продрогли, Люда набралась смелости и предложила Владимиру зайти в дом. За столом еще сидели хмельные, утомленные, веселые гости. Они очень хорошо пели русские и украинские народные песни и не сразу обратили внимание на вошедших молодых людей. Первой их заметила мать Люды. Сильно возбужденная и разряженная, она подошла к ним и поздравила с Новым годом. Люда представила ей Владимира, как своего сказочно-го Принца, что-то еще хотела сказать, но тут их увидели все

гости, сразу окружили, раздели, усадили за стол и наперебой начали угощать. И новогоднее празднество в доме Куртяшовых затянулось.

С той самой памятной встречи Волжанов стал близким человеком в хорошей рабочей семье Люды. Родителям ее он понравился. Их простота и радушие в обращении с ним способствовали тому, что случайное знакомство молодых людей быстро переросло в крепкую дружбу. Когда в пединституте организовывалась школа танцев, Люда записала в нее и своего партнера. Немного было свободного времени у молодого лейтенанта Волжанова, но когда оно появлялось, он всегда проводил его только с Людой. Пока была зима, они ходили в театр, в цирк, на вечера танцев в клуб речников, а с весны самым любимым их развлечением стали прогулки на речных трамвайчиках и пароходах по живописным рукавам дельты реки. В конце мая начался купальный сезон, и Люда пригласила Владимира на остров Трусов. Там хорошие песчаные пляжи, чистая вода и яркое степное солнце. Они заплывали далеко-далеко, качались на волнах за проходившими судами, потом грелись на горячем песке и снова купались. Стояли чудесные мирные дни — самые счастливые дни в их еще очень короткой жизни...

Однажды бригада, в которой служил Волжанов, была поднята по тревоге на полевые учения с десантированием, и Волжанов не пришел вечером в читальный зал городской библиотеки, где они с Людой договорились позаниматься

вместе перед ее очередным экзаменом. Это был первый случай, когда он не смог предупредить ее, что не придет на свидание, и она впервые обнаружила в себе самой необычное чувство по отношению к нему. Заниматься в тот вечер она не смогла, приехала домой сильно расстроенная, задумчивая, чем-то подавленная. На все вопросы матери она отвечала рассеянно и с трудом сдерживала слезы. Ночь прошла у нее без сна: делала вид, что читает книгу, а сама не видела ни строчки. Утром, бледная и подавленная, она по настоянию матери выпила чашку калмыцкого чаю и уехала в институт. В трамвае она услышала тревожные разговоры пассажиров о том, будто во время ночного десантирования с самолетов у одного лейтенанта не раскрылся парашют. Люда выскочила из трамвая вся в слезах и не знала, что ей дальше делать, куда бежать. На улице, как назло, ни одного военного не было, спросить было не у кого. Единственное, на что она была способна в тот момент, это вернуться домой и с рыданиями упасть на свою кровать лицом в подушку. Это очень встревожило ее мать. Долго она не могла добиться от Люды откровенного ответа, а когда добилась, то готова была рассмеяться.

«Дурочка! — сказала она ласково. — Знаешь, сколько в части лейтенантов»? Эта фраза, сразу успокоила девушку. Она притихла и доверчиво прижалась к матери. Но мать этот случай насторожил: она поняла, что дочь ее по-серьезному увлечена молодым военным.

До позднего вечера девушка сидела дома, нетерпеливо ожидая звонка в прихожей. А когда этот долгожданный звонок раздался, она, сваливая на пути стулья, выбежала в прихожую. Мать, наблюдавшая за ней, видела из комнаты, как она распахнула дверь, схватила Владимира обеими руками за щеки и с ручьями радостных слез стала целовать его так возбужденно, что он даже испугался. Люда, не заметившая его испуга, продолжала целовать его и прижиматься к нему всем телом. Потом она оставила его, прошмыгнула мимо удивленной матери к своей кровати и так же, как утром, упала лицом в подушку. Мать вышла к Волжанову, рассказала ему о причине такого необычного поведения дочери и пригласила его в комнату. Он подтвердил, что в их части ночью разбился один лейтенант, и был очень удивлен тем, как быстро узнал город об этом ЧП.

«Видишь, Володя, как любит тебя Людочка!» — сказала мать.

«Да и я ее люблю, наверное, так же, а может, еще больше...» — признался Волжанов.

В связи с тем, что Люде надо было учиться еще два года, было решено сыграть свадьбу после окончания института. Война перечеркнула все планы. Уже на второй день после объявления мобилизации Люда записалась на курсы медицинских сестер и успешно их окончила. А когда бригада Волжанова уезжала на фронт, девушка пришла к комиссару Додатко и попросила зачислить ее санинструктором в роту

лейтенанта Волжанова. Комиссар похвалил патриотический порыв и тут же вызвал Волжанова. Вместе они пытались отговорить девушку от поездки на фронт, но она твердо стояла на своем. Уже в пути на запад она объяснила свое решение так: «Я, Вовочка, просто не смогла бы жить вдали от тебя в постоянной тревоге, поэтому ты на меня не сердись!»

Редкая, до невероятности тихая прифронтная ночь становилась все холоднее и прозрачнее. Девушка ласковым доверчивым котенком прикорнула на коленях у Владимира и, как ему казалось, заснула. Чтобы она хорошо отдохнула, он старался не шевелиться и был счастлив от одного только ощущения ее теплого дыхания на своей ладони. Потом, наклонившись к щеке Люды, как будто куда-то провалился... Сколько он спал, — не знал, а проснулся от неприятного озноба. Была еще ночь. Осмотревшись вокруг, Волжанов увидел, что неприветливая степная ночь, по-прежнему хозяйничала над уставшей землей. Владимир снова наклонился к Люде и приложил губы к ее горячей, несмотря на свежесть ночи, щеке.

— Я вот дремлю у тебя на коленях и думаю. Много думаю... А знаешь, до чего я додумалась? Ты ни за что не отгадаешь! Она спрятала свое пылающее лицо в сложенные ковшиком ладони, потом резко поднялась на ноги, одернула жесткую шерстяную юбку, села к нему на колени и нежно обняла шею. — Милый мой, мальчик мой... В какое ужас-

ное время довелось нам с тобой любить! И надо же было этому подлому Гитлеру начать войну именно теперь, когда мы с тобой так счастливы! — Она помолчала, потом, согревая его губы своим жарким дыханием, продолжала: — Вовочка, ведь может случиться так, что мы с тобой... Мы отдали друг другу сердца свои, а полностью отдаться, может, и не успеем: неизвестно, что с нами будет завтра.

Восхищенный ее смелостью, он схватил ее на руки и крепко прижал к груди. Потом он начал целовать ее в губы, в щеки, в глаза, но в этот момент высоко в воздухе вспыхнула ослепительно яркая ракета, и послышался сердитый голос ординарца:

— Товариш лейтенант, хочь и жалко мне було вас потревожить, та що ж поробышь; комбат на одной ноге трэбуе, — сказал Квитко.

— Почему же на одной, если я еще на двух стою? Чмокнув Люду в губы, Волжанов выскочил из уютного сада и побежал к командному пункту штаба полка.

В штабе полка, который размещался в остывших печах полуразрушенного кирпичного завода, царили панический беспорядок, суматоха и брань. Волжанов хотел было уже уйти в другую печь, но в это время торопливо вошла машинистка штаба Зинаида Николаевна. Она была в слезах, тихонько всхлипывала, но самообладания не теряла.

Зинаиду Николаевну, жену командира полка подполковника Шевченко, Волжанов знал еще до войны, иногда встре-

чался с ней на территории военного городка. К нему она относилась, как и ко всем молодым лейтенантам бригады, вроде старшей сестры к своим младшим братьям. У нее детей не было и, когда началась война, она поступила в штаб бригады машинисткой. Ей было около сорока лет, но выглядела она так молодо, что иная и тридцатилетняя женщина рядом с ней показалась бы старше. Увидив Волжанова, она уронила голову на его плечо и бурно разрыдалась. Полные и упругие ее груди, туго обтянутые гимнастеркой, приятно амортизировали толчки всего вздрагивавшего тела.

— Я знаю, ты не осудишь мою женскую слабость... Киевлянка я, Володя — этим можно все объяснить, понять мое горе. — Она еще что-то хотела сказать, но душившие ее слезы не давали ей выговорить больше ни слова.

— Да полно вам, Зинаида Николаевна! Успокойтесь, пожалуйста, и расскажите, что случилось? Я сколько ни спрашиваю, никто ничего не отвечает, все носятся, как на пожаре...

Зинаида Николаевна подняла свое мокрое лицо с блестящими карими глазами и удивленно спросила:

— Как, ты разве ничего не знаешь?

— Ну, конечно, ничего не знаю!

— Получен приказ, подготовиться к сдаче Киева, — проговорила она, как простонала. И был похож этот стон на тревожный крик птицы, у которой на глазах разоряют ее насиженное гнездо!

Ничего не сказав, Волжанов выскочил во двор. В соседней печи он застал командира полка одного. Шевченко только что отпустил командиров и комиссаров батальонов и в тяжелой задумчивости сидел за столом, накрытым, как большой скатертью, топографической картой. На звонкий стук каблучков Волжанова он не обратил внимания, даже не поднял голову. Локти его стояли на карте, а обе пятерни вонзились в густые, черные, как смоль, волосы.

— Товарищ подполковник, разрешите обратиться! — произнес Волжанов негромко, как будто боясь разбудить спящего.

Шевченко, не изменив положения рук, поднял к Волжанову усталый взгляд и с минуту безучастно смотрел мимо него на низкую квадратную дверь, завешенную байковым одеялом. Всегда моложавый и выхоленный, в любой обстановке следивший за своим внешним видом, красивый мужчина, каким его знал Волжанов раньше, теперь выглядел ужасно. Взъерошенная, как после долгого кутежа, шевелюра, осунувшееся до неузнаваемости лицо с запыленной некрасивой порослью, потрескавшиеся от ветра и солнца серые губы, расстегнутая на все пуговицы гимнастерка, ссутулившаяся фигура. Но особенно поразили Волжанова глаза Шевченко: вместе с большой усталостью они выражали безграничную тревогу и непоправимое горе. На мгновения в них появлялись неприятные зеленоватые оттенки — признак мелькавших в мозгу крайних, отчаянных решений. В таком состоя-

нии мог быть только человек, не видящий смысла дальнейшего своего существования. Чтобы вывести его из тяжело-го оцепенения, Волжанов подошел ближе к столу и громче прежнего сказал:

— Товарищ подполковник, я к вам по этому же вопросу.

— А, Волжанов... — отозвался Шевченко таким тоном, будто только что увидел посетителя. — Что же ты стоишь? Садись!

Волжанов поблагодарил и не сел.

— Товарищ подполковник, конечно, не положено обсуждать приказы... — в голосе лейтенанта были и просьба, и упрек, и обида. — Но как это можно, сдать Киев?! Неужели наше главное командование не понимает, что такое для нас Киев? Не говоря уже о его стратегическом положении, — он ведь отец всех наших городов, колыбель всей нашей Родины! Я не смогу приказать своим бойцам бросить оборону Киева. Они ведь так уверены, что отстоим его! А киевляне? Разве вы не знаете, как они нам верят? Да мы и доказали им, что удержим город. Мало ли мы истребили здесь фрицев за два месяца боев? Вспомните наше наступление в Голосеевском лесу, бой за институт и за это село, Мышеловку. Пусть Гитлер хоть всю Германию бросит на нас, — устоим!

От этих слов Волжанова глаза Шевченко сначала вспыхнули обычным для него огнем жизни, потом вдруг заволоклись плотной слезной пеленой. Видно было, каким напряжением воли сдерживал он слезы... Трудно все-таки быть муж-

чиной: невыносимо страдая, не иметь права плакать!

Шевченко встал, подошел к Волжанову и крепко обнял его.

— Спасибо тебе, Володя, — произнес он тихо. — Ты с Волги, а так преданно любишь мой родной Киев. А я, как ты знаешь, вырос под каштанами Киева. Старички мои и сейчас живут на улице Горького. Они сказали мне, что скорее умрут в Киеве, чем уйдут из него. А я, их здоровый сын, их защитник, должен уйти... Признаюсь, Володя, я тоже не знаю, где взять силы, чтобы выполнить этот приказ...

В этот момент одеяло, закрывавшее вход, нижним концом своим взметнулось вверх, и в печь, согнувшись, вошел комиссар полка старший батальонный комиссар Лобанов. Выпрямившись, он чуть не уперся головой в сводчатый потолок. Как все высокие люди, он был худощав, строен, но в плечах широк. Комиссар устало и, видимо, чтобы скорее оказаться внизу, сразу же плюхнулся на табурет.. Поздоровавшись с Волжановым, он спросил:

— Ты почему, лейтенант, не в роте? Не ранен ли?

— Он ко мне по делу пришел, — ответил ему Шевченко, принявший строгий и деловой вид.

— Кстати, Василий Иванович, тебе тоже надо бы потолковать с ним. Подойди-ка к карте, лейтенант! Смотри сюда...

— Он резким движением широкой ладони разгладил карту и взял толстый карандаш. — Ты говоришь, нельзя оставлять Киев. К сожалению, обстановка уже несколько дней это-

го требует. Всмотрись повнимательнее в эту карту, и ты поймешь.

Когда Волжанов наклонился к карте, в глаза ему бросились две огромные, красиво вычерченные синим карандашом стрелы в глубоком тылу войск Юго-Западного фронта, восточнее Днепра. Одна из них своим широким веерообразным основанием «сидела» на слове Кременчуг, значительно южнее Киева, а длинным острием устремилась на северо-восток, пронзила города Хорол, Лубны и приближалась к Лохвице. Вторая стрела, еще более широкая, чем первая, коромыслообразно изогнувшись, летела с севера, от Лоева, на юг и уже «накрыла» Чернигов, Нежин, Конотоп и Ромны. Ее острие вонзилось в кружок с надписью Лохвица. Всматриваясь в эти зловещие, стрелы, Волжанов почувствовал такое состояние, будто кто-то медленно всовывал ему под гимнастерку большой нож. Все тело его охватил лихорадочный озноб. Но в душе еще теплилась надежда на то, что противник, возможно, пока не приступил к выполнению этой ужасной операции и что, наверное, есть возможность и время принять контрмеры.

— Это их план или... — спросил он и умоляюще посмотрел на командира полка.

— Нет, не план, а уже реальность, — ответил Шевченко. — Это обстановка на двадцать ноль-ноль сегодня, тринадцатого сентября...

Никогда еще не слышал Волжанов более тяжелого сло-

ва, чем это только что произнесенное подполковником слово «сегодня»! Немым взглядом обреченного посмотрел он сначала на командира, потом на комиссара.

— Не падай духом, Волжанов! — отозвался, наконец, комиссар. — Борьба есть борьба. И мы далеко еще не в безвыходном положении. И в этой обстановке у нас есть выход — злее драться.

— Верно, товарищ старший батальонный комиссар — подтвердил Волжанов. — Я тоже считаю, что в какой бы обстановке ни воевать, а драться надо крепко. Только я одного не понимаю: как до этого могли допустить? — Он кивком головы указал на синие стрелы.

Командир и комиссар поочередно вздохнули, переглянулись и ничего не ответили. После тягостного молчания комиссар поднялся, положил руку Волжанову на плечо и сказал:

— Стоит ли, товарищ лейтенант, нам, воинам переднего края, задавать этот тяжелый вопрос? Все равно сейчас на него никто не ответит. Живы будем, после войны спросим сполна и строго. Ну, а ежели нас не будет, спросят другие... А теперь дорога каждая минута времени. Возвращайся в роту, и вместе с замполитом мобилизуйте личный состав на тяжелые бои. Главное, чтобы без паники. В условиях окружения паника — самый близкий и самый опасный враг. Разъясните бойцам, что с этой минуты у нас есть только одна возможность спастись — это злее драться. Мы все равно про-

бьемся! Перед уходом Волжанов выслушал еще одно напутствие комиссара: — Запомни, лейтенант, что в этой тяжелой обстановке все твои подчиненные больше обычного будут смотреть на тебя и равняться на твои поступки. В бою, конечно, всем страшно. Но ты командир — ты должен быть мужественным и ни в коем случае не показывать подчиненным, что и тебе страшно так же, как им. Никогда не выпускай страх наружу! Понял?

— Понял, товарищ старший батальонный комиссар.

— Вот и хорошо. А теперь — в роту! И чем быстрее, тем лучше.

Сражающийся солдат никогда не знает, что делается за его спиной. Солдат, сражавшийся под Киевом, тоже не знал, что творилось восточнее Днепра, потому и не мог ожидать той смертельной опасности, которая надвигалась на него с тыла. Когда же он ее увидел, она уже была неотвратима. Впрочем, не только солдат Киева, — народ, пославший его туда, не знал о грозившей ему беде. А когда эта беда случилась, ему некогда было разбираться в причинах и наказывать виновных: он дни и ночи ковал оружие и бросал в бой все новые и новые дивизии, чтобы быстрее заткнуть образовавшиеся в линии фронта огромные бреши. Но чем дальше вглубь истории уходят события военных лет, тем яснее и отчетливее вырисовываются обстоятельства киевской катастрофы, в результате которой три армии Юго-Западного фронта, как

войсковые объединения, перестали существовать, а две армии, рассеченные противником пополам, понесли тяжелейшие потери.

Рассказать об этих обстоятельствах следует более подробно...

Глава 2

У развилки дорог

А. Гитлер: «Я еще не принял окончательного решения в отношении дальнейшего ведения кампании. Это, я предвижу, будет самое трудное решение года».

Г. Гудериан, «Воспоминания солдата»

Когда фашистская Германия и Советский Союз готовились к неминуемой смертельной схватке, их политические и государственные лидеры проявили удивительное сходство в определении главного стратегического направления в будущей войне. Сталин был убежден, что Германия не сможет вести длительную войну против Советского Союза без скорейшего овладения хлебом, железом, углем и марганцем Украины и нефтью Кавказа. Поэтому вероятнее всего Гитлер нанесет главный удар на юго-западном направлении. Гитлер, со своей стороны, рассуждал точно так же. Он надеялся на то, что потеря Советами единственного, как докладывали ему экономические разведчики, месторождения коксующегося угля в Донбассе, без которого невозможна выплавка стали, поставит Советы в безвыходное положение, и их правительство вынуждено будет капитулировать.

Как же отнеслись к этим соображениям своих политических лидеров советские и немецкие военные руководители?

Народный комиссар Обороны СССР маршал Тимошенко и начальник генерального штаба Красной армии генерал Жуков согласились со Сталиным. К весне 1941 года на юго-западном направлении, в Киевском Особом военном округе, сосредоточили самую крупную группировку войск — 32 стрелковые дивизии, 4000 танков, 2002 самолета и большое количество артиллерии разного калибра. (ЦАМО СССР, оп. 157, д. 8 л. 43; оп. 181, д. 47, л.2) К имевшимся там пяти армейским управлениям подтягивались еще два — 16-й и 19-й армий. Главнокомандующий сухопутными войсками Германии генерал-фельдмаршал фон Браухич и начальник генерального штаба генерал Гальдер тоже не оспаривали мнение Гитлера о том, что для ведения длительной войны против Советского Союза Германии потребуется, в первую очередь, захват районов, богатых стратегическим сырьем. Но, взамен плана длительной войны, они предложили план молниеносной войны (блицкриг), для ведения которой в самой Германии и в захваченных ею странах Западной Европы было достаточно сырьевых запасов. Этот план гитлеровский генералитет «подкреплял» утверждениями об очень низкой боеиспособности Красной армии, слабом ее техническом оснащении и бездарности командного состава, особенно высшего звена. По этому плану молниеносной войны, с которым Гитлер согласился, вооруженные силы Германии должны были тремя мощными группировками войск, выдвинутых к западной советской границе, одновременно на трех стратегиче-

ских направлениях разгромить Красную армию и поставить «большевистскую Россию» на колени. Уже через две недели после начала боевых действий группа армий «Север» должна была овладеть Ленинградом и соединиться с финнами; группа армий «Центр» — захватить Москву; а группа армий «Юг» — взять Киев, отрезать от Днестра и полностью уничтожить все советские войска на правомбережной Украине. Принимая этот план, Гитлер в немалой степени рассчитывал и на вероломное нанесение внезапного удара по противнику, который верил в действительность не расторгнутого договора о ненападении.

В начале боевых действий руководители сторон проявили и второе удивительное сходство: они допустили одну и ту же ошибку — в определении главной группировки войск противника. В то время как советское главнокомандование ожидало основного удара на юге и для его отражения усиливало свой Юго-Западный фронт, гитлеровский генералитет считал, что главные силы Красной армии прикрывают московское направление. Поэтому главная цель германских вооруженных сил — молниеносным ударом разбить эти главные силы Советов, с хода овладеть Москвой и продиктовать условия капитуляции. Для этой цели в группу армий «Центр» были включены две самые мощные танковые армии. Поэтому неудивительно, что немцы быстрее продвигались на западном направлении. В этой связи советскому командованию пришлось спешно перебрасывать 16-ю и 19-ю армии с

юго-западного направления, где ожидался главный удар, на западное, где он наносился.

Вероломство Гитлера дорого обошлось Советскому Союзу и его армии: почти все боевые самолеты и большое количество танков приграничных военных округов были уничтожены на аэродромах, танкодромах и в парках. Страшный бронированный удар приняли на себя неприкрытые с воздуха пехота и артиллерия. Они гибли целыми частями и соединениями, защищая советскую землю, обескровливая врага. Их невиданный героизм был причиной того, что не только через две недели, а и через шесть недель ни одна из поставленных Гитлером стратегических целей не была достигнута. К началу августа группа армий «Север» была далеко от Ленинграда, группа армий «Центр» — далеко от Москвы, а группа армий «Юг», хоть и прорвалась танковым клином к воротам Киева, однако открыть их не смогла. Она не только не уничтожила советские войска на правобережной Украине, но вынуждена была отбиваться от дерзких контрударов советской 5-й армии далеко за Днепром. Опираясь на Коростеньский укрепрайон, эта армия дни и ночи контратаковала врага с севера, временами перерезая его главную коммуникацию — шоссе Житомир — Киев, и сдерживая его дальнейшее продвижение на восток.

Киевская излучина Днепра, если оценивать ее в стратегическом плане, — это очень опасное острие, направленное на тылы вырвавшейся далеко вперед группы армий «Центр».

Именно с этой точки зрения и оценивали ее Гитлер и Сталин. Гитлер истерично требовал от главнокомандующего группой армий «Юг» генерал-фельдмаршала Рунштедта быстрее взять Киев, распахнуть эти ворота в Донбасс, а Сталин строго предупредил главнокомандующего Юго-Западным направлением маршала Буденного, чтобы ни одна нога вражеского солдата не ступила на мостовую Крещатика. В конце июля и начале августа шли кровопролитные бои защитников Киева с остервеневшими в бессильной злобе фашистами. Особенно ожесточенными они были на южных подступах к городу, в районе поселков Жуляны, Тарасовка и Мышеловка. Врагу там удалось продвинуться в Голосеевский лес и овладеть Лесным институтом, однако подошедший туда 3-й воздушно-десантный корпус решительной контратакой восстановил положение. Активные действия 5-й армии далеко за Днепром, стойкость 37-й армии под Киевом и предпринятое контрнаступление 26-й армии южнее Киева, в районе Канева, не только остановили группу армий «Юг», но и потеснили ее назад. В результате этого Гитлер оказался в положении разъяренного хищника, которого вдруг крепко схватили за правую заднюю лапу и помешали поймать аппетитную добычу.

Неудачи всегда порождают разногласия. Появились они и в стане Гитлера. Браухич и Гальдер, мыслившие чисто по-военному, в результате мучительного пересмотра плана войны против Советской России пришли к выводу, что только

разгром группировки Красной армии, прикрывавшей московское направление, только быстрее овладение Москвой принесут Германии победу еще до наступления зимы. Исходя из этого, они всемерно усиливали достигшую линии Ельня, Рославль, Десна группу армий «Центр» и активно готовили ее к решительному броску на Москву. Они знали, что Гитлер спит и видит себя принимающим парад победы на Красной площади, для чего в обозе группы армий «Центр» холили красивого строевого жеребца. Они не сомневались, что при принятии своего окончательного решения Гитлер согласится с ними, одобрит их план броска на Москву. Однако старые вояки ошиблись. Они не знали, что фюрер, для вида тоже ломавший голову вместе с ними у развилки трех дорог, увы, не имел выбора. Всесильный диктатор Германии, он был бессильным лакеем стоявших за его спиной фактических ее хозяев — Круппа, Тиссена, Флика, Маннесмана и других воротил промышленно-финансовой элиты, которые много миллиардов марок вложили в создание военной машины и ждали быстрее «отдачи» от своего разбойничьего предприятия. Эти «деловые люди», в противоположность своему лакею, не были тщеславными. Время парада в Москве, как, впрочем, и сама Москва, их не интересовали. Раскочегаренные ими на полную мощность металлургические и химические гиганты, не когда-то в неопределенном будущем, а немедленно требовали в свои огнедышащие пасти много железной и марганцевой руд, коксующегося уг-

ля и нефти. Поэтому всеильные хозяева требовали от слуги- должника нужной им расплаты — драгоценного сырья из южных областей России.

Гитлеру ничего не оставалось, как послушно, отодвинув на задний план собственные честолюбивые мечты, искать кратчайший путь к овладению нужными его хозяевам районами юга России. Он начал вдалбливать в головы своих фельдмаршалов и генералов мысль о том, что не может быть и речи о наступлении на Москву до захвата в самое ближайшее время ценнейших месторождений руды, угля и нефти в южных районах этой «варварской страны», которые нельзя захватить, не овладев Киевом и не разгромив войска Юго-Западного фронта русских. На малоискушенных в вопросах экономики военных руководителей он обрушил каскады цифр о производственных мощностях и, в частности, о возможностях танковой, авиационной и другой военной промышленности Германии и Советского Союза. Особенно он подчеркивал свое убеждение, что советская военная промышленность без донецкого коксующегося угля не сможет производить танки.

Но военные руководители это увлечение Гитлера экономическими сторонами войны считали его блажью. Правда, они тоже были не против быстреего захвата богатых источников стратегического сырья России, только не через немедленное овладение Киевом и разгром войск Юго-Западного фронта, а через быстрееший разгром группировки

войск Красной армии, прикрывавшей московское направление. В самом деле, рассуждали они, зачем лишние хлопоты и жертвы под Киевом, в Донбассе и на Кавказе? Достаточно одним решительным ударом взять Москву, а Донбасс с Кавказом, как, впрочем, и вся Россия падут к ногам победителя. Браухичу и Гальдеру нужна была скорейшая военная, а не экономическая победа, поэтому они не поддержали идею Гитлера о повороте части сил группы армий «Центр» на юг, в обход Киева и войск Юго-Западного фронта русских с востока. Более того, они молчаливо саботировали эту идею и продолжали готовить группу армий «Центр» к решительному наступлению на Москву. Тогда Гитлер решил обратиться непосредственно к фронтовым руководителям войск. С этой целью он 4-го августа вылетел в штаб группы армий «Центр» в Борисов, где учинил поочередный допрос главнокомандующему группой генерал-фельдмаршалу фон Боку и командующим армиями. Все командующие высказались за немедленное наступление на Москву.

На другой день Гитлер посетил группу армий «Север», а 6-го августа вылетел в штаб группы армий «Юг». Пока почтительный, но по-прусски горделивый фон Рунштедт, стоя перед картой, докладывал обстановку, сложившуюся в районе Киева, Гитлер внимательно слушал и водил взглядом выпуклых водянистых глаз по лицам собравшихся генералов. Когда Рунштедт перешел к изложению плана дальнейших операций группы, фюрер недовольно вздернул к носу под-

стриженный кустик усов и спросил:

— Я приглашал на это совещание начальника генерального штаба сухопутных войск. Почему его нет?

Наступило давящее молчание. Из кресла в первом ряду поднялся худощавый, стройный генерал Паулюс.

— Мой фюрер, — сказал он, — генерал-полковник Гальдер просил передать свои извинения. Из-за недомогания он не смог вылететь на это высокое совещание и поручил мне представлять здесь генеральный штаб сухопутных войск.

Недомогание... — проворчал Гитлер и, повернув голову к Руншtedту — Прошу вас, господа генералы, оставить нас вдвоем с главнокомандующим.

Оставшись наедине с Руншtedтом, Гитлер встал, нервно одернул коричневый френч и быстро прошелся по мягкому персидскому ковру, заглушавшему легкий скрип его сапог. — Ваши войска, фельдмаршал, имеют успехи, но не справились с задачей, которая была поставлена перед ними в моей директиве в начале кампании, — сказал Гитлер, остановившись перед Руншtedтом. — Я не намерен выслушивать оправдания: и без того ясно, что все мы ошиблись в оценке Советов. Кто же знал, что эти русские большевики такие упорные фанатики? Но теперь поздно раскаиваться: мы войну начали, и мы должны закончить ее победоносно. От этого зависит судьба нашей горячо любимой Германии. До наступления зимы Россия должна быть поставлена на колени! Я еще не принял окончательного решения в отношении даль-

нейшего ведения кампании. Это, я предвижу, будет самое трудное решение года. — Он помолчал в глубокой задумчивости, — то, что продолжать наступление на всех трех стратегических направлениях мы уже не можем, не вызывает никакого сомнения. Во всяком случае, у меня. Требуется сосредоточить усилия на одном или двух направлениях, наиболее целесообразных с военной, экономической и политической точек зрения. Вот я и прилетел к вам, чтобы выслушать ваше мнение по этому вопросу... Он устало опустился в кресло и приготовился слушать. Рунштедт знал, что Гитлер обладал внутренней гипнотической силой внушать собеседникам свои идеи, заражать их своей кипучей энергией и верой в успех ведущейся борьбы. Взяв указку, Рунштедт повернулся к карте и сказал:

— Мой фюрер, я тоже придерживаюсь того мнения, что дальнейшее наступление в глубь России одновременно на трех стратегических направлениях невозможно. Это хорошо видно из сложившейся на сегодня обстановки. Не занятая нашими войсками лесистая Припятская область шириной в 250 километров отделяет группу армий «Центр» от моей группы. Эта область может быть использовала противником для нанесения контрудара по коммуникациям самой сильной нашей группировки войск, нацеленной на Москву. Ведь 21-я и 13-я армии Центрального фронта русских, обороняющиеся в районе Гомеля, не раз показывали свою стойкость и маневренность. А эта сильная, дерзкая 5-я армия

генерала Потапова из южных районов Припятской области днем и ночью наносит удары по левому крылу моей группы. Командующему 6-й армией генералу Рейхенау значительную часть своих войск приходится разворачивать фронтом на север и отбивать эти удары.

— Когда вы разделаетесь с этой занозой? — резко спросил Гитлер, вскочив с кресла. Он заложил руки за спину и стал быстро ходить перед Рунштедтом.

— Чтобы уничтожить армию Потапова, мой фюрер, мне надо приостановить наступление танковой группы на южном крыле, снять оттуда два подвижных корпуса и перебросить их на северное крыло...

— Это исключено! — отрезал Гитлер. — Подвижные корпуса должны продолжать наступление на Кривой Рог, Донбасс и к нижнему течению Дона.

— Есть и другой способ разделаться с армией Потапова.

— Какой?

— 35-й армейский корпус группы армий «Центр», который ближе к Припятской области, развернуть фронтом на юг и нанести удар в тыл 5-й армии русских.

— А как же Москва? — спросил Гитлер.

— Мой фюрер, учитывая неоспоримую важность боевых действий группы армий «Центр», мой штаб придерживается такой точки зрения: кто хочет овладеть Москвой, тот, прежде всего, должен разбить войска Буденного. Без взятия Киева не может быть и речи об овладении Москвой, потому

что без прикрытия с юга удар по Москве будет обречен на провал. Непокоренный Киев — это закрытые ворота на восток.

— Когда же вы откроете эти ворота? — Гитлер едва сдерживал бешенство.

— Без уничтожения армии Потапова, мой фюрер...

— Опять эта армия Потапова! — выкрикнул Гитлер почти в лицо Рунштедту. — По плану кампании вы давно уже должны были разгромить не только армию Потапова, но и все войска Советов на Правобережной Украине и взять Киев, а вы все еще топчетесь перед этой занозой, армией Потапова. Киев же дает вам поучительный пример стойкости. Тысячу шестьсот лучших сынов немецкого народа ежедневно кладете вы перед воротами этого города, а он стоит, как и месяц назад, когда вы подошли к его воротам...

Заметив появившуюся пену в углах губ Гитлера, Рунштедт виновато молчал. Гитлер повернулся к нему спиной и уже несколько смягченным тоном приказал:

— Пришлите ко мне генерала Рейхенау, а сами останьтесь в приемной. Рунштедт склонил голову на бок и вышел.

Гитлер с трудом взял себя в руки и своего бывшего фаворита генерала Рейхенау встретил почти ласково. Предложив ему одно из кресел, сел рядом с ним, спросил:

— Скажите откровенно, генерал, теми двенадцатью дивизиями, которые имеются в вашей армии, вы сможете уничтожить войска Потапова?

— Мой фюрер, я уничтожу армию Потапова, если в мое распоряжение будут переданы подвижные соединения, на первый случай, хотя бы одно. Я имею в виду 2-ю танковую дивизию, которая находится недалеко от этого района. Встретив холодный взгляд фюрера, генерал поспешил оправдать выдвинутое условие: — Ведь у Потапова помимо многочисленной пехоты есть два танковых корпуса. Правда, они вооружены преимущественно легкими машинами, но очень маневренны, особенно 9-й, которым командует генерал Рокоссовский.

— В общем, своими силами вы не надеетесь разделаться с Потаповым?

— Без подвижных соединений, мой фюрер, я смогу только оттеснить Потапова к припятским болотам и потерять на этом драгоценное время, что так необходимо русскому командованию. Для полного разгрома армии Потапова нужны маневренные механизированные соединения. У меня же только пехота. Гитлер встал и, как будто с опаской, подошел к карте с нанесенной обстановкой на восточном фронте. Он долго молчал, глядя на огромную территорию Припятской области, потом обернулся к Рейхенау и почти жалобно спросил:

— А мне, генерал, что надо предпринять, чтобы до зимы всю Россию разгромить?

— Здесь, на юге, мы считаем, что самая мощная ударная сила Германии — группа армий «Центр», нацеленная на

Москву, прежде всего должна оказать содействие группе армий «Юг» в форсировании Днепра и обходе Киева с востока. Только после взятия Киева можно будет предпринять решительное наступление на Москву.

После ухода Рейхенау в кабинет смело и молодежато вошел генерал-танкист, грудь которого была украшена целым рядом рыцарских крестов, свидетельствовавших о победоносных недавних походах по дорогам Западной Европы. Танкисты были слабостью фюрера. С их помощью он надеялся победить одного из самых страшных своих врагов в России, которого он больше всего опасался, — бескрайнее пространство.

Командующий первой танковой группой генерал-полковник фон Клейст, — представился вошедший.

— Рад видеть вас, генерал, очень рад! — Гитлер быстро пошел навстречу Клейсту, почти фамильярно взял его под руку и подвел к креслу, — Как сражаются ваши славные танкисты? Ведь на гусеницах ваших машин, как пишут ребята Геббельса, осела дорожная пыль всей Европы.

— Это верно, мой фюрер, — подтвердил Клейст и, польщенный похвалой диктатора, улыбнулся, — Вверенные мне танковые войска дерутся выше всяких похвал. Я начал наступление на Кривой Рог...

— Кривой Рог! — воскликнул Гитлер театрально. Его тускло-водянистые глаза вдруг заблестели. Отбросив со лба седеющую челку, он продолжал: — Вы, генерал, даже не

представляете, какую приятнейшую новость вы мне сообщили! Криворожье... Это же район исключительно богатых залежей высокосортных железных руд! В конце концов, если Советам не удастся все повзрывать, рейх получит большую металлургическую базу на востоке. Ведь совсем рядом с Кривым Рогом — марганец Никополя, металлургические заводы Запорожья, а там рукой подать до коксующихся углей Донбасса и еще ближе — до Крыма, этого непотопляемого авианосца Советов, с которого они нападают на румынские нефтяные промыслы и наши транспорты с нефтью. И, наконец, впереди у вас КАВКАЗ! Это же подземное море нефти! Она скорее должна пойти в хранилища рейха!.. Пристальный взгляд фюрера надолго остановился на юго-восточном районе Советского Союза. Клейст, чувствуя, что серьезный разговор с главой государства еще впереди, продолжал стоять у карты.

Гитлер положил руку на его плечо, спросил:

— Скажите откровенно, генерал, не рискованно ли дальнейшее продвижение вашей танковой группы здесь, на южном крыле фронта, и танковых групп Гудериана и Гота в центре, когда еще не решен вопрос с Киевом и с 5-й армией русских у Коростеня?

— Конечно, известный риск есть... — согласился Клейст,

— Вот, если бы вы, — перебил Гитлер, — своей танковой группой после выхода к Днепру захватили плацдарм где-нибудь в районе Кременчуга, и с него потом ударили строго на

север, а Гудериан от Рославля повернул бы строго на юг... — Он широко расставил руки, и левой провел по карте снизу вверх, а правой — сверху вниз, потом обе они как клещи, со сжатыми кулаками столкнулись далеко восточнее Киева. — Вы поняли меня?

— О, это грандиозный замысел! — воскликнул искренне восхищенный Клейст. — Только ваш, мой фюрер, государственный и полководческий гений мог наметить такой сокрушительный стратегический план.

— Гитлер взглянул на часы и протянул руку Клейсту. — Предупреждаю, генерал, до поры до времени этот разговор — строго между нами. А сейчас пригласите сюда командование группой армий, командармов и генерала Паулюса.

Когда приглашенные генералы уселись в кресла, Гитлер, стоя спиной к карте, прощупал каждого тяжелым взглядом, сказал:

— Господа, директиву о дальнейшем наступлении здесь, на востоке, вы получите в ближайшее время. А сейчас я подтверждаю свое прежнее мнение о том, что в первую очередь должен быть взят и стёрт с лица земли Ленинград — эта колыбель большевистской заразы, расползающейся по всему миру, во вторую очередь... — он сделал паузу, продолжая поочередно смотреть прямо в глаза слушателей, потом, еще более решительно, продолжал: — Германии позарез нужна восточная часть Украины, а также Кавказ. Не может быть и речи о нашей победе до тех пор, пока мы не захватим в

свои руки хлеб, железо и марганец Украины, уголь Донбасса и нефть Кавказа. Поэтому без немедленного и существенно-го пополнения сырьевых запасов мы быстро окажемся в положении выдохшихся забияк. В подтверждение этого я мог бы вам привести целый ряд убедительных цифр, но слишком быстро вы под них засыпаете. До свидания, господа генералы, желаю вам боевых успехов! — Он сухо распрощался и тотчас же улетел в ставку.

Гитлер ждал Гудериана, но встретил сухо. Справа и слева от него стояли, будто окаменевшие, генералы Иодль, Кейтель.

— Что интересного хотели вы мне рассказать, генерал? — спросил Гитлер, подвинув склонившемуся над столом Иодлю документ. Выйдя из-за стола, он быстро подошел к Гудериану, подал ему руку и продолжал: — «Внимание, танки!» — кажется, так называется ваша нашумевшая книга?

Гитлер пригласил Гудериана к разложенной на длинном столе карте.

— Доложите, генерал, что нового на вашем участке фронта, — сказал он тихо. — И не стесняйтесь, здесь все свои.

— Я военный человек и не имею права от вас скрывать, мой фюрер, — сказал Гудериан после доклада об обстановке, — всю правду о положении вверенных мне соединений. А правда эта состоит в том, что танковые и моторизованные корпуса с самого начала кампании в России не имели ни од-

ного дня отдыха. Почти все моторы требуют немедленной замены, так как из-за ужасной русской пыли они совершенно поизносились.

— Вы правы, генерал, — сказал Гитлер спокойно. — Ваши славные танкисты заслужили и вправе требовать отдыха, пополнения и запасных частей для боевых машин... Но скажите прямо: при сегодняшней боеспособности смогут ли ваши танковые соединения сделать одно крупное и крайне необходимое для нашей победы усилие?

— Если они будут иметь перед собой настоящую цель и эта цель будет понятна каждому солдату, то — да! — Гудериан произнес это твердо и вытянулся. — Да, мой фюрер. Поскольку вы сами затронули эту тему, позвольте мне высказать свой взгляд...

— Я готов выслушать вас, генерал. — Гитлер отошел от карты к столу и, не сядя в кресло, приготовился слушать

— До сих пор, мой фюрер, вверенные мне войска сражались, видя перед собой великую цель — столицу России Москву. Они рвались в бой, как львы; их не только не было нужды подгонять, а, наоборот, приходилось сдерживать. Надо иметь в виду как географическое, так и политическое положение Москвы. Она является важнейшим узлом коммуникаций всей европейской части страны. С утратой этого узла Советы не в состоянии будут маневрировать войсками. Москва также важнейший экономический и политический центр России. Падение Москвы непоправимо подорвет мо-

ральный дух всего русского народа и сильно повлияет на весь мир. Я прошу вас, мой фюрер, прежде чем принять окончательное решение, учесть, что все войска группы армий настроены на немедленное нанесение решительного удара по Москве. Когда Гудериан закончил, ему показалось, что он достиг цели, Гитлер был в глубокой задумчивости. Но танковый генерал ошибся. Фюрер глубоко вздохнул и, как будто оправдываясь перед Гудерианом и его танкистами, сказал:

— Если бы вы, генерал, смогли дать мне гарантию, что этим своим последним усилием вы возьмете Москву, и что с падением Москвы Россия капитулирует, я бы ни минуты не раздумывал и сейчас же отдал бы приказ наступать на Москву. Можете вы дать мне такую гарантию?

Припертый к стене этим неожиданным вопросом, а больше всего тяжелым взглядом фюрера, Гудериан смутился.

Смягчил его внутреннее состояние Гитлер.

— Поймите, мой дорогой генерал, — сказал он почти нежно, взяв Гудериана за пуговицу френча, — пока Германия не получит руду, коксующийся уголь Украины и нефть Кавказа, пока в руках у Советов Крым — этот непотопляемый авианосец, — о нашей решительной победе не может быть и речи. Железо Кривого Рога и марганец Никополя вот-вот будут взяты: танковая группа генерала Клейста уже на подходе к ним. Наступать же на Донбасс, Крым и Кавказ, не овладев Киевом, нельзя. А взять Киев — эти наглухо закрытые ворота на юго-восток — группа армий «Юг» без вашего

содействия не может. Поэтому, пока Киев не взят, Москве я не придаю никакого значения. — Гитлер отошел от Гудериана, выпрямил свое мешковидное тело и в совершенно другом тоне закончил: — Генерал Гудериан, я приказываю вам немедленно перейти в наступление на Киев! Киев теперь является моей ближайшей стратегической целью. — Пожав руку генералу, он проводил его до самой двери и успокоительно добавил: — А за Москву не беспокойтесь, как и Ленинград — эта колыбель большевистской заразы, — Москва будет уничтожена с воздуха ребятами Геринга.

25-го августа 2-я полевая армия барона фон Вейкса и 2-я танковая группа Гудериана из группы армий «Центр» перешли в решительное наступление на юг. Эта мощная пробивная сила, состоявшая из пяти армейских и двух танковых корпусов, двигалась неудержимой черной лавиной. И запылали огнем города и села Брянщины и самой северной области Левобережной Украины — Черниговщины...

Глава 3

Опасный поворот

Одну из коротких ночей в начале августа Сталин провел на своей подмосковной даче.

До самого утра продолжалась беседа Сталина с группой ведущих конструкторов танковой, артиллерийской и авиационной промышленности. Лишь в седьмом часу утра он прервал беседу и предложил своим гостям поужинать, но в это время в столовую вошел начальник его личной охраны. Сталин удивленно посмотрел на него и спросил: — Что случилось, товарищ Власик?

Власик подошел к Сталину, что-то шепнул ему на ухо.

— Если Шапошников просит принять его в такой поздний час, значит, случилось что-то важное, — сказал он тихо. — Передайте маршалу, пусть приезжает сюда, заодно и поужинает с нами

— Маршал Шапошников здесь, товарищ Сталин, — сказал Власик. — Он ждет в гостиной.

— Даже так? Тогда что-то чрезвычайно важное. Извините меня, товарищи, я должен сейчас оставить вас одних. Все вы проголодались, подкрепляйтесь без всякого стеснения. И повторяю: будьте, как дома.

Маршал Шапошников, недавно сменивший генерала Жукова на посту начальника генерального штаба Красной ар-

мии, встретил Сталина в гостиной.

— Ради бога извините меня, товарищ Сталин!

— Здравствуйте, Борис Михайлович, доброе утро! — Сталин крепко пожал руку маршала. — Всю ночь били зенитки, а какие результаты?

— Результаты — радуют, товарищ Сталин. Час тому назад с командного пункта ПВО сообщили, что на Москву шли около двухсот бомбардировщиков неприятеля, которые были встречены нашими ночными истребителями и рассеяны. Сталин, дымя трубкой, невесело посмотрел в окно, тяжело вздохнул и пригласил Шапошникова в кабинет. Остановившись посреди кабинета, спросил:

— Сколько же сбили?

— По предварительным данным, за ночь сбито двадцать пять самолетов неприятеля.

— Молодцы наши летчики и зенитчики! — почти воскликнул Сталин, заметно повеселев. — Если они так будут встречать фашистов каждую ночь, то Гитлеру ничего не останется другого, как запретить налеты на Москву

— Признаюсь, я вас побеспокоил по другому поводу.

— Что-нибудь более серьезное?

— Да, конечно. Сегодня я счел необходимым немедленно доложить вам о странном поведении противника. Дело в том, что танковая группа Гудериана не пошла на Вязьму и Москву, как нацеливалась, а круто повернула сначала на юг, а потом даже в юго-западном направлении...

— Да? — Сталин недоуменно посмотрел на прямой подбор Шапошникова на середине головы, потом бросил короткий взгляд на его папку. — Это проверено?

— Проверено, товарищ Сталин. Иначе я бы вам не докладывал. Эти данные подтверждаются и фронтовой агентурой. Разрешите пригласить оператора с картой?

Через минуту в высоком прямоугольнике двери показался низенький, но очень коренастый подполковник с оттопыренными усами. В руке у него была сложенная, по-военному большая топографическая карта. Он смело и четко представился:

— Товарищ Народный Комиссар Обороны, подполковник Штеменко по вашему приказанию...

Сталин не дал ему договорить, поздоровался с ним за руку и предложил:

— Покажите-ка, товарищ Штеменко, куда повернул гусеницы этот хваленый «танковый генерал»!?

Штеменко быстро разложил карту на столе для заседаний и, достав из кармана брюк миниатюрную указочку, густым баритоном начал докладывать:

— К седьмому августа основные силы второй танковой группы противника сосредоточились вот здесь, в районе Рославля. Были получены и проверены разведданные о том, что эта группа подтягивает тылы и готовит технику для дальнейшего наступления на Спас-Деменск, Вязьму и Москву. Заготовлены даже указки и краткие словари для солдат, и

путеводители для офицеров. Однако сегодня на рассвете две дивизии из этой группы вдруг начали развивать наступление не на восток, а в южном и юго-западном направлениях. К концу дня, если не примять мер, они могут выйти на тыловые коммуникации 13-й армии Центрального фронта.

— Продолжайте, пожалуйста, товарищ Штеменко. Мне интересно услышать, что вы думаете о замысле Гудериана.

— Я считаю, что Гудериан не пошел на Вязьму и Москву потому, что опасается за свой правый фланг. Видимо, он решил разбить войска нашей 13-й армии, обойдя их с тыла, а затем повернуть на Брянск, где у нас совсем нет войск. Захватив Брянск, он сможет развивать наступление на Москву с наиболее уязвимого направления. — Положив указочку в карман, Штеменко смущенно посмотрел сначала на Шапошникова, потом на Сталина, который сосредоточенно всматривался в нанесенную на карту обстановку.

— Вы закончили? — спросил он, не отрывая взгляд от карты.

— Я закончил, товарищ Народный Комиссар Оборонны.

— Спасибо. Мысли ваши интересны. Как вы думаете, Борис Михайлович?

— Дальнейшее поведение Гудериана, товарищ Сталин, предсказать трудно. Я думаю, все будет зависеть от ближайшей стратегической цели, которую Гитлер поставил перед своими сухопутными войсками.

— Это, пожалуй, верно, — согласился Сталин. — Вы, то-

варищ Штеменко... — Он немного подумал, выбивая пепел из трубки в большую черную пепельницу... — Генерал-майор Штеменко, вы можете ехать отдыхать, а вас, Борис Михайлович, прошу задержаться. — Товарищ Народный Комиссар Обороны, вы, очевидно, оговорились, — робко заметил Штеменко: — Я подполковник, а не генерал-майор...

Сталин лукаво улыбнулся в рыжие усы и, прищурился глазами, твердо сказал:

— Я не оговорился, товарищ Штеменко. С сегодняшнего дня вы не подполковник, а генерал-майор.

— Служу Советскому Союзу! — выпалил новый генерал, ошеломленный такой приятной неожиданностью, и залился краской. — Разрешите идти?

— Да, можете идти, генерал. И скорее привыкайте к этому новому чину. — Сталин пожал Штеменко руку и добавил: — Поздравляю и желаю успехов.

Взяв у Шапошникова папку с проектом директивы, Сталин одно кресло предложил ему, а в другое опустился сам.

— Сейчас я, Борис Михайлович, хочу поговорить с вами вот о чем. — Он подписал директиву и вернул ее вместе с папкой Шапошникову. — Вы с юности — военный человек. Еще в старой русской армии вы получили высшее военное образование. В Гражданской войне вы делом доказали, что искренне встали в ряды революционного народа. Немало труда вы вложили и в послевоенное строительство Красной армии. Сейчас и армия, и народ наш оказались перед

очень тяжелым испытанием, возможно, перед таким, которого еще не было в истории... — Сталин задумался и тяжело вздохнул. — Скажу вам без обиняков: без вашего квалифицированного совета я, как председатель Государственного Комитета Обороны и Верховный Главнокомандующий, не обойдусь. А вообще мы все, очевидно, допустили какие-то серьезные просчеты в деле подготовки страны к обороне. За них еще придется держать ответ перед народом. Дальше нам надо смотреть в оба и не допускать новых ошибок в ходе борьбы... Я, Борис Михайлович, очень рассчитываю на ваши советы. Похоже, Гитлер делает какой-то серьезный поворот во всей своей стратегии против нас. А какой именно? Что он замыслил? Как вы думаете?

— По моему мнению, товарищ Сталин, у Гитлера сейчас может быть три варианта дальнейшего ведения кампании. Первый: обеспечить правое крыло группы армий «Центр» разгромом нашей 13-й армии, после чего продолжить лобовое наступление на Москву. Второй: найти бреши в нашей стратегической обороне для глубокого обхода Москвы. — Шапошников провел рукой по карте через Брянск, Орел, Тулу, Серпухов. — И третий: временно отказаться от наступления на Москву, часть сил с московского направления повернуть на юг с целью разгрома несговорчивого Юго-Западного фронта с тыла.

— Вы допускаете, что Гитлер нацелил Гудериана на Украину?

— Это не исключено.

— А теперь, Борис Михайлович, пойдёмте в столовую и подкрепимся.

— Спасибо, товарищ Сталин, я в такой час есть, не могу. К тому же сейчас каждая минута на учёте.

— Хорошо. Я вас больше не задерживаю.

Как и все крупные штабы, штаб Киевского Особого военного округа во время «ежовщины» тоже был опустошен. Правда, ему несколько повезло: позже, после ареста Якира, командующим был назначен С. К. Тимошенко, а в январе 1940 года его сменил Г. К. Жуков. Но через год Г. К. Жукова перевели на должность начальника не менее пострадавшего Генерального штаба Красной армии, а на его место в Киев прибыл мало кому известный генерал М. П. Кирпонос, на плечи которого вскоре свалилась непосильная ноша: 22-го июня 1941 года он стал командующим войсками самого мощного Юго-Западного фронта.

Михаил Петрович Кирпонос был умным и талантливым кадровым военачальником. Незаурядный организатор, волевой, решительный и напористый командир с железной выдержкой и почти неиссякаемым терпением, Кирпонос не случайно и не опрометчиво был выдвинут на такой высокий полководческий пост. Когда на места репрессированных командующих крупными объединениями войск выдвигали молодых и наиболее способных командиров корпусов и диви-

зий, учли то, что еще во время гражданской войны Кирпонос был помощником начдива прославленной 1-й Украинской дивизии и командиром одного из ее полков. В 1927-м году успешно окончил военную академию, а во время финской кампании, командуя стрелковой дивизией, по тонкому еще льду Финского залива, под огнем противника смело провел ее в тыл выборгским оборонительным позициям, за что получил высокое звание Героя Советского Союза. Но самыми вескими и более ценными в военных «верхах» качествами Кирпоноса были редкая исполнительность и безоговорочная вера в неоспоримость приказов, поступающих свыше. Именно эти два качества более всего способствовали тому, что за один год после финской кампании он вырос от полковника до генерал-полковника. Такой головокружительный рост, резко меняя положение человека, к сожалению, далеко не всегда меняет и его содержание. Вчерашний комдив, даже самый способный и талантливый, получив в свои руки войска огромного фронта, немалое время по существу своему будет оставаться комдивом. Будь на месте Кирпоноса человек более опытный в руководстве крупными объединениями войск, хотя бы и в условиях мирного времени, человек, более масштабно мысливший и менее скованный верой в безошибочность поступающих сверху приказов и распоряжений, возможно, не так драматично сложилось бы для нас начало войны. Увы! Такого опытного и смело разговаривающего со Ставкой командующего на Юго-Западном фронте

не было. Неопытность Кирпоноса в руководстве большими массами войск, его робость перед Ставкой пагубно отразились не только на ходе и исходе приграничного сражения, но и позже, на завершающей стадии битвы за Киев и Днепр.

В первых числах сентября генералу Кирпоносу доложили, что на северном крыле фронта передовые отряды танковой группы Гудериана форсировали Десну и захватили плацдарм на ее южном берегу, а на южном крыле фронта 17-я полевая армия генерала Штюльпнагеля выбросила десант на остров Кролевиц под Черкассами. При взгляде на рабочую карту штаба фронта можно было заметить взаимосвязь между двумя этими событиями. Они напоминали две загребущие руки Гитлера, которые ровно месяц назад под Винницей продемонстрировали на карте перед Клейстом основной замысел операции на окружение и разгром войск Юго-Западного фронта в большой излучине Днепра.

Зная о том, что в районе Черкасс достаточно войск для ликвидации десанта противника, Кирпонос приказал командующему левофланговой 38-й армией фронта генералу Н. В. Фекленко очистить остров от немцев. И Кирпонос, и Фекленко этот демонстративный обманный маневр противника приняли за действительное его намерение форсировать Днепр на этом участке. За счет ослабления других участков армии, Фекленко подтянул к острову дополнительные силы. Это и нужно было противнику. На ослабленном участке обороны 38-й армии, южнее Кременчуга, он силою до пехотной

дивизии форсировал Днепр и на восточном его берегу, против села Дериевка, захватил плацдарм. А Рунштедт тем временем скрытно и очень быстро перебросил из-под Днепропетровска к Кременчугу танковую группу Клейста в полном составе. Она форсировала Днепр, смяла оборонявшийся там один полк 297-й стрелковой дивизии и захватила город.

На северном направлении фронта 10-го сентября воздушный десант противника во взаимодействии с передовыми частями Гудериана захватил город Ромны. Это на 225 километров восточнее Киевского укрепрайона на Ирпени, где оборонялись войска 37-й армии, и на 75 километров восточнее Прилук — пункта дислокации штаба фронта. Было от чего забеспокоиться Кирпоносу!..

Стоя перед висевшей на стене отчетной картой штаба фронта и глубоко задумавшись, он то и дело растирал пальцами виски и тяжело вздыхал. Глаза его не могли оторваться от огромного, пока еще не замкнутого, синего овала с множеством красных номеров дивизий внутри. Всегда невозмутимо спокойный, уравновешенный и даже в самые тяжелые периоды жизни веривший в лучшее будущее, на этот раз Кирпонос смотрел на карту, как осужденный на несправедливо жестокий приговор. Анализируя эту обстановку, Кирпонос пришел к выводу, что именно наступившая ночь — 11-го сентября — последняя ночь, когда еще не поздно принять единственно правильное решение: оставить Киев и Днепр, отойти на подготовленный новый стратегический рубеж обо-

роны за рекой Псел. «Неужели Ставка и Генштаб еще этого не видят? — Думал он и еще сильнее тер поседевшие виски, — ведь полмиллиона людей могут оказаться в западне! А сколько боевой техники!.. Что делать? Что делать?»

За этими мучительными раздумьями застали его члены военного совета фронта М. А. Бурмистенко и Е. П. Рыков. В кабинет шумно вошли генерал В. И. Тупиков, начальник штаба фронта, а вслед за ним полковник Захватаев, замещавший начальника оперативного отдела Баграмяна.

— Черт знает, что творится, товарищ командующий! — воскликнул Тупиков на ходу, остановился у карты и, сверкая черными и влажными от гнева глазами, ткнул пальцем в мост через Днепр у Кременчуга. — Вторые сутки наши «славные соколы» сыпят на этот мост бомбы, а он стоит, как заколдованный! Чему их, стервецов, учили до войны? Да ведь и воюют уже четвертый месяц! Когда же они научатся попадать в цели? Через этот злосчастный мост противник столько перебросил в Кременчуг войск...

— Подожди, Василий Иванович, — остановил его Кирпос, — не горячись напрасно: горячка делу не поможет... — Он отошел от карты, направляясь к столу. — Как раз почти весь военный совет в сборе, садитесь, товарищи, обсудим создавшееся положение.

Когда все заняли места у стола, командующий подчеркнуто официальным тоном приказал начальнику штаба доложить самые последние данные об обстановке. Генерал-майор

Тупиков, в отличие от Кирпоноса, далеко не все поступавшие «сверху» директивы и приказы считал идеальными. В прошлом он сам был «наверху» и хорошо знал, что проекты всех директив и приказов готовят люди смертные и, нередко, с серьезными изъянами в уме, подготовке, опыте и т. д. Природный критичный ум Тупикова, его относительная свобода суждений и оценок тех или иных событий заметно отличали его от командующего. Оба они это понимали и к взаимному удовлетворению видели, что в чем-то дополняют друг друга... Взяв со стола указку, Тупиков подошел к карте и начал докладывать:

— Надо без обиняков признать, что не только командарм Фекленко жестоко обманут противником. Мы сами и Генштаб тоже проморгали возникновение этой более опасной для нас «опухоли» у Кременчуга. Если завтра Клейст с этого плацдарма бросит на север, навстречу Гудериану, свои танковые дивизии, армия Фекленко тоже будет рассечена, и угнаться за танками Клейста не сможет. А у нас резервов нет. Я думаю, что не сегодня-завтра эти «танковые генералы» Гитлера встретятся где-нибудь в Лубнах или в Лохвице, и мы окажемся в полном окружении...

— Что ты предлагаешь, Василий Иванович? — спросил Кирпонос.

— Я предлагаю немедленно, сегодня же, пока есть коридор для выхода, отдать приказ войскам об отходе за реку Псел. Проект директивы нами подготовлен. — Тупиков кив-

нул Захватаеву, и тот, достав из папки два исписанных чернилами листа, передал их начальнику. — Можно зачитать?

— Нет, не надо! — отрезал Кирпонос. — Пока не будет приказа Ставки, ни о каком отходе войск не может быть и речи.

Тупиков с минуту молча смотрел в красивое, но необычно бледное и взволнованное лицо командующего, потом медленно разорвал листы и, вернув их Захватаеву, сухо сказал:

— Поскольку здесь происходит заседание военного совета и, как я понял, решается судьба фронта, прошу рассматривать это как официальное предложение одного из членов совета.

— Хорошо. Оно будет здесь обсуждено, но только как предложение войти в ходатайство перед Ставкой, — согласился Кирпонос. — На сегодня же, независимо от обстановки, мы имеем только один приказ Ставки: оборонять Киев любой ценой. Понятно? Любой ценой! А приказ есть приказ. Если каждый командующий фронтом или военный совет, вместо неукоснительного выполнения приказов, начнет вносить в них свои соображения и не выполнять их, к хорошему это не приведет.

— В таком случае, товарищ командующий, я предлагаю сейчас же доложить Ставке о катастрофическом положении войск фронта и предупредить, что если сегодня же по радио не будет разрешен отход за Псел, катастрофа неизбежна. — Тупиков взял себя в руки и уже совершенно спокойно до-

бавил: — Если же категорически будет запрещено оставить Киев, то штабу фронта стоит немедленно вернуться в Киев, откуда будет более удобно руководить войсками в условиях полного окружения. В Киеве, как известно, большие склады боеприпасов, продовольствия и людские резервы почти миллионного города.

Наступило тягостное молчание. Все прислушались к монотонному «воркованию» немецкого самолета-разведчика над крышами Прилук. Потом Кирпонос вопросительно посмотрел на Бурмистенко и Рыкова.

— А что скажут комиссары? — спросил он слегка шутливым тоном, который несколько ослабил атмосферу натянутости.

Бурмистенко поднялся и, глядя на Тупикова, сказал:

— Я думаю, Василий Иванович прав: промедление с отводом войск за Псел чревато будет тяжелыми последствиями. Я поддерживаю предложение срочно просить Ставку об отводе войск фронта за Псел. А Ставке виднее, возможно ли это в данный момент.

Рыков, отвечавший за партийно-политическую работу в тылах фронта, согласился с мнением своего старшего коллеги, но добавил:

— Мы, товарищ командующий, в пределах тыловых границ своего фронта, имеем право маневрировать тыловыми частями и без разрешения Ставки. Чтобы наши тыловые части, особенно госпитали, склады и базы не попали в руки

противника, надо сейчас же вывезти их за Псел. Без всяких поправок шифровка была одобрена всеми членами совета. Она гласила:

«Весьма срочно. Особо важная. Танковая группа противника прорвалась в Ромны, Грайворон. 40-я и 21-я армии не могут ликвидировать эту группу. Требуется немедленная выброска войск из КИУРа на пути движения противника и общий отход войск фронта на доложенные вам рубежи. Прошу санкции по радио. Кирпонос, Бурмистенко, Тупиков.»

Реакция Москвы на эту шифровку была почти мгновенной. Во втором часу ночи маршал Шапошников потребовал Кирпоноса на провод и передал ему приказ Ставки:

— Войскам Юго-Западного фронта продолжать драться на тех рубежах, которые они занимают. Наш полевой устав предусматривает ведение боевых действий в любых условиях...

Это означало, что вести боевые действия фронт обязан и в условиях полного окружения.

Я предлагаю, товарищ командующий, переговорить с Буденным, — сказал Тупиков, когда Захватаев вышел к шифровальщикам. — Все-таки, во-первых, он наш прямой начальник, во-вторых. Во-вторых, это же Буденный!

Кирпонос остановился посреди кабинета, вдруг заметно повеселел и благодарно посмотрел Тупикову в глаза.

— Это последний шанс, Василий Иванович, — согласился он, — причем не соломинка, а что-то повесомее...

Маршал Буденный обеспокоено следил за развитием событий на Юго-Западном фронте, поэтому после переговоров с Кирпоносом сразу же связался с Шапошниковым и попробовал убедить его в необходимости немедленного отвода войск Юго-Западного фронта за Псел. Однако Шапошников, сославшись на приказ Сталина, стоял на своем. Тогда Буденный направил пространную шифровку на имя Сталина. В ней он подробно и очень убедительно доказывал правоту военного совета фронта. Весь день 12-го сентября штаб фронта предпринимал отчаянные шаги, чтобы заткнуть многочисленные бреши в обороне на северном участке. А поздно вечером все вдруг остановилось. Командующего к прямому проводу вызвала Москва. По всем домам, занятым отделами и службами полевого управления, с быстротой молнии пролетела весть: Сталин на проводе! Люди воспрянули духом, заметно повеселели, ожидая каких-то перемен.

— Сам Верховный на проводе!

— Хорошо, — сказал Кирпонос, — Сейчас будет решена судьба фронта. — Обернувшись к вошедшим вслед за ним Тупикову, Бурмистенко, Рыкову и другим ответственным работникам штаба, он улыбнулся и приказал радистке — Передавайте: «У аппарата генерал-полковник Кирпонос». Как всегда, Сталин сначала поздоровался, потом заявил: — Ваше предложение об отходе на рубеж известной вам реки мне кажется опасным...

Все присутствовавшие в аппаратной нетерпеливо потяну-

лись к ползущей телеграфной ленте и, прочитав первую фразу Сталина, облегченно вздохнули: в ней речь шла только о личных опасениях Верховного, который как будто оправдывался в том, что отдал тяжелый приказ войскам фронта. Значит, если ему убедительно доказать неизбежность и возможность организованного отхода, то он может и согласиться! Всем было понятно, что судьба фронта зависела от поведения командующего... Всем, кроме самого командующего, который, увы, не был человеком, способным полемизировать со Сталиным. Логика Сталина, железная и неотразимая, могла зажать в угол и не такого полководца, как Кирпонос, который, к его и нашему несчастью, был всего лишь дисциплинированным и исполнительным генералом, верившим, как и все мы, в безошибочность обожаемого вождя. Недовольство Сталина, а тем более его гнев или строгое предупреждение были страшнее любых мук и страданий, страшнее смерти от пули врага. К не меньшему несчастью Кирпоноса, он не знал того, что Сталин, будучи сам человеком твердой, негибкой воли, высоко ценил эту твердость и в своих подчиненных. Он терпеть не мог людей, которые не могут постоять за себя, за свое собственное мнение перед ним и при первом же его нажиме меняют это мнение...

Заявив, что общий отвод войск опасен, Сталин сослался на июльский отход, когда 6-я и 12-я армии были отрезаны и в районе Умани разгромлены танковой группой Клейста. Это были недавние факты. А факты для Сталина — вещь

упрямая. Для Кирпоноса же они оказались неотразимыми доводами. Он стоял перед телеграфной лентой в холодном поту и в полной растерянности. Когда лента снова двинулась, он даже вздрогнул.

— Какая же гарантия, что это не повторится теперь? — спрашивал Сталин. — Это первое. А потом — второе. В данной обстановке, на восточном берегу Днепра, предлагаемый вами отвод будет означать окружение наших войск, так как противник будет наступать не только со стороны Конотопа, то есть с севера, но и с юга, со стороны Кременчуга, а также с запада... Если конотопская группа противника соединится с кременчугской группой, вы будете окружены. Где же выход? Выход может быть следующий. Первое. Немедленно перегруппировать силы и повести атаки на конотопскую группу противника во взаимодействии с Еременко, сосредоточив в этом укрепрайоне девять десятых авиации. Еременко уже даны соответствующие указания. Второе. Немедленно организовать оборонительный рубеж на реке Псел, выставив большую артиллерийскую группу фронтом на север и запад и отведя 5—6 дивизий на этот рубеж. Третье. По исполнении этих двух пунктов и только после исполнения этих двух пунктов, то есть после создания кулака против конотопской группы, и после создания оборонительного рубежа на реке Псел, словом, после всего этого начать эвакуацию Киева. Подготовить тщательно взрыв мостов. Никаких плавсредств на Днестре не оставлять, а разрушить их. После

эвакуации Киева закрепиться на восточном берегу Днепра, не давая противнику прорваться на восточный берег... Лента снова остановилась. Тупиков не удержал в себе радости и громко сказал:

— Слава богу, согласился! — посмотрев на Захватаева, уже набрасывавшего проект директивы, предупредил: — Не пять, а шесть дивизий пиши!

Кирпонос, вытиравший платком вспотевший бледный лоб, метнул в начальника штаба сердитый взгляд и снова «влип» глазами в «отдыхавшую» ленту. Наконец, она опять пришла в движение, и все неудержимо, стенкой наклонились над ней, едва не сваливая командующего на плечи радистке.

— Перестать, наконец, заниматься поисками рубежей для отступления, а искать пути сопротивления! — закончил Сталин.

Ну что ж, это был резкий, тяжелый, но справедливый упрек со стороны Верховного Главнокомандующего, которому со всех фронтов от Мурманска до Херсона шли боевые донесения о том, что противник всесилен, особенно в танках и авиации, что его невозможно удержать и что наши войска оставляют все новые и новые города и стратегические рубежи обороны. Сталин вправе был выражать свое недовольство, и даже раздражение. Более опытный и более дипломатичный командующий фронтом на месте Кирпоноса послушно «проглотил» бы этот заслуженный упрек, сказал бы: «Учтем, товарищ Сталин, ваше замечание!» и не вы-

пустил бы из своих рук только что полученное разрешение оставить Киев.

Увы! Не таков был Кирпонос. Он дважды вслух прочитал эту последнюю фразу Сталина и как будто увидел перед собой эшафот, еще больше побледнел и, видимо, забыв о том, что от его поведения в ту минуту зависела судьба всего фронта, как незадачливый школьник перед строгим учителем, начал оправдываться. Это ученическое желание оправдаться лично перед Сталиным заслонило все остальное, неизмеримо более важное.

— Ну, что скажете? — спросил он стоявших рядом членов военного совета.

— Раз нельзя отходить, мы и не будем настаивать, — проговорил Бурмистенко, на которого упрек Сталина подействовал так же, как и на Кирпоноса.

Тупикова не спросили. Он все же попытался что-то сказать, но Кирпонос, резко обернувшись к радистке, приказал передавать:

— У нас и мысли не было об отводе войск до получения указания, а была лишь просьба в связи с расширившимся фронтом до восьмисот с лишним километров усилить наш фронт резервами.

В этой фразе Сталин увидел не только оправдание, а вопиющую ложь. Ведь перед ним лежала шифровка Буденного, которая начиналась фразой: «Военный совет фронта считает, что в создавшейся обстановке необходимо разрешить об-

щий отход войск на тыловой рубеж». Да и телеграмма самого военного совета с просьбой по радио санкционировать отвод войск была в его руках. Можно лишь догадываться, как эта ложь разгневала Сталина! Но равнодушная телеграфная лента не отразила этот гнев для сведения историков. Она зафиксировала только содержание ответа на нее. Сталин процитировал некоторые места из лежавших перед ним шифровок и, видимо, решив, что если проявить твердость, то можно заставить командование фронта удерживать Киев и Днепр, проявил эту твердость:

— Киева не оставлять и мостов не взрывать до особого разрешения Ставки! До свидания. — И лента остановилась...

В аппаратной наступило общее оцепенение. Тупиков, с первой же фразы Кирпоноса понявший, что фронт приговорен к неминуемой катастрофе, обеими руками схватился за голову, отвернулся в угол и застонал от сознания неоправимости сделанного командующим шага. Захватаев, набросавший уже текст шифровки командующему 37-й армией о переброске шести дивизий, удивленно раскрыл рот и закрыл папку. Рыков продолжал огорченно теребить свои волосы и вопросительно смотрел на Бурмистенко, который сочувственно посматривал на обтиравшегося платком Кирпоноса...

Первым все же вышел из оцепенения сам Кирпонос. Взяв себя в руки, он сказал радистке:

— Передавайте: указания ваши ясны, до свидания! — с этими словами он, ни на кого не взглянув, выбежал из аппаратной.

Вот от каких чисто субъективных явлений зависят на войне судьбы сотен тысяч людей!

Радистка, молодая и смелая девушка с нервами, окрепшими под частыми бомбежками, вдруг всхлипнула, уронила голову на стол и разрыдалась. Ее не утешали. Все понимали, что это были слезы первой советской женщины из числа сотен тысяч женщин, на долю которых выпало месяцем-двумя позже оплакивать официальные извещения о безвести пропавших мужьях, сыновьях и братьях...

Тупиков и Бурмистенко застали командующего в рабочем кабинете в очень удрученном состоянии. Он ходил из угла в угол большими шагами и по неизменной своей привычке обеими руками растирал виски. Увидев вошедших, он остановился, выпрямился и виновато проговорил:

— Верно, сказал гоголевский городничий: «Если господь захочет кого наказать, то, прежде всего, отнимет разум». — Он крепко сжатым кулаком несколько раз стукнул себя по лбу. — Дернула же меня нечистая сила оправдываться! Надо было, Василий Иванович, тебе разговаривать с Верховным: ты ведь дипломат!

Как ни зол был Тупиков на командующего, увидев его снова, он проникся к нему большим сочувствием; вид Кирпоноса, несмотря на военную подтянутость, вызывал жа-

лость и беспокойство; особенно беспокоило то, что в потухших его глазах уже не было заметно хоть какой-нибудь, хоть малой решимости еще потягаться со Ставкой.

— Не падайте духом, Михаил Петрович, — сказал Тупиков, — мне кажется, что Верховный был раздражен, не только вашей неудачной попыткой оправдаться. У него ведь уйма и других раздражителей... Немного повременим, и опять будем доказывать, что только выводом войск из КИУРа можно спасти положение. Пока еще не поздно.

— Согласен, Василий Иванович. Возьми это, пожалуйста, на себя. Выбирай подходящий момент, составляй нужный документ, доказывай, а я поддержу. — Кирпонос с минуту подумал, вспомнил: — А на всякий случай переезд в Киев тоже не забудь.

— К переезду все готово, только не будем спешить. Еще попробуем настоять на своем. Я не слезу с Шапошникова: он до мозга костей военный и должен понять катастрофичность положения. Мне кажется, в военных вопросах Сталин с ним считается.

— А Шапошникова уломать было бы полезно: он все время действует от имени Ставки и даже лично от Сталина.

В тот же день стало известно, что Ставка отстранила от занимаемой должности маршала Буденного. Вместо него в Харьков прилетел маршал Тимошенко, который разделял мнение Ставки о необходимости драться на занимаемых войсками Юго-Западного фронта невыгодных рубежах.

Для Кирпоноса эта весть явилась еще одним тяжелейшим ударом. Он не сомневался, что Буденный поплатился высокой должностью из-за его, Кирпоноса, поведения в переговорах со Сталиным. К тому же он хорошо понимал, что смена главкомов в такой критический момент принесет только вред. Так оно и получилось: эта смена только усилила напряженность и сумбур в управлении войсками. Новому главкому нужно было время, чтобы как следует разобраться в обстановке и принять какие-то реальные меры. А времени не было. В день его прилета в Харьков, 12-го сентября, танковая группа Клейста с кременчугского плацдарма, разрубив фронт 38-й армии, повела наступление на северо-восток, навстречу танковой группе Гудериана. К исходу дня она захватила Хорол, а на следующий день — Лубны. Танковые «клещи» противника быстро и почти беспрепятственно сдвигались, а коридор для возможного еще отвода войск фронта за Псел сужался.

Перед рассветом 14-го сентября Тупиков только за своей подписью отправил в Генштаб и в штаб Юго-Западного направления шифровку, которая заканчивалась фразой, напоминавшей сигнал бедствия «SOS»: «Начало понятной вам катастрофы — дело пары дней».

Резко среагировал на эту шифровку маршал Шапошников. Он обвинил Тупикова в паникерстве и потребовал от нового главкома направления «внушить всему составу фронта необходимость упорно драться, не оглядываясь назад».

Для Тупикова этот удар был, конечно, тяжелым, но не подавил в нем решимости отстаивать свое личное мнение не только перед Шапошниковым. К 7 часам утра он вместе с Захватаевым подготовил на имя Сталина срочное боевое донесение, которое всем своим содержанием показывало безусловную нереальность требования Ставки драться на занимаемых войсками фронта невыгодных рубежах. Этот документ, хотя он и остался без ответа, сильно поколебал позицию двух маршалов, что можно заметить по тем многословным и бесплодным переговорам, которые они вели между собой после его получения. Как на срочное боевое донесение, так и на эту шифровку ответа от Сталина не последовало. Было видно, что судьбу фронта, попавшего в беду, он полностью передал в руки начальника Генштаба Шапошникова, непреклонность которого можно было истолковать, как неоценимую услугу противнику. Потому что именно Гитлер и его генералы больше всего опасались, как бы Кирпонос не отвел войска фронта на новый стратегический рубеж обороны. Ведь ради окружения и разгрома непокорных и опасных войск Юго-Западного фронта, Гитлер отложил генеральное наступление на Москву и повернул значительные силы группы армий «Центр» на юг, потеряв в этой операции не только массу солдат и боевой техники, но и самое дорогое для него в развязанной против России войне — время.

Отстранение Буденного объективно тоже было услугой врагу. Преемник Буденного маршал Тимошенко не сразу

убедился в нереальности требования Ставки, предъявляемого к командованию Юго-Западного Фронта, — держать оборону на занимаемых рубежах.

Увидев на месте ошибочность позиции Шапошникова, Тимошенко не доложил ему об этом прямо, а прибег к тактике «тонкого лавирования», которую хорошо можно увидеть из переговоров этих двух маршалов 15-го сентября. Туманные выражения, которые употребил Тимошенко, видимо, были пробным шаром. Проба оказалась удачной: Шапошников не возразил, и Тимошенко решился на более смелый шаг. Увидев в своем штабе 16-го сентября приехавшего из 38-ой армии генерала Баграмяна, он приказал ему немедленно вылететь в штаб фронта и передать Кирпоносу приказание оставить Киевский укрепрайон и, прикрывшись небольшими силами по Днепру, незамедлительно начать отвод главных сил фронта на тыловой оборонительный рубеж. Когда Баграмян прилетел в штаб фронта, он ничем не мог подтвердить это приказание главкома, письменного документа в Харькове ему не дали. Как ни уговаривал Тупиков Кирпоноса воспользоваться этим последним шансом, Кирпонос даже в этой исключительной, небывало тяжелой обстановке остался самим собой. Нахмутив черные пушистые брови, он зашагал по комнате, долго ходил из угла в угол, потом вдруг остановился перед Тупиковым и подчеркнуто твердо сказал: — Я ничего не могу предпринять, пока не получу документ. Вопрос слишком серьезный! — Заметив, что

Тупиков что-то хочет сказать, он хлопнул ладонью по столу и грубо отрезал: — Все! На этом закончим разговор!

Пока связывались с Москвой и дожидались подтверждения приказа маршала Тимошенко на отвод войск, уходило драгоценное время, а противник тем временем в спешном порядке укреплял и завинчивал крышку огромного «котла».

В те роковые для Юго-Западного фронта дни штаб группы армий «ЮГ» в своем журнале боевых действий записал: «Русские решили еще раз сделать одолжение немецкому командованию, стремясь удерживать фронт в условиях угрозы двустороннего охвата и подвергать обороняющиеся здесь войска опасности уничтожения. Они вели бои за Киев до тех пор, пока все силы их юго-западного направления не оказались обреченными на уничтожение». А уже после войны «танковый генерал» Гудериан в своих мемуарах признался:

«В то время мы были чрезвычайно удивлены такими действиями русского командования».

Что же это было за поведение со стороны русского командования? Это был тяжелый оперативно-стратегический просчет.

Этот просчет Ставки тоже имел свою причину — недостаточный опыт в руководстве огромными вооруженными силами в крупномасштабных сражениях. Да и тот трехмесячный опыт, который уже имелся, был горьким опытом отступления и многих крупных поражений. Он внушил Ставке понятную осторожность: как бы оторванные от укрепленных

рубежей обороны войска не перешли к беспорядочному перемещению и бегству. Именно эта почти боязливая осторожность Ставки в немалой степени предопределила судьбу полумиллионного фронта.

Глава 4

В большом «котле»

1. За Днепр

«Как могли это допустить? Куда смотрели? Кто проморгал? А, может, измена?» — эти гневные вопросы молниеносно плодились в голове лейтенанта Волжанова, стремились вырваться из нее к неизвестному адресату, но адресата не находили. Не сознанием, а скорее чувством он был уверен в том, что кем-то вероломно обманут и предан. Но кем? Сначала он вспомнил всех крупных военачальников, с которыми ему приходилось видаться на довоенных учениях и смотрях. Но где они теперь? Да и в них ли дело? Потом зрительная память воспроизвела огромный красочный плакат по знаменитой картине «Богатыри», на котором вместо былинных героев были изображены три советских маршала. Много таких плакатов встречал Волжанов на станциях по пути к фронту. Только сознание его даже не допустило вопроса: «Не они ли виноваты»? Для Волжанова такой вопрос был вообще невозможен: слишком много в его душу было влито довоенной пропагандой любви к этим прославленным маршалам, соратникам великого вождя...

«Сталин. Где он теперь? — подумал лейтенант. — Зна-

ет ли он, в каком тяжелом положении оказались защитники Киева? Конечно, не знает! И его обманули предатели, недобитые враги народа. Как это их вовремя не разоблачили?.. Но Сталин не оставит в беде целый фронт, примет нужные меры! Может, и верны слухи, будто Буденный с конницей высадился на Балканах и пошел на Берлин с юга?» — Так наивно размышляя, Волжанов снова споткнулся о кучу кирпича у сгоревшей хаты, упал, но быстро вскочил на ноги и ускорил шаг. Отбросив грустные размышления, он стал обдумывать предстоящий разговор со своей ротой. Что сказать бойцам? Ведь они обмануты больше всех! Им предстоит платить за этот обман не карьерой и регалиями, а горячей кровью и жизнями. Он вспомнил брошенную Балатовым фразу: «Я скорее язык свой вырву, чем скажу бойцу неправду!» Эх, Борька, Борька! Ты, конечно, прав, но сможешь ли ты его вырвать, когда получишь приказ сказать неправду? Ведь об окружении разрешено сообщить до командира взвода включительно... Самое тяжелое было то, что сам Волжанов не видел никакой необходимости скрывать от бойцов эту ужасную правду. Через несколько часов они увидят ее и вступят в смертный бой морально неподготовленными...

— Стой! Кто идет? — услышал Волжанов недалеко впереди.

— А, это вы, товарищ лейтенант.

Незаметно для себя Волжанов оказался у окопов первого взвода. Часового он узнал по татарскому акценту. Перед вой-

ной этот боец, Ибрагим Гениатуллин, был призван из Харабалинского района Астраханского округа и при знакомстве с бойцами роты рассказал, что в своем колхозе работал на верблюдах, подвозил к тракторам горючее. Ротные шутники сразу же прилепили ему кличку «верблюдовод»...

Вспомнив об этом, Волжанов улыбнулся и спросил:

— Как настроение, товарищ Гениатуллин?

— Натоело, товарищ лейтенант, в обороне ситеть. Когда будем наступать? — этот вопрос так пронзил лейтенанта, что он ничего не смог ответить. Он только пробормотал:

— Это верно, всем надоело обороняться.

Заря только-только занималась. Неприятный предутренний ветерок резкими порывами проносился над обезображенными окопами, в которых мертвецки спали измученные бойцы роты Волжанова. Лейтенант прыгнул в траншею и прошел по ней до третьего излома. Бойцы спали в самых разнообразных позах. Жалко было смотреть на скорчившиеся от холода и земляной сырости тела в красноармейских шинелях. Несмотря на то, что большинство своих бойцов Волжанов знал в лицо, в неловких сонных позах он с трудом узнавал их. Прямо на дне окопа растянулся ростовчанин Чепуркин. Он старался плотнее укрыться двумя плащ-накидками. Хотя этот боец прибыл в роту недавно, его все уже хорошо знали. О нем не раз докладывал взводный Лихарев, как о «смутьяне», который всегда очень громко негодовал после прослушивания очередных сводок Совинформбюро об от-

ступлении наших войск на всех фронтах и оставлении многих городов. После каждой политинформации «смутьян» похабно ругался в адрес «сидевших на антресолях» маршалов, и Волжанов вынужден был предупредить его, что из-за своей невоздержанной болтовни он может попасть в немилость к уполномоченному особого отдела.

— Я всяких оперативников видал и знаю, как с ними разговаривать, — отрезал «смутьян», — Да и в самом деле, товарищ лейтенант, куда это годится? Налоги с нас драли? Еще какие! Мы последнее отдавали, сами с голым задом ша-стали, только бы армию укрепить, и нас убаюкивали, а мы рты поразинули и верили. Какие нам киношки подсовывали, помните? Мол, и граница наша на крепком замке, и соколы-истребители наши мошкаррой жужжат денно и ночью в небе ясно-голубом так, что любимые города и городишки могут преспокойно дрыхнуть. И лавины стальных танков давят, как кроликов, всех врагов наших на их собственных землях, а что вышло на деле? Ерунда вышла. Обман один. Да я любому оперативнику брошу это в рыло. Пусть докажет, что это не так!

Что мог сказать ему на это Волжанов? Он не вступил в полемику со «смутьяном», но предупредил, что в боевой обстановке такие разговоры на пользу врагу, поэтому законы военного времени карают за них строго...

До мобилизации Чепуркин работал на «Ростсельмаше», за участие в какой-то праздничной драке отсидел в испра-

вительно-трудовом лагере и, видимо, там научился «бузить» против начальства.

Человек одинокий, попадая на фронт, более свободно, чем человек семейный, распоряжается своей собственной жизнью. Он знает, что его гибель никому не нанесет тяжелой душевной травмы: ни сердобольной матери, которой у него нет, ни любящей жене, которую он не успел избрать, ни малолетним детишкам...

Волжанов не считал себя одиноким. Где-то в далекой Карелии воевал его сорокалетний отец. В глубоком тылу, на Средней Волге, с его младшим братом-подростком работала в колхозе мать. Конечно, тяжелым ударом для них была бы «похоронка» из-под Киева. Но они люди простые, крепкие духом и стойко бы пережили этот удар. А вот жена и дети... Как хорошо, что их еще нет!..

С этими мыслями Волжанов спустился в свой обжитой подвал и подошел к спящей Люде. Только теперь, оставшись наедине со спящей любимой девушкой, он понял, как сильно хотел отдалить ту неотвратимую минуту, в которую ему предстояло разбудить ее и двумя лишь словами «мы окружены» нанести ей удар под самое сердце. Как их произнести, эти слова? О себе он не думал, потому что чувствовал, что намного легче было бы ему умереть, чем жить в эту минуту. Внутри жгла только одна тревога, поглощая собой все другие чувства, — тревога за ее жизнь и ее девичью честь. За честь почему-то больше, чем за жизнь... Глядя на ее разру-

мянившееся лицо, он опустил на колени и в тот же миг почувствовал, будто внутрь ему, в самое сердце, кто-то вонзил раскаленный шомпол, — так сильно обожгло его сознание неминуемой потери своего счастья. И винил он за это, прежде всего, самого себя. Ему надо было отговорить ее от поездки на фронт, проявить твердость характера и настоять на своем. Эх, мужчина! Размазня, а не мужчина! Ему хотелось грызть самого себя, казнить себя самой лютой казнью, но... Теперь это уже бесполезно! Лицо Люды выражало такое спокойствие, что ему даже показалось, что она не спит, а притворяется спящей. Но она спала. Спала сном беззаботного, набегавшегося за день ребенка. Правая ее ладошка была под правой щекой, и, чем больше Владимир всматривался в ее знакомые черты, тем прекраснее она ему казалась. Удивляло его то, что даже суровые фронтовые невзгоды, опасности и лишения не очерствили девушку, не отняли у нее девичьей неги и женственности. И ему страшно захотелось крикнуть: «Мгновение, продлись вечность!» Вместо этого он осторожно поцеловал ее в лоб. Она не проснулась, а только слегка пошевелила губами. По лицу ее блуждала слабая, едва заметная улыбка.

Юность, юность! Насколько ты бурлива в часы бодрствования, настолько безмятежна в отведенные тебе часы сна... А ведь ты такой тяжелой была у поколения Великой Революции. Росло оно в огне кровопролитных сражений, формировалось в условиях длительных усилий народа по восста-

новлению разрушенного хозяйства и жестокой, подчас бессердечной экономии на всем, даже на питании детей и подростков. Быстро повзрослев, но, оставаясь еще совсем юным, оно приняло на свою грудь грохочущие гусеницы и воюющие бомбы озверелого фашизма. И все жертвы, жертвы... Да и тем, кому посчастливится дожить до дня Победы, придется повторить все сначала: восстанавливать лежавшие в пепле многие сотни городов и сел, залечивать кровоточащие раны в экономике. И сейчас уже видно, что во имя неблизкого светлого будущего приносятся эти великие жертвы на жернова жестокого настоящего. Скажут ли счастливые далекие потомки слова благодарности этому мужественному поколению борцов, преобразователей, приносящих себя в жертву?

Волжанов поднял спадавшие на лоб Люды завитки волос и поцеловал в губы. Она открыла глаза и испуганно всмотрелась в его лицо.

— Милый, что с тобой? — спросила она. — Ты не заболел? Мне показалось, что ты замороженный: приложился губами, как ледышкой! Или что-нибудь случилось? — Она быстро вскочила с постели, одернула юбку и, приложив обе горячие руки к холодным и бледным щекам Владимира, заглянула в его глаза. Никогда еще она не видела слез этого смелого парня и вдруг... Они переполняли его глаза и только силой воли удерживались в них.

По расстроенному виду Волжанова Люда поняла, что случилось что-то непоправимое, и что он так тяжело воспринял

это непоправимое не из-за беспокойства за себя лично, а из-за большой тревоги за нее.

— Случилось большое несчастье, Людочка, — ответил он, собравшись с духом, и сел рядом с ней на кровать. — Большая беда для всего нашего фронта...

— Какая беда? Ведь наши войска здесь так крепко бьют фашистов...

— Немецкие танки далеко за Днепром, в нашем глубоком тылу. Нам приказано немедленно сниматься и форсированным маршем выйти за Днепр. Будем пробиваться из окружения.

— Так не все ж еще потеряно, Володя! — сказала она. — Может, и пробьемся... Конечно, пробьемся, если хорошо будете командовать вы, командиры.

— Умница моя! — воскликнул он, заметно повеселев, — Славная ты красноармеечка! В этот момент вошли Балатов, Орликов, Мурманцев и Хромсков. Минуту спустя подошел и замполитрук Астронов.

— Жачем выжвал, командир, в такую рань? — Спросил Орликов. — Вокруг тишина такая... Или есть новости?

— Да, товарищи командиры, есть серьезные новости, — ответил Волжанов твердо и с тоном напускной официальности, к которому его подчиненные не привыкли, — в связи с резким изменением обстановки не в нашу пользу роте поставлена новая боевая задача. Дело в том, что немецкие танковые армии находятся в нашем глубоком тылу, захвати-

ли Конотоп, Ромны, Лохвицу, Лубны... Все войска нашего фронта отрезаны... — Он пристально посмотрел на каждого командира взвода и замолчал в растерянности: на их лицах он увидел тяжелое оцепенение. Но оно длилось недолго. Через какую-то долю минуты обычно по-детски беззаботное лицо Орликова заметно повзрослело, и было почти спокойно. Балатов угрожающе насупился, образовав на мясистом лбу глубокую морщину, начал энергично работать желваками и стрелять в ротного взглядами, полными бешенства. Общий вид ефрейтора Мурманцева, всегда безмятежный, с обидчивым укором, казалось, спрашивал: «Как же так, а?» Маленькое бледновато-зеленоватое лицо Хромскова ничего не выражало, кроме неудержимого испуга. Волжанов довел до командиров взводов боевую задачу, разъяснил порядок отвода роты с занимаемого рубежа обороны и в заключение предупредил:

— Поскольку рота назначена в головную походную заставу полка, нам первым придется принять встречный бой с противником. До перехода через Днепр бойцам говорите, что рота идет на выполнение особого задания. Это правда. Наше особое задание состоит в том, чтобы пробить коридор в пока еще не плотной обороне противника в нашем тылу и удержать его до подхода главных сил. Дополнительные указания будут даны за Днепром. А сейчас — по взводам!

Коротким марш-броском Волжанов вывел свою роту впе-

ред на расстояние, предусмотренное полевым уставом, и, чтобы подтянуть колонну, остановился на обочине дороги, пропуская мимо себя взвод за взводом. Он всматривался в покрасневшие от быстрой ходьбы и бега лица бойцов и заметил на себе не то укоряющие, не то вопрошающие их взгляды. Отвернувшись от колонны, Волжанов встретил другие, не менее неприятные взгляды горожан, в большинстве своем женщин. Стоя у калиток, они мрачно смотрели на марш-бег пехоты, два месяца защищавшей их город. Одна пожилая тетка в расстегнутой телогрейке громко заныла:

— Ой лышэнько наше, лышэнько! — запричитала старуха. — Кыдають нас заступныкы наши на знущення катам нимэцькым. (на поругание немецким злодеям). Та що ж тэп-эр будэ з намы?

Чтобы не слышать этого выворачивающего душу причитания, Волжанов убежал в голову колонны и пристроился к Мурманцеву, отмахивавшему саженные шаги во главе первого взвода. Вскоре рота Волжанова остановилась неподалеку от переправы, перед крутым спуском к реке. Оказалось, что переправа была уже забита тыловыми частями армии и толпами беженцев. Пока рота шла форсированным маршем, бойцы недоумевали молча. А когда колонна остановилась, все их недоумение хлынуло наружу. Тон задал ростовчанин Чепуркин. Зло сплюнув в кювет, он громко, чтобы дошло до начальства, сказал: — Такого драпа на восток еще не бывало.

— Что это вы, Аники-воины, так взбаламутились? Разве

трудно догадаться, что полк выводится на доформировку? Потрепали ведь его вон как: одни рожки да ножки остались.

— Это ты, друг, свистнул в лужу! Чё у тебя на плечах: мыслительный аппарат или умывальник? Ты видал когда-нибудь, чтоб так по-сумасшедшему водили части на доформировку?

Долго еще длилась бы эта солдатская полемика, но передние подразделения вдруг побежали вперед, и Волжанов, чтобы не пропустить впереди своей роты напиравших со всех сторон толпы беженцев тоже подал команду: «Бегом марш!»

Не чудным был Днепр в то сентябрьское утро. Волжанов сначала посмотрел на низкое сереющее небо, потом вверх по реке. Все четыре моста через Днепр были переполнены. По Дарницкому и Петровскому двигались на восток бесконечные эшелоны: пассажирские, товарные, смешанные, составы из одних паровозов. Люди облепили их, как пчелы улей, многие бежали за ними, обгоняли их, стараясь скорее оказаться на восточном берегу реки, подальше от обреченного города. По Цепному бежали только толпы женщин и детей, которые издали казались разноцветной лентой, перетянутой с одного берега на другой и состоявшей из массы платков, косынок, плащей, платьев, сумок, кепок и панамок. Наводницкий деревянный мост был только во власти войск...

Непосредственно на мост части пропускал смуглый кавалерийский полковник. Сравнительно еще молодой, приземистый, он стоял на самой развилке трех дорог с автоматом в

руке и энергично отдавал какие-то распоряжения двум подполковникам и старшему политруку, которые, очевидно, были его помощниками. Всем им больше всего хлопот доставляли не столько войска, сколько высокопоставленные штабные чины. Одни из них доказывали свои права на внеочередную переправу, другие униженно просили «протолкнуть» их машину с каким-нибудь передовым подразделением, а третьи просто «драли глотку», полагая, что такой метод в этой обстановке самый надежный и действенный. Регулировщик у самого въезда на мост придержал роту, пока последняя санитарная машина проезжала по мосту. Стоя у первого понтона, Волжанов вместе с регулировщиком пропускал на мост свою роту с большими интервалами между взводами. Когда проходил третий взвод, кто-то из бойцов крикнул:

— Побыстрее надо! Неровен час налетят стервятники, — несдобровать...

Волжанов посмотрел на усыпанный людьми и техникой высокий берег Днепра, и ему жутко стало от одной только мысли о неминуемом налете авиации противника. С наступлением рассвета уползли на запад последние дождевые тучи, и на небе осталась плотная, но высокая облачность. Не прошло и двух минут, как за этой облачностью послышался противно харкающий рокот многих моторов. Потом из облаков один за другим вынырнули десятка три тонких, как будто поджарых, меченых крестами «мессеров». Хищной ста-

ей начали они «водить хоровод» над соблазнительной добычей и, казалось, даже растерялись при виде такого множества отличных целей на земле. Вслед за флагманским на растянувшуюся колонну полка жадно набросилась вся группа истребителей. Один за другим они на бреющем полете поливали бойцов свинцом, били из бортовых пушек, отвратительно ревели «на горках». Бойцы рассыпались по белому прибрежному песку, по кустам, потом снова собирались в колонну и по приказам своих командиров еще быстрее бежали вперед.

Недалеко за Днепром Волжанова догнал на коне подполковник Шевченко.

— Лейтенант Волжанов! — крикнул он. — Капитан Окунев убит. Передай роту Балатову, а сам принимай командование батальоном!.. Да не ешь ты меня таким взглядом: она цела и невредима...

— Есть принять батальон! Только разрешите передать роту не Балатову, а лейтенанту Орликову.

— Хорошо, передайте Орликову и — шире шаг! — Шевченко пришпорил коня и поскакал вперед, где под рев очередного «мессера» цветистым матом начал подгонять вышедшие вперед подразделения других частей... А «мессеры» тем временем жестоко обстреливали походную колонну его полка. Разбежавшиеся по прибрежным песчаным дюнам бойцы и командиры не находили спасения от разрывных пуль, сыпавшихся на них сверху. Все чаще доносились с разных сторон крики, стоны и проклятия; все больше остава-

лось на мосту, на дороге, с обеих ее сторон неподвижных тел.

Когда на головную походную заставу полка со стороны солнца нацелился уже шестой истребитель, навстречу ему, точно по оси его полета, выскочил с винтовкой раскрасневшийся ростовчанин Чепуркин. Спокойно опустившись на одно колено, он громко крикнул: — Ну, тепитер нама-коля лепинема, берегись! — С этими, видимо, и ему самому непонятными словами он ловко вскинул винтовку к плечу и прицелился. «Мессер» перешел в пики и, шурша воздухом о металлическое брюхо, устремился прямо на него. Расстояние между ними бешено сокращалось. Замершие в ожидании свинцового ливня бойцы прижимались к песку и с тревогой наблюдали за редким поединком маленького человека с большой летающей машиной. Но вот «мессер» дошел до критической высоты, пилот взялся за гашетку, чтобы брызнуть струями смертоносного огня, но раньше него выстрелил Чепуркин. Истребитель как-то неестественно дернулся, задымил, потом вспыхнул, как летающий факел и, оставляя огромный хвост пламени и дыма, врезался в самый берег Днепра, на небольшом расстоянии от переправы. На поверхности остался только бесстыдно задранный кверху хвост с паучьей свастикой.

Поднявшись с песка, бойцы быстро окружили Чепуркина. Все в восторге кричали «ура!», потом схватили его на руки и начали подбрасывать в воздух. Громче всех кричал Ибрагим Гениатуллин:

— Чапурка, друг! Дай моя твоя поцелует! — расталкивая всех, он старался добраться до прославленного ростовчанина, которого бойцы над головами передавали с рук на руки.

Увидев подбежавшего лейтенанта Волжанова, все опустили Чепуркина на дорогу и расступились.

— Молодец, Чепуркин! — сказал Волжанов. — Ты хороший пример показал всем стрелкам. Благодарю за отличную службу!

— Служу Советскому Союзу! — ответил Чепуркин и снова был окружен товарищами.

Железнодорожные составы полыхали огнем, но не прекращали движения на восток. На фоне зловещих языков пламени метались маленькие фигурки людей. Прикрываясь от огня одеждой, они бежали по мостам вперед и что-то кричали. Многие срывались вниз и долго летели к воде, оглашая в этом смертельном полете пойму реки душераздирающими воплями. Но самое ужасное происходило на Цепном мосту. Прекрасно видя, что по нему бегут только женщины и дети, фашистские асы атаковали их не в одиночку, а парами. Пролетая на бреющем полете вдоль моста по обе его стороны, они секли беззащитную толпу из всех своих пулеметов губительным кинжальным огнем, потом на крутых виражах разворачивались, заходили с другого конца и снова секли. Три пары, одна за другой, долго так потешались над обезумевшими от страха людьми. Даже издали видно было, что у многих женщин на руках были младенцы. При каждом заходе

очередной пары стервятников эти несчастные матери падали на настил моста и телами своими прикрывали детишек от лопающихся разрывных пуль. Некоторые из них больше не поднимались, а те, которых пули не задели, срывались с места и бежали вперед, чтобы скорее вырваться из этого пекла на простор. Кто еще не утерял остатков самообладания, тот вытаскивал кричавших детишек из-под бездыханных тел их матерей и уносил с собой на восточный берег...

— Шо гады роблють! Шо скаженни каты творять з нашымы людзямы! — Закричал Николай Филиппович.

Пока бойцы видели, что «мессеры» обстреливают только их, они считали, что это в порядке вещей: на войне как на войне. Но когда началось безжалостное истребление женщин с младенцами, над колоннами взметнул ураган негодования:

— Вот стервецы! Они же видят, что там только бабы с детишками...

— Да что же это такое? — крикнул кто-то из колонны. — Неужели на них нет управы? Где же наши хваленые сталинские соколы?

— Эге, чего он захотел — сталинских соколов! — ответили ему из другого конца колонны. — Ты что, в кино пришел довоенное?

— Я от самой границы топаю под «мессерами» и «юнкерсами», а наших соколов так ни одного и не видывал, даже не познакомился с их силуэтами.

А батальон Волжанова форсированным маршем пошел на

восток, навстречу неизвестным испытаниям. Вскоре и горящие днепровские мосты, и сам Днепр, и бежавшие разноцветные толпы женщин и детей были уже невидимы за высоким холмом... До слуха молодого комбата донеслась команда: «Комполка приказал ускорить движение!»

Посоветовавшись с комиссаром Лобановым, Шевченко решил вести полк по проселочным дорогам параллельно Харьковскому тракту и в первом же большом селе с хорошими садами дать привал. Бросив поводья своего коня ординарцу Митрохину, он шагал в голове второго батальона и время от времени подавал одну и ту же команду: «Шире шаг, Волжанов!». Обычно радушные и приветливые, украинские женщины теперь стояли у почерневших плетней и беспокойными взглядами провожали колонны бежавших из Киева войск. Не по себе было от этих взглядов каждому из бойцов и их командирам. Но больше всех страдал Иван Михайлович Шевченко. В каждом взгляде своих землячек он узнавал взгляд своей матери, оставленной в Киеве. Но матери он успел хоть коротко, на ходу, объяснить причину своего бегства. А как объяснить этим покидаемым советским людям?

Рядом с комбатом Волжановым во главе колонны второй роты шли командир роты Величко и адъютант батальона Ребрин. Всегда молчаливый и флегматичный, Величко заметил, как быстро падает настроение бойцов, и вдруг изменил

своему характеру. На ходу повернувшись к роте, он крикнул:
— Илюша, ты что приуныл? А ну, подай голос красавицы-Одессы!

— Есть подать голос, товарищ старший лейтенант! — откликнулся из колонны картавый голос.

Во всем полку Илюшу Гиршмана, молодого одесского парикмахера, знали как самого предприимчивого и острого на язык бойца. В спокойной обстановке он сутками мог рассказывать уморительные анекдоты об одесских евреях и ни разу не повториться. Но в условиях боя или тяжелого марша он всегда падал духом. Особенно боялся он самолетов, поэтому никто раньше него не мог услышать приближающийся шум моторов. Впрочем, обладал он необыкновенным чутьем на всякую опасность. Все его однополчане знали, что если Илюша приуныл, — быть какой-нибудь беде. И, наоборот, если Илюша весел да еще рассказывает анекдоты, можно не беспокоиться: больших неприятностей не будет...

— Друзья мои, — крикнул он, сильно картавя, — я могу вам рассказать один анекдотец, но только один: зверски я устал...

— Давай, Илюха, посмеши, только погромче!

— Хорошо, только не перебивайте меня. Правда, это не анекдот, а быль. Случилось это в царствование последнего русского царя Николашки... Один одесский новобранец попал на службу в конницу. Кавалеристов, как известно, сначала обучают езде на лошадях без седел. А бедняга наш Мор-

дух ни разу в жизни рядом с лошадей не стоял. Стыдно было сказать об этом унтере. Дрожа, как лист осинный, подошел этот Мордух к проклятой лошади и, когда унтер подал команду «По коням!», чудом каким-то вскарабкался на ее спину. Унтер что-то еще скомандовал, махнул плеткой, и все новобранцы поскакали. Мордух поводья упустил, за гриву ухватиться не успел и сразу же начал сползать назад, к хвосту лошади. Лошадь скачет, Мордух, как чучело, подпрыгивает на ней, ногами болтает и старается хотя бы ногтями вцепиться в шерсть на крупе. Но откуда у сытой и гладкой строевой лошади шерсть? В общем, за полкруга пробега бедный Мордух был уже в самой задней части. Оглянулся он и ахнул: хвост совсем рядом! Чтобы не сползти совсем, растянулся он по всей спине лошади, клещём вцепился в ее бока и бедра руками и ногами, доскакал так до унтера, и что было сил, крикнул: «Господин унтер-офицер, дайте вторую лошадь: эта кончилась!»

Колонну как-будто взорвало подложенной под нее миной смеха:

— Ха-ха-ха-ха... Ну, чертов Илюха, вот это одессит!

— Ого-го-го-го-го... Вот так сочинил, бесенок рыжий!

— Ух-хо-хо-хо-хо... Откуда только он берет эти уморительные истории? Как неудержимая цепная реакция, заразительный смех быстро полетел по колонне. Хохотали уже и те, кто из-за расстояния и топота сотен ног не слышал ни одного слова Гиршмана. Просьбу горе-кавалериста Мордуха дать

другую лошадь бойцы передавали из уст в уста по всей колонне, и хохотали все неудержимо...

Илюша Гиршман был доволен. Его подталкивали, перед ним заискивали, и каждый норовил помочь ему, чтобы он не отставал от рослых пехотинцев. Доволен был и ротный. на какое-то время изнемогавшие от усталости бойцы забыли про усталость.

Читателям, никогда не служившим в пехоте, трудно себе представить, как тяжела ее походная жизнь. Навьюченный амуницией, пехотинец даже стоя на месте сгибается, а на марше.... Но удивительно вынослив наш натренированный рядовой пехотинец! До ниточки мокрая и полусгнившая от пота гимнастерка, обильно пропитавшись солью и грязью, набухает и тяжелеет с каждым километром марша; пот сначала отдельными бусинками, а затем ручьями стекает по лицу на отяжелевшие ресницы, мутной пеленой застилает глаза, надоедливо подбирается ко рту, а противные испарения собственного тела вызывают тошноту; время от времени солдат встряхивает головой, и на землю срывается с лица капли пота... А идти солдату надо, боевую задачу он выполнить должен, и он идет и нередко с марша вступает в бой!

— Чи скоро дадут привал, товариш лейтинант? — Услышал Волжанов показавшийся ему гневным вопрос.

— Скоро, товарищ Царулица, я думаю, очень скоро. Потерпи еще немного.

Легко сказать: потерпи! Волжанов и сам понимал, какое

это слабое утешение вымоченному бойцу. Но ничего другого, более утешительного, он не мог ему сказать: впереди хоть и виднелось большое село, однако только командир полка знал, даст он в нем привал, или опять крикнет: «Шире шаг, Волжанов!». А самого Волжанова не меньше, чем других, мучила жажда. Легко висевшая у него на ремне пустая фляга издевательски напоминала о желанной воде.

Над походной колонной полка повисли кудластые и белые облака. А далеко-далеко впереди такие же облака ступенчатыми грядами тянулись до самого восточного горизонта и там под лучами осеннего солнца холодно серебрились, напоминая поднебесные вершины снеговых макушек гор. Всегда чарующая своей красотой, приднепровская степь как-то потускнела, обезлюдела, стала мрачной и тревожной...

Рота за ротой полк входит в укрытое желтеющими садами большое село и размещается, наконец, на долгожданный привал. Как подкошенные, валились бойцы на высохшую в садах траву, в изнеможении закрывали глаза. Ноги ужасно зудят, спина ноет, в голове что-то издевательски стучит и не хочется пошевелить ни одним суставом, ни одной тканью тела... А второй роте приказано похоронить бывшего комбата Окунева. «Как некстати угораздило тебя погибнуть! Где взять силы, чтобы похоронить тебя, капитан»? — Такое примерно мелькнуло в каждой измученной голове роты, начиная с ее командира Величко. Когда подъехала повозка с телом капитана, сердобольные сельские женщины сжалились

над измученными бойцами и предложили свои услуги. Привычные к тяжелому труду, они быстро вырыли на краю сада могилу, по всем правилам вымыли покойника теплой водой, одели в чистое полотняное белье. Хоронили без гроба, без салюта и слез: неизвестно ведь, где противник и сколько еще боевых товарищей предстояло оплакивать впереди. Слезы воина надо беречь на войне, как и его кровь. Только хозяйка сада, в котором похоронили комбата, молодая и по-степному здоровая женщина примерно тех же лет, что и покойник, всплакнула, вытерла щеки концом белой хустки (платок) и ушла в хату. Жизнь и борьба на земле продолжались без еще одного ушедшего в нее человека...

Комполка Шевченко, комиссар Лобанов, начштаба Казбинцев и Зинаида Николаевна разместились в небольшой хате неподалеку от центра села. Наскоро умывшись, они сидели за обеденным столом и ели вареники с творогом. Когда Волжанов переступил порог, Иван Михайлович заглянул на дно глиняной миски и виновато сказал:

— Маловато осталось. Но зато какие! Ты парень, видать, хитрый, Володя: к самому смаку угодил. Посмотри, они хоть и на самом дне, но купаются в масле. — Он жестом руки пригласил Волжанова к столу. Моложавая хозяйка взглянула на опоздавшего лейтенанта и начала усердно шуровать жар в печи, «подгоняя» очередную партию вареников.

— Волжанов, где Додатко? — спросил комиссар.

— Он привез больных и пошел разыскивать полкового

врача Лободенко, ответил Волжанов, накалывая оловянной вилкой неуловимые в масле вареники.

— Да что ж его искать, врача Лободенко? — Иван Михайлович удивленно посмотрел на Волжанова. — Он мне доложил перед выходом полка, что будет в хвосте колонны на случай необходимой медицинской помощи отстающим.

Низенькая дверь резко распахнулась, и в горницу вошел уполномоченный особого отдела политрук Глазков. Поправляя не совсем удачно подобранное к его небольшой комплекции снаряжение, он подошел к столу, без приглашения сел рядом с командиром полка и спокойно сказал:

— Неприятность, Иван Михайлович. Шевченко устало улыбнулся:

— Ты, Леонид Петрович, по штату предусмотрен как вестник неприятностей. Что там еще стряслось?

Глазков покосился на уткнувшуюся в большое окно печи хозяйку, тихо доложил:

— Военврач Лободенко дезертировал.

— Быть этого не может! — отрезал Шевченко. Он переглянулся с комиссаром и начал ходить по комнате.

— К сожалению, это так, товарищи. Я предварительно расследовал обстоятельства его исчезновения. Он ехал с военфельдшером Лузиным на последней повозке санроты, в одном селе зашел в хату молока попить и не вернулся.

— Так, может, просто отстал человек? Догонит!

— Нет, Иван Михайлович, не догонит. Я был в той хате.

Хозяйка показала, что доктор ушел в другое село, в сторону от дороги. Просил гражданскую одежду, но хозяйка отказала. — Глазков открыл планшет и показал на карте село.

— Понятно. Похоже, сбежал, подлец! — Шевченко сурово нахмурился.

В этот момент в комнату вошли комиссар Додатко и военфельдшер Лузин.

— Вот и разгадай, в ком скрыта подлая душа изменника! — произнес Додатко гневно и, подойдя к столу, сел на лавку рядом с Лобановым.

Высокий, сутулящийся военфельдшер Лузин, поправив очки в позолоченной оправе, стоял у порога, готовый дать самые правдивые и очень неприятные объяснения. Но командир полка, привыкший верить информации особиста, не стал слушать военфельдшера. После минутного размышления он подошел к Глазкову, еще больше нахмурился и решительно сказал:

— Вот что, Леонид Петрович, надо поймать дезертира! Мы этого подлеца примерно накажем. Чтобы весь полк знал об этом. Понимаешь? Постарайся, дорогой, иначе... Кто знает, сколько еще с такими намерениями ждут подходящего случая?

— Мы найдем его, Иван Михайлович, — заверил Глазков, — можете не сомневаться. Сам я не могу отрываться от полка, а пошлю по свежим следам Лободенко своего помощника Хижняка. Он парень расторопный, догонит дезертира.

Возвращаясь в расположение своего батальона, Волжанов и Додатко от усталости несколько минут шли молча. Потом комиссар спросил:

— Ну что, молодой комбат, не испугала новая должность?

В сознании Волжанова комиссар Додатко всегда был человеком, которого прислала в батальон партия, человеком-учителем всех бойцов и командиров, возбудителем высокого духа и сознательности. Шутка сказать: член партии ленинского призыва! А он, Волжанов, пока еще кандидат... Слишком большая разница! Про себя он решил, что не изменит своего внешнего обращения с комиссаром как со своим старшим боевым товарищем. Но Додатко понимал состояние молодого лейтенанта и сразу же пришел ему на помощь.

— Знаешь что, Владимир Николаевич, — сказал он, остановившись у перелаза через садовый плетень, — ты не смущайся оттого, что я буду величать тебя по имени и отчеству: теперь ты на большом командном посту и должен быстрее к этому привыкнуть. Командуй, Владимир Николаевич, смело, как учили тебя в военной школе, и не оглядывайся на комиссара. А я всегда помогу тебе. Рассчитывай на мою поддержку в любое время, в любом разумном решении.

В саду, где расположилась вторая рота, они увидели интересную картину. Возле каждой группы бойцов хлопотали женщины и девушки. Они подкладывали хлеб и подносили полные кувшины молока. Между ними порхали босоногие ребятишки, а над всем этим молочным пиршеством видна

была направляющая рука его организатора, Илюши Гиршмана. Низкий ростом и нескладный, он очень важно ходил с большой эмалированной кружкой в руке от взвода к взводу и в промежутках между глотками наставительным тоном подбадривал:

— Копейка, докажи, что ты хоть за едой стоишь дороже своей фамилии! Почему отстаешь, бисова твоя душа?

Скромный и необычайно стеснительный сельский парень Костя Копейка, сильно краснея, отвечал:

— Я, Илюха, всё свое життя стараюся доказувать, шо я нэ копийка, а цильый карбованэц, алэ шо тут поробышь: такая хвамилия!

Бойцы хохочут, а Илюша уже у другого взвода, потом у третьего, у четвертого... Подойдя к двум сдвинутым столам, за которыми подкреплялись командиры, он участливо спросил:

— Может, вам сообразить глазуню, товарищи командиры? Это ведь один миг — и она будет шипеть на вашем столе. — Он хотел, было, уже мигнуть женщинам, но ротный его остановил:

— Не надо, Илюша: некогда. На этот раз обойдемся без глазуни. А потом ты и так, видно, обобрал все село.

— Да нет, товарищ старший лейтенант, только одну улицу... Ну, не надо так не надо...

Подойдя поближе, комиссар крикнул:

— Ба! Да у вас тут весело! Дякуемо вас, дорогие наши

жиночки та дивочки, широко дякуємо...

— Та нема за що дякувати, товариш командир, — ответила одна из пожилых женщин, видимо, хозяйка сада. — Це ж вси наши сыночэчки риднэньки. Ой, як же вы их вымучылы, сэрэдэшнэнькых! Мабуть, и нашим хлопцям дэ-нибудь выпадае такая ж нахлобучка... — Женщина концом хустки прикрыла свои готовые прослезиться глаза, махнула рукой и пошла к хате.

Гиршман усадил командира и комиссара батальона к столу, а две черноглазые девушки поставили на стол еще кувшин молока и несколько ломтей хлеба. Комиссар с улыбкой посмотрел сначала на девушек, потом на Гиршмана, одобрительно сказал:

— Молодец, Илюша! Ты нам с комбатом очень помог...

— Служу Советскому Союзу! — гаркнул Гиршман на весь сад.

И посыпались похвалы в адрес Илюши Гиршмана со всех сторон.

После трапезы Волжанов и Додатко побывали во всех ротах батальона и побеседовали с бойцами. Во второй и третьей ротах сообщение об окружении было встречено относительно спокойно. В четвертой люди возмущенно загалдели:

— Это похоже на измену!

— Действительно, как могли пропустить фашистов за Днепр?

— Наши генералы прос... ли Днепр и, видать, всю Укра-

ину...

— Бросили они армию, подлые трусы! Теперь нам всем крышка...

Гомон все нарастал и с каждой минутой все быстрее и быстрее. Отдельные бойцы с разъяренным видом, схватив винтовку, поднялись с мест. Весь сад угрожающе гудел... Волжанов с тревогой посмотрел на багровевшее лицо комиссара и заметил, как в его воспаленных глазах начали сверкать искорки беспокойства. Но это было заметно даже меньше минуты. Комиссар взял себя в руки и уже спокойно, почти равнодушно слушал угрожающие реплики отдельных «бузатеров». Потом он весь как-то подобрался и сжал кулаки. Лицо его вдруг загорелось неудержимым огнем борца; прямой нос над густым кустиком черных усов гневно раздувал ноздри; черные глаза тоже гневно и решительно «сверлили» крикунов.

— Товарищи бойцы, друзья мои! — сказал он против ожидания тихо и примирительно. Все смолкли. — Я не стану в позу защитника наших генералов. Не судить, мы поставлены в строй своим народом, а воевать, грудью своей отстаивать родные города и села от фашистских поработителей. Помните, друзья, что в этой войне каждый день нашего сопротивления — это глоток воздуха нашей истекающей кровью Родины. Сопротивление, жестокая борьба до последней капли крови каждого из нас — это единственное право, которое мы теперь имеем. Лучше умереть в бою, чем ползать

перед врагом на коленях! Знайте и ни на минуту не забывайте, что фашистский плен — это тоже смерть, но смерть мучительная, унижительная и бесчестная для советского воина! В тяжелой мы оказались обстановке — это верно. И выход из нее у нас с вами только один — через трупы гитлеровских захватчиков! Если каждый из нас осознает это, мы разорвем кольцо окружения и снова, как и под Киевом, станем насмерть на новом рубеже!

Волжанов, зорко наблюдавший за бойцами, заметил, что с каждым новым словом комиссара выражение их лиц становилось все более суровым и решительным. А комиссар Додатко уже спокойно и тоном, исключаяющим, какие бы то ни было сомнения, добавил:

— Это я говорю вам, братцы, от имени нашей партии и великого нашего вождя Иосифа Виссарионовича Сталина...

— Никакой пощады фашистам! — вдруг крикнул один боец-кавказец.

— Драться, так драться, чего уж там!

— Смерть колбасникам!

— Пробьемся к своим, ведите нас, товарищи командиры!

Откровенная и глубоко искренняя речь комиссара Додатко сработала: заколебавшаяся четвертая рота готова была теперь двинуться в жестокий бой.

Перед самым выходом полка из гостеприимных садов над селом начал кружить немецкий самолет-разведчик. По при-

казу Волжанова строившиеся в походную колонну подразделения снова рассыпались по садам и укрылись под деревьями.

— Раз «горбыль» приковылял, — жди «юнкеров», — сказал комиссар Додатко.

— Да, когда появляется эта рама, беды не миновать, — согласился Волжанов.

«Рама» — двухфюзеляжный корректировочный самолет с поперечной переключиной у самого хвостового оперения — несколько раз развернулась над крышами домов, бессовестно заглядывая в улицы и под деревья садов, и медленно удалилась. А через несколько минут с запада стал приближаться мощный, леденящий душу гул авиационных моторов. Быстро нарастая, он приводил в содрогание уже не только небо, но и землю... На белом фоне облаков «юнкеры» шли своим излюбленным таранным строем — «воздушными свиньями», как прозвали его наши бойцы. Их было много, и шли они тяжело... Пройдя над первым селом, они разделились на две почти равные группы и атаковали одновременно оба села. Лежа под старой густой вишней, Волжанов увидел, как от флагманского звена отвалил самолет-вожак, качнулся с крыла на крыло и, пронзительно визжа, упал в пике. Почти у самых соломенных крыш хат от его брюха оторвалась черная свеклообразная бомба, и он резко перешел на бреющий полет. Уплотненная волна воздуха зашуршала о дюралевую обшивку фюзеляжа. Раздался взрыв на самой середине ули-

цы. Он взметнул огромный фонтан огня, смешанного с землей и дымом. Пламя жадно лизнуло крыши двух хат, и они сразу же загорелись. Охваченные страхом и паникой, по горящим улицам побежали женщины и дети; заревели в хлевах почувствовавшие гибель коровы, завизжали свиньи; с криками разлетелись в разные стороны от села гуси, утки и куры; медленно, но тревожно улетели в степь похожие на дирижабли аисты. Почти все село уже полыхало огнем, а «юнкеры» продолжали сыпать на него бомбы. . . Одна небольшая бомба взорвалась прямо перед окнами хозяйской хаты, другая — в конце ее сада, и горячая взрывная волна, как тяжелым прессом, придавила Волжанова и Додатко к земле. Пламя от горевшей хаты длинными шлейфами тянулось в сад, хотя ветвей деревьев еще не касалось.

— Ой, люди добри! — вдруг закричала молодая хозяйка: — Маты моя в хати! згорыть, ой згорыть! Спасить ради бога! Рятуйтэ, (спасите) люди!

Волжанов вскочил на ноги и побежал к хате, у которой огонь прожорливо истреблял соломенную крышу и уже подбирался к сеним. Ворвавшись в сени, потом в первую комнату, лейтенант увидел на чистом земляном полу у печи пожилую женщину в луже крови. Она лежала навзничь с развороченной осколком головой и мертвой хваткой прижимала к груди только что вынутую из печи гофрированную буханку белого хлеба. Вслед за Волжановым в хату вбежал Каранов. Увидев женщину в крови, он растерянно остановился

у ее ног.

— Бери скорей! — приказал Волжанов. — Промедлим, — сторим здесь, как цыплята.

Они бережно вынесли мертвую женщину в сад и положили под яблоней. Комиссар Додатко снял фуражку и, увидев на гимнастерке Волжанова сгустки крови, начал стирать их пучками травы и листьев. Молодая женщина заголосила, а ее мальчики, испуганно глядя на окровавленную бабушку, сквозь слезы бормотали только одно слово: «бабуся», «бабуся»... Их никто не утешал: никакие утешения в таком горе не могли бы им помочь... Отбомбившись, «юнкеры» ушли, и гул их моторов, поглощаемый расстоянием, стал постепенно гаснуть

Чем ближе подбегал Волжанов к селу, в котором отдыхала первая рота, тем больше он волновался. Всего полчаса тому назад здесь было два длинных и ровных ряда хат, небольших, белых и уютных, окруженных еще густокудрыми красавицами-вишнями и остроконечными тополями. И эти белые хаты, и вишни, и тополи — все это составляло широкую сельскую улицу. Теперь же на ее месте было два ряда лохматых прожорливых костров. Клубы пламени, схватывая друг друга в объятия, вихрем уносили с собой в небо большие клоки слежавшейся соломы, щепы и даже небольшие доски. Волжанов остановился перед огнем, соображая, какой стороной его лучше обойти, и вдруг увидел бежавшего из сада своего ординарца Квитко.

— — Ба! Товарыш лейтенант! Жывый? Оцэ добрэ! А мы думалы, шо вас там с зэмлэю змишало. Бачилы б вы, як волнувалась Людочка! Беги та беги, говорыть, узнай, чи жывый, чи нэ поранытый лейтенант... А мэни и самому дуже хотилось збигать...

Пока они шли вдоль садов по узкой и гладкой, как асфальтовое шоссе, тропе, Николай Филиппович безумолку описывал ужасные подробности бомбежки села. Особенно тяжело было видеть в охваченных пламенем домах маленьких детишек, которые беззаботно спали в своих по-деревенски простых постелях. Их матери с самого рассвета находились в поле или на огородах, а теперь, обезумевшие от горя, метались вокруг пожираемых огнем дорогих своих гнезд. Вот одна из них невыносимо жалобно голосит в саду у недавно вырытого окопа. Волжанов и Квитко подошли к ней. Она, вцепившись в свои растрепанные волосы, на коленях ползала вокруг троих маленьких покойничков. Два мальчика, один другого меньше, и совсем крошечная девочка с белыми кудряшками лежали рядом. Старшему мальчику в смуглый бок вонзился большой осколок; пробив матрац, он вогнал в тело мальчика кусок ваты, который быстро промок алой кровью. Взъерошенные волосы мальчика были опалены огнем. Круглое курносое лицо его страдальчески перекосилось и, глядя на воющую мать потускневшими мертвыми глазами, казалось, спрашивало: «Эх, мамо, мамо! Шо ж ты нас ны розбудыла?» Меньший мальчик и девочка, очевидно, были уби-

ты в спины, потому что спереди никаких ранений не было видно. Их лица, напротив, были блаженно-спокойны, и, похоже, было на то, что они спят и вот-вот проснутся...

Дети, дети! Когда вы были живыми, вы и знать не хотели о какой-то далекой, блудной, ненасытной ведьме-смерти, которая подстерегала и уносила своими кочковатыми ручищами в землю только стареньких людей. Вы не предполагали, как опасно и для вас знакомство с ней, и угодили под ее зазубренную, залитую людской кровью косу. Да, в самое тяжелое время родились вы. Если бы это от вас зависело, вы бы, конечно, подождали с приходом в этот извечно враждующий, озлобленный людской мир...

Волжанов неумело утешил несчастную молодую мать, приказал ординарцу помочь ей похоронить малюток, а сам пошел дальше. И в других садах и дворах он слышал выворачивающие душу вопли матерей, которые оплакивали своих убитых или сгоревших в огне родной хаты детишек. Люда бегала по садам, куда бойцы вытаскивали раненых женщин и детей, оказывала им первую помощь. Работы было много, но она не просмотрела Владимира. Не выпуская из рук закручиваемого вокруг головы раненой девочки бинта, она громко крикнула:

— Володя, зайди сюда! — а когда он подошел к яблоне, под которой она работала, то от радостного волнения только и могла сказать: — Как я рада, Вовочка, что ты пришел...

— Признаться, самолетов, которые пикировали на нас, я

не боялся, но очень боялся тех, которые пикировали на вас.

Из соседнего сада через плетень перепрыгнул лейтенант Орликов. Волжанов отвел Орликова под соседнюю грушу, проложил на его карте дальнейший маршрут и начал уточнять боевую задачу роты, но в это время головной дозор донес по цепочке, что недалеко впереди на марше замечено до роты пехоты. Чья это была пехота? Куда и с какой целью она двигалась?

По дороге форсированным маршем, почти бегом, шла колонна пехоты в форме Красной армии.

— Командир маршевой роты младший политрук Жарков, — представился начальник колонны, — пополнение следует в тридцать седьмую армию для защиты Киева. Разрешите узнать, с кем имею встречу? Глаза младшего политрука сверкали, как горячие угольки. Все лицо его, грязное, все в дорожках стекавшего по нему пота, излучало, тем не менее, воинственное возбуждение, упорство и жажду померяться с противником силой. Волжанову он сразу понравился.

— Вы имеете встречу с передовым батальоном тридцать седьмой армии, — сказал он — Так вы идете в Киев?

— Да. Я, правда, немного запоздал... К вам ведь не так-то просто пройти! Пришлось пробиваться через заслоны противника, — Жарков указал рукой на свою роту, как на доказательство того, что он действительно пробивался. А рота имела вид хоть и воинственный, но основательно потрепанный. До штатного численного состава в ней недостава-

ло не менее одной четвертой части. Многие бойцы и младшие командиры были с окровавленными и очень грязными повязками; воротники гимнастеров расстегнуты, на головах — пилотки вместо касок, трофейные автоматы вместо отечественных винтовок висели на ремнях почти у каждого, в том числе и у самого Жаркова

Волжанов приказал вызвать санинструктора и спросил Жаркова:

— Почему у вас не отечественное оружие?

— Когда мы выезжали из Чугуева, нам выдали только по одной винтовке на отделение, Эти трофейные автоматы мы реквизировали у фрицев. В бою, конечно... Когда меня в Харькове выписывали из госпиталя, — рассказывал Жарков, — врач-хирург порекомендовал мне попросить у командования краткосрочный отпуск и немного отдохнуть после лечения где-нибудь в тылу. Но я категорически отказался от тыла. Что мне делать в тылу, сами посудите? Я ведь фронтовик с самой границы! Да и разве можно усидеть в такое горячее время в тылу? Назначили меня политруком этой вот маршевой роты. Подоспел я к ней в Чугуев за пять минут до отхода эшелона. Наш эшелон дошел только до Ахтырки. А там припожаловали «юнкеры» и превратили все наши вагоны в щепы. Правда, людей мы с командиром вовремя рассредоточили, а сам командир... Похоронили мы командира и всех убитых бойцов, сдали коменданту города раненых, выклянчил я у него десятка два винтовок и один дегтяревский пулемет и

повел уцелевших в Киев пешим порядком. Километров пятнадцать отсюда столкнулся я с колонной немецких мотоциклистов. Откуда они взялись, черт их знает! Выяснить было некогда. Организовал я засаду. Эх, и всыпали мы фашистам! По самое по первое число. Немногие успели удрать. Особенно удачно полоснул наш пулеметчик Ваня Грачев. Да вы его работу, может, еще увидите в другом деле... Подобрали мы трофеи: автоматы, шоколад, консервы, их шнапс, сигареты, губные гармошки...

— Зачем же вы пробивались в Киев? — спросил Волжанов — Ведь Киев отрезан.

— Ну и что же, что отрезан? Я уверен, что Киев не будет сдан, — Жарков немного подумал и, понизив голос, добавил: — Это же Киев! Кто же позволит сдать его фашистам?

Волжанов внимательно посмотрел на смелого политрука, дымившего вонючей немецкой сигаретой. Волжанову стало как-то не по себе: не то больно, не то стыдно перед Жарковым и перед его бойцами... Когда Волжанов привел Жаркова к командиру полка, подполковник Шевченко очень подробно расспрашивал об обстоятельствах его встречи с противником, потом спросил:

— На какой речушке вы дали им бой? — спросил Шевченко, пододвинув к Жаркову планшет с картой.

— Супой называется эта речушка. — Жарков показал ее на карте. — Противник торопится закрепиться на обоих ее берегах. Но на этом, западном, я думаю, он оставляет только

заслоны.

Шевченко переглянулся с комиссаром Лобановым и начальником штаба Казбинцевым.

— Случилось то, чего я больше всего боялся, — сказал он с тяжелым вздохом. — Противник захлопнул крышку котла и теперь готовится к нашим ударам изнутри по этой крышке.

2. На реке Супой

В полдень, за четыре километра до реки Супой, лейтенант Орликов развернул головную походную заставу и завязал бой с боевым охранением противника. Выбив его из расположенного на западном берегу реки села, Орликов донес, что на восточном берегу наблюдается большое передвижение войск. Село раскинулось вдоль реки в километре от ее берега. Когда Волжанов с комиссаром Додатко пришли на командный пункт первой роты, Орликов сказал:

— Нам надо учиться у немцев выбирать позиции для обороны.

Волжанов внимательно осмотрел луг в бинокль. Весь он был низко скошен, выглядел просохшим и твердым, но во многих местах между облепленными кочками, в небольших ямках, поблескивали лужицы. От недавно убранных немцами копен сена остались только круги, изжелта-белые, проросшие чахлыми стеблями осоки. Противник подготовил этот луг как полигон для стрельбы по движущимся целям.

Перед самым урезом воды луг слегка приподнимался, образуя прибрежный гребень с мелкими кустами лозняка, между которыми холодно и зловеще сверкала лента реки. Противоположный берег тоже соединялся с узкой полосой луга, но там было несколько высоток, господствовавших над всей поймой. В районе этих высоток Волжанов заметил искусно замаскированные орудия. Пехотных позиций он обнаружить не смог.

— Где же они положили пехоту? — спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Я попробовал с ходу выйти к речке, — сказал Орликов, — но этот вот лозняк, что у самой воды, так ошпарил огнем, что я вынужден был отползти к селу и окопаться.

Волжанов еще раз внимательно осмотрел лозняк, но ничего подозрительного не заметил. Поворачивая голову все больше вправо, он увидел только обугленные култышки свай сожженного моста. Через несколько минут телефоны были установлены и Волжанов доложил командиру полка обстановку перед своим батальоном. Шевченко молча выслушал и тяжело вздохнул.

— Такая же обстановка и перед всем полком, — сказал он. — До подхода главных сил дивизии я решил провести разведку боем. Сигнал для начала наступления — зеленая ракета. И не забудь усилить эти взводы станковыми пулеметами.

Тишина над широкой поймой реки Супой, казалось, за-

стыла на вечные времена... На восточном берегу, в расположении противника, что-то вдруг звонко щелкнуло, потом треснуло, и над притихшей поймой тяжело и неуместно повис голос немецкого рупориста:

— Тофарищ зольдатн, официрн, комиссарн! Послюшайт сфотка верховный командований германски армее... — безобразно коверкая русские слова, немец весело сообщил, что германские вооруженные силы заняли Ленинград, Смоленск, Калинин, Брянск, Орел, Курск, Харьков и из дальнебойных орудий обстреливают Красную площадь в Москве; что всюду части Красной армии складывают оружие к ногам победителей и организовано отправляются в плен; что Советское правительство бежало из Москвы за Урал, а сам Сталин и Молотов улетели к евреям в Америку; что упорствуют лишь войска Юго-Западного фронта в киевском «котле», но их положение уже безнадежно. — Ви здесь опманут есть жи-дофски комиссарн. Не слюшайт йюдн комиссарн! Сдавайс ф плен или — капут! Фсем есть капут!

После этой страшной угрозы ударил оглушительный марш. Алло, алло! — снова закричал немец. — Фюрер Адольф Гитлер фчера по радио скасаль: «Фсе рюски зольдатн и официрн после освобождений от жи-дофски болшевисмус будут получают у себя на родина рапота и хлэп».

И — снова оглушающий марш... Сила этого пропагандистского удара состояла в том, что в основе его была страшная правда: германские войска развивали стремительное на-

ступление в глубь нашей страны, отрезая пути отхода большим группировкам советским войскам...

Перебегая от амбара к амбару, от погреба к погребу, Волжанов оказался на огневых позициях пулеметной роты. Он догнал комиссара, когда тот подходил по траншее к последним двум расчетам. Они уже закончили маскировку дерном своих пулеметов и на дне пахнувшего свежей землей окопа, окружили комиссара. Хорошо знавший каждого воина своего батальона, Додатко удивленно посмотрел на стоявшего в сторонке пулеметчика, которого никогда раньше в пулеметной роте не видел.

— А это кто такой? — спросил он командира отделения младшего сержанта Смелянского.

— Это, товарищ комиссар, первый номер пулемета красноармеец Грачев.

— Грачев? Откуда он взялся? Да еще в таком виде...

Новичок подошел поближе. Вид его не случайно насторожил комиссара. Как немец, светлоголовый, он был одет в немецкий серо-зеленый френч без погон, с засученными рукавами, подпоясан нашим командирским ремнем с плечевыми портупьями. Брюки на нем были тоже наши, красноармейские, а сапоги с короткими и широкими, как воронки, голенищами, за которыми торчали четыре трофейных рожка от автомата, были немецкие. При стойке «смирно» пулеметчик очень напоминал разряженного «кота в сапогах». Правда, не хватало только усов и хвоста. Но комиссару было не

до сказок: Грачев своим нарядом напоминал ему реального, сегодняшнего немца-завоевателя.

— Нихт ферштеен руссиш, геноссе комиссар (не понимаю по-русски, товарищ комиссар), — сказал «немец» простуженным басом, и Додатко невольно отшатнулся от него, а пулеметчики дружно рассмеялись. Засмеялся и Волжанов, вспомнивший рассказ Жаркова о подвиге пулеметчика из маршевой роты.

— Что за шутки, комбат? — обиженно спросил комиссар, глядя то на смеющегося Волжанова, то на серьезную рожу новоявленного «немца».

— Ну, довольно, Грачев, — приказал Волжанов, подавляя в себе внутренний смех. — Пошутили и довольно! — И к комиссару: — Это, Денис Петрович, пулеметчик из маршевой роты, которая в Киев пробивалась.

— А, значит, он из воинства Жаркова? — комиссар пожал руку Грачеву и добавил: — Слышал, слышал, как ты из своего «максима» пощекотал фашистов.

Грачев довольно засмеялся и спросил:

— Как, товарищ комиссар, гожусь я во фрицы?

— Да, артист ты — хоть сейчас на сцену... Только вот сцена у нас не для спектаклей. Понимаешь? А впрочем, знаешь что? Ты только одну фразу знаешь по-немецки?

— Найн, ихь заге гут дойтш, геноссе комиссар (нет, я говорю хорошо по-немецки, товарищ комиссар) — быстро пролопотал Грачев. Пулеметчики снова рассмеялись.

— Где это ты нахватался немецких фраз? — спросил комиссар.

— Я родом из Линева. Есть такое большое село в Сталинградской области. На реке Медведице оно. А Медведица — приток Дона... В этом Линеве — сплошь немчура. Нас, русских, было всего несколько семей. Сейчас, правда, там больше эвакуированных хохлов с Украины, немцев же эвакуировали еще дальше — в Казахстан. Так вот... Рос я с немецкими пацанами, с нашими, конечно, а не с этими вот мерзавцами... — Грачев кивком взлохмаченной головы указал в сторону противника.

— Понятно, товарищ Грачев, — сказал комиссар, задумавшись, — Вот что, пулеметчик, хотел я сорвать с тебя это партизанское оперение, но подумал и решил: оставайся в нем. Может, еще придется партизанить, понимаешь?

— Есть оставаться в этом партизанском оперении!

Трах, трах, трах, трах, трах... — Чуть выше соломенных крыш, как воздушная телега, но только с двумя висящими колесами, тарыхтел тихоходный советский самолет «У-2».

— Смотри, ребята, кукурузничек к нам притарыхтел! — крикнул кто-то из бойцов. — И верно, хлопцы! Это же наш «У-2»! Как он, голубчик, сюда пробился? И вдруг над всей позицией взметнулись вверх каски, пилотки, саперные лопатки, послышались крики «Ура!»

А смелый «кукурузник» покругил над селом, потом снизился до самых окопов и выключил мотор.

— Держитесь, братишки! Пробивайтесь на восток! Сил у нас много... — кричал, высунувшись из-за борта самолета почти до пояса, пассажир, сидевший сзади пилота. Он сдвинул на лоб массивные очки, приветливо помахал рукой и начал бросать вниз белые пачки, которые мгновенно разрывались на ветру в массу лепестков. Потом он высунул за борт древко, на котором волнисто заиграло алое знамя с силуэтом Ленина... За рекой застрочили пулеметы, и к самолету сплошными цепочками потянулись разноцветные светлячки-пули. Но все они не достигали цели: необычно низко находилась эта воздушная цель. Не обращая внимания на стрельбу противника, бойцы начали ловить в воздухе опускавшиеся листовки, а «кукурузник» снова включил мотор, по-прежнему монотонно затарахтел, прощально качнулся с крыла на крыло и полетел к немцам. Летая там над самой землей, он начал выбрасывать на головы фашистов что-то черное и тяжелое. На земле, на огневых позициях противника, начали рваться гранаты. Эта отчаянная смелость советских летчиков была настолько ошеломляющей, что немцы, чтобы не обнаружить себя и свои огневые точки, прекратили огонь. Воспользовавшись этим замешательством врага, неуязвимая «воздушная телега» долго еще «плавала» над позициями противника и бросками гранат показывала нашим артиллеристам его огневые точки... Стихийный бурный восторг советских пехотинцев остановить было невозможно. Все кричали, пели, свистели, махали, кто чем попа-

ло, одним словом, ликовали.

— Ур-р-ра кукурузничку! Бей гадов! На нашу долю меньше останется. Смотри, как швыряют! Вот это молодцы, вот это герои!

Наконец, немцы опомнились и начали настоящую охоту за русской «фанерной этажеркой», которая причинила им столько бед. Сплошной треск пулеметов и автоматов заполнил всю степь за рекой. Целый рой трассирующих пуль, казалось, прошивал тихоходную машину, кружившую над вражескими окопами... Но вот выхлопы отчаянного «кукурузника» стали быстро удаляться и затихать, а вскоре и совсем пропали.

— Вот фрицы! — возмущенно сказал Смелянский. — Брежали, что и Харьков давно взяли...

— Брежать они мастера, — Комиссар улыбнулся и начал читать напечатанную на листовки самую свежую сводку Совинформбюро. Закончив чтение сводки, он крикнул: — Родина с нами, товарищи! Фашистские радиобрехуны в одном только правы: мы с вами оказались в очень тяжелом положении... Но мы пробьемся к своим! Пробьемся или героически погибнем. Плен у фашистов — это тоже смерть, только смерть мучительная, рабская, позорная смерть труса или изменника!

— Пробьемся, товарищ комиссар! — ответил за своих бойцов сержант Смелянский.

Высоко над широкой кочковатой поймой реки зеленая ра-

кета описала траекторию, и сразу же девять взводов пехоты, рассредоточившись по всему участку полка, пошли в наступление. Бойцы молча перебежали от одной высокой кочки к другой и, падая на животы, изготавливались к стрельбе. Изредка они стреляли по прибрежным кустам лозняка. Но кусты упорно молчали. Артиллерия противника, находившаяся на огневых позициях за рекой, тоже не открывала огня. Противник, видимо, понял цель этого демонстративного наступления русских и не выказывал своей огневой системы. Однако смертники, сидевшие в кустах лозняка, имея за спинами глубокое русло реки, а перед собой — все ближе и ближе сверкающие русские штыки, не выдержали и застрочили панически длинными, захлебывающимися очередями. Волжанов, Додатко, Ребрин, Орликов и Жарков, внимательно наблюдавшие из амбара за ходом наступления своих взводов, заметили, что из кустов через каждые 100—150 метров бил станковый пулемет.

— Хитрят фашисты, — сказал Орликов, не отрываясь от бинокля в дыре крыши. — По мне лупили гораздо гуще.

— Что-то Хромсков сильно отстал от своего взвода, — заметил Жарков, — Как же он может командовать на таком расстоянии?

Бойцы взвода Хромскова быстро продвигались вперед на уровне всех других взводов полка, а сам Хромсков, далеко отстав от бойцов, лежал за самым большим болотным холмиком и что-то истерически кричал командирам отделений,

которые иногда оборачивались назад, не понимая, чего от них требует командир взвода. Один из них, сержант Кустов, вскочил на ноги и быстро побежал назад, к Хромскову. Короткая пулеметная очередь из кустов пришлась ему в спину, и он, как срезанный ударом острой косы стебель подсолнуха, упал лицом в лужицу.

— Ну, Хромсков, на этот раз тебе несдобровать! — процедил сквозь зубы комиссар Додатко.

Хромсков, будто услышав угрозу комиссара, сделал несколько перебежек. Прижимаясь к земле, он подполз к Кустову, попытался перевернуть его бездыханное тело, потом оставил его на месте и сделал еще перебежку. В это время в воздухе на несколько секунд повисла желтая ракета — сигнал к отходу. Прикрывая друг друга огнем, подбирая раненых, отделения начали медленно отходить на исходный рубеж. Сержанта Кустова и еще нескольких бойцов из других батальонов похоронили в общей могиле у сельской церквушки. Все в один голос утверждали, что их командир погиб по вине младшего лейтенанта Хромскова.

Вызвали Хромскова. Он ожидал этого и прибежал удивительно быстро.

— Доложите, Хромсков, при каких обстоятельствах погиб сержант Кустов! — приказал комиссар.

— Видите ли...

— Без всяких «видите ли»! Мы-то видели...

— Гм... — Хромсков пожал плечами. — Дело в том, то-

варищ комиссар, что за сержантом Кустовым и раньше замечалась боязнь... И сегодня он не выдержал, побежал назад...

— Враки! — прервал Жарков.

— Подождите, товарищ Жарков, — сказал спокойно комиссар, — не надо горячиться.

Хромсков заметил, с какой ненавистью смотрели на него все присутствовавшие в амбаре командиры. Он понимал, что на этот раз командир и комиссар батальона могут расправиться с ним строго по законам военного времени, а по неписаным законам окружения — просто расстрелять. И он стал заискивать:

— Правда, могло быть, что сержант что-то хотел мне доложить или спросить...

— А где вы были в тот момент? — Комиссар в упор буравил воспаленными черными глазами маленькое белесое лицо Хромскова.

— Я находился от взвода на расстоянии слышимости голоса...

— Так почему же никто из взвода не слышал вашего голоса?

— Стрельба, знаете, множество команд... Комиссар, не отводя буравящего взгляда от Хромскова, вдруг спросил его совершенно о другом:

— Давно я уже вас знаю, Хромсков, а до сих пор никак не пойму одного: просто трус вы или что-нибудь похуже? Кто вас таким воспитал?

— Вы, товарищ старший политрук, хорошо знаете, что я пензенский сирота, — на маленьком белесом лице Хромскова появилась страдальческая гримаса.

— Это-то я знаю, потому именно и удивляюсь: ведь сироты хорошо воспитываются нашей советской властью. Я много видел детских домов.

— Я не был в детском доме, а рос и воспитывался у бабушки. Почти до двадцати лет ходил в лаптях и лыком подпоясывался. Еще мальчонкой я участвовал в ликвидации кулачества. Так что за мою социальную сторону вы можете быть спокойны. — Хромсков заносчиво приподнял голову. — Правда, в институтах я не учился, как некоторые из присутствующих, а кое-какую грамоту жизни постиг. В армии я с рядового бойца. Одиннадцатый год служу честно и напрямую скажу, что нигде еще меня так низко не ценили...

— Ах, вот оно что! — Додатко прищурился. — Тогда все ясно: недовольство карьерой... А при чем тут сержант Кустов? Его-то зачем вы погубили?

— Я ему не приказывал бежать назад...

— Ну, хватит, Хромсков! — комиссар побагровел от возмущения. — Идите! Когда Хромсков вышел из амбара, Додатко долго еще не мог успокоиться.

— Этот негодяй может наделать нам много еще подлости при удобном случае, — сказал политрук роты Жарков, — Это всегда надо иметь в виду.

— Да, — согласился Додатко. — Я, товарищи, схожу сей-

час к комиссару полка: надо посоветоваться.

На командном пункте командира полка Додатко увидел странную картину. Перед командиром, комиссаром и уполномоченным особого отдела посреди церковной сторожки стоял ординарец Глазкова. В углу сторожки со связанными руками сидел на кирпичном полу гражданский человек с широкой лысиной на голове и тяжелым взглядом схваченного преступника.

— Ба! Да это же доктор! Ух, какой вы смешной, Лободенко, в этом оперении!

Лободенко с кислой гримасой посмотрел на вышитую звезду на рукаве комиссара, но выше взгляд не поднял.

Шевченко приказал ординарцу доложить, при каких обстоятельствах был задержан Лободенко.

— Дело было так, товарищ подполковник... В одном саду тетка рассказала нам, что утром один отставший от своей части командир с гадючками на петлицах переоделся у старика, ее соседа, в цивильную одежду и пошел полевой дорогой в сторону Днепра. И старик подтвердил это. Он показал нам военную форму с гадючками, Мы ее, само собой, реквизировали, сели опять на лошадей и вдогонку. Только через три села, мы настигли доктора. Когда он заметил погоню, то сразу свернул с дороги и удрал в балку. Мы, само собой, догнали его и арестовали. Потом приконвоировали его сюда. Вот и все, товарищ подполковник.

Тяжело вздохнув, Шевченко поблагодарил ординарца за

добросовестную службу. К осужденному подошел комиссар полка.

— Лободенко, о чем вы думали, решаясь на такой позорный шаг? — спросил он строго. — Только откровенно. Теперь вам ведь все равно...

— Это я понимаю, товарищ комиссар. — Еще не старый по годам, Лободенко выглядел почти развалиной: смертный приговор делал свое разрушающее действие. — Я, признаться, решил, что раз мы окружены, то сопротивляться уже бесполезно, все равно всех нас перебьют. К тому же я не видел, во имя чего я должен отдать жизнь... Я ведь врач, а эта специальность хоть при немцах, хоть при турках — нужная специальность...

— Так вы что же, немцев собирались лечить?

— Гм... Почему немцев? У них свои врачи есть, а для меня и русских больных достаточно...

— В приговоре указано, что вы являетесь выходцем из семьи торговца. — Это правда?

— Да. Мой батя до революции имел в Житомире самую лучшую аптеку.

— А почему вы это от нас скрывали?

— Понятно, почему скрывал... — Лободенко изобразил на лице многозначительную ухмылку. — Кому это при советской власти захочется афишировать свое купеческое происхождение?

— Это, пожалуй, верно, — согласился комиссар и пере-

глянулся с командиром полка. — Значит, вы уже похоронили советскую власть, надеялись, что в ближайшее время не только Украина, но и вся Россия станет колонией Германии лет эдак на тысячу, как уверяет весь мир Гитлер?

Лободенко, не поднимая голову, молчал. Организацию казни Шевченко и Лобанов возложили на начальника штаба и командира комендантского взвода.

За селом, прямо в степи, вокруг зияющей черной пастью ямы выстроились шестнадцать отделений бойцов и почти весь командный состав полка. Все затихли. Многие узнали бывшего полкового врача и недоуменными взглядами спрашивали друг друга, почему это его одели в гражданскую одежду?

Лобанов и Глазков подошли к осужденному и стали рядом с ним.

— Товарищи бойцы и командиры! — крикнул комиссар, гневно и вместе с тем брезгливо сморщив свой острый нос с бородавкой, — У этой позорной ямы — бывший старший врач нашего полка Лободенко. — Гул удивления прошел по рядам, — Все вы его знаете. В то время, когда все честные советские люди, в том числе и вы все, не щадят своих собственных жизней в борьбе с фашистами за честь и свободу Отечества... Этот мерзавец в самый тяжелый момент дезертировал, обменял военное обмундирование на гражданскую одежду и бежал в Киев, где собирался с приходом немецких оккупантов поступить к ним на службу в качестве врача

— Ах, сволочуга! Купчина проклятый! — полетело по рядам из уст в уста — Расстрелять гадину!

И взыграл людской гнев, бурлящий, неудержимый и страшный... Масса бурлила долго. Комиссар Лобанов еще раз изучающим взглядом обвел весь строй и громко спросил.

— Кто желает привести приговор в исполнение? Из строя послышалось много голосов желающих. Из глубины строя к Волжанову протискался боец Чепуркин. Вид у него был как у драчуна, готового броситься в бой первым.

— Товарищ комбат, скажите комиссару, пусть меня назначит! — сказал он требовательно. — Я эту скотинку окуну в яму одним выстрелом. Через батайский семафор, как говорят у нас в Ростове. Только подошвами мелькнет, падлюка!

Волжанов подошел к Лобанову и попросил назначить Чепуркина для исполнения приговора. Лобанов согласился и кивнул Чепуркину. Подойдя к осужденному, Чепуркин грубо повернул его лицом к яме, отошел назад и навскидку выстрелил из винтовки в затылок, из которого ударила тонкая струйка крови. Лободенко, мгновенно сломавшись в коленях, действительно «нырнул» в яму, мелькнув подошвами...

— Послужи теперь своему Гитлеру, падлюка! — процедил сквозь зубы Чепуркин.

Долго еще в тот день шли разговоры о казни изменника Родины. Все сошлись на том, что лучше с честью пасть в бою с врагом, чем быть расстрелянным отечественной пулей. А исполнитель приговора Павел Чепуркин, сидя в окружении

бойцов своего взвода, сказал:

— Если бы у меня была не одна, а три жизни, я бы согласился три раза заткнуть своим брюхом амбразуру немецкого дзота, но только не подставить башку свою своей, русской пуле. — Заметив удивленные взгляды бойцов, он добавил. — Что, не верите? Курва буду!

Все дружно рассмеялись...

А через полчаса парторганизация первой роты исключила из партии младшего лейтенанта Хромскова. Коммунисты выступали коротко, но зло, потому что подлый поступок Хромскова возмутил всех.

Несмотря на потери, которые дивизия понесла на марше от непрерывных бомбежек и обстрелов с воздуха, к месту прорыва она подошла почти удвоившейся, так как многие части, подразделения и группы из состава отходивших с севера 5-й и 21-й армий, потеряв связь со своим вышестоящим командованием, вливались в дивизию с вооружением и техникой. Вместо трех стрелковых полков в ней теперь было пять, вместо двух артиллерийских — три. А пополнение все подходило и подходило...

Командир дивизии генерал-майор Дубнищев, пожилой, но еще пышущий здоровьем человек, тоже потерявший связь со своим начальством, принял на себя командование всеми подтягивавшимися к месту прорыва войсками. Он твердо был уверен, что без серьезных потерь «протаранит» еще не стабилизировавшуюся оборону противника на реке

Супой. Бросив фуражку на стол, Дубнищев хрипловатым, но властным голосом спросил:

— Ну что, Шевченко, все рекогносцируешь местность? Давно бы уже со своими чудо-богатырями пробил мне дорогу, так нет, остановился и колдуешь над какой-то жалкой лужей, — он ткнул указательным пальцем в разложенную на столе карту. — Докладывай, что тут у тебя под носом делается!

— Главная трудность, товарищ генерал, — доложил Шевченко, — это местность, на которой придется делать прорыв, — топкий километровый луг. В конце этого луга, по восточному берегу реки, противник через каждую сотню метров поставил станковый пулемет, а на том берегу сосредоточил артиллерию разных калибров и минометы. На нашей стороне противник все пристрелял, даже успел убрать мешавшие ему копны сена. Надо предпринять какой-нибудь умный маневр, а не лезть прямо на рожон. Я тут кое-что подработал...

— Подработал, подработал! — перебил Дубнищев. — Только и знаешь, что подрабатываешь, глубокомысленный ты академик... Воевать надо, а не подрабатывать! Ты что забыл, что время учебы кончилось двадцать второго июня?

...Дубнищев служил в царской армии солдатом, когда в России одна за другой прокатились две революции. Будучи молодым расторопным парнем, он сначала был выбран в полковой солдатский комитет и взводным командиром. Во время организации Красной армии его назначили команди-

ром роты. Воевал он за Советскую власть, не щадя живота своего. Большой личной гордостью его было то, что на восточном фронте он плечом к плечу сражался с Чапаевым и по его представлению из рук самого Фрунзе получил орден Красного Знамени. Но годы шли, и законная эта гордость незаметно для самого Дубнищева перешла в глубокое его убеждение в том, что он — образец совершенного военачальника, прошедшего такую практическую школу войны, перед которой любая военная академия ничто, «потешная школа», как он любил выражаться. От каждого предложения кадровиков поехать на учебу он отмахивался, как от назойливой осенней мухи. Но эти предложения со временем стали повторяться все чаще и все в больших инстанциях. В результате он превратился в жгучего противника «теоретической возни» и в фанатичного приверженца «практического кипения командира в гуще войск». И тех своих подчиненных командиров, которые рвались на учебу в академии, он одергивал в самой грубой и бранной форме. Правда, кадровики вырывали таких командиров из его цепких лап. И самого его года за два до войны под угрозой снятия с должности заставили-таки «пройти» какой-то ускоренный академический курс...

К тем молодым командирам, которым в свое время удалось вырваться от Дубнищева в академию, принадлежал и Шевченко. Он знал, что Дубнищев не простил ему самовольства, и видел в этом причину того, что при каждом удобном

случае он обзывает его «глубокомысленным академиком».

— Мой командный пункт будет здесь, — сказал Дубнищев, присаживаясь к карте. — Адъютант, командиров и комиссаров полков — ко мне! — Находившийся за дверью адъютант приоткрыл дверь, громко крикнул: «Есть!», и закрыл дверь. Дубнищев уткнулся в карту, теребя густую, красиво седеющую шевелюру. Долго он так сидел, не предложив сесть командиру и комиссару полка.

— Вправо и влево по реке я направил разведчиков, — доложил Шевченко. — Возможно, найдут брод...

Генерал пропустил это мимо ушей. С минуту он еще смотрел на карту, потом стукнул по ней крепко сжатым кулаком и твердо сказал, как будто пришел:

— Р-р-раздавлю! Численным превосходством раздавлю! — Под ударом его кулака длинные и тонкие доски стола прогнулись, но сразу же упруго выпрямились.

Увидев опасную решимость комдива, Шевченко попробовал ее поколебать, пока она не стала безоговорочным приказом.

— Надо подождать, товарищ генерал, результатов разведки, возможно, там и местность будет более подходящей для прорыва, и плотность огня в обороне противника меньше. Взвесим все...

— Некогда уже ни разведывать, ни взвешивать! — прервал его Дубнищев. — Ты что, хочешь, чтобы противник выиграл время и еще больше укрепился? Да военный совет

шкуру с меня снимет с головой в придачу. Ты посмотри, какая силища в наших руках! — Дубнищев встал из-за стола и, взяв Шевченко под руку, подвел его сначала к окну в сторону реки, потом к окну в сторону степи. — Видишь?

Все окопы на огородах и в начале луга были заполнены бойцами до отказа, а из степи бесконечными колоннами подходили войска.

Первыми в сторожку вошли командиры и комиссары артиллерийских полков — люди более точные и собранные, чем пехотинцы.

— Гнедич! — обратился генерал к одному из моложавых полковников с белорусским типом лица. — Моего артиллерийского бога еще в Киеве вызвали в штаб, и до сих пор его нет. Возьми всю артиллерию моей группировки в свои руки, но только крепко и быстро! Понял?

— Есть, товарищ генерал! — ответил Гнедич и поздоровался с Шевченко как со старым знакомым. Их служебные дороги не раз уже расходились и снова сходились. Гнедич быстро вышел. В сторожку втиснулась большая группа командиров и комиссаров стрелковых полков, которым Дубнищев поставил задачу коротко и просто: после артподготовки атаковать противника, засевшего в прибрежном лозняке, сбросить его в реку, форсировать ее и занять плацдарм на восточном берегу. Сигнал для атаки — красная ракета.

Недалеко в степи ахнуло одиночное орудие. Столб грязи, огня и дыма взметнул за кустами лозняка.

Несколько минут продолжалась пристрелка. Противник упорно молчал. Казалось, что его вообще там нет... После пристрелки наступила минутная тишина, такая неестественная и жуткая, что даже в ушах ломило. Только по всему Киевскому тракту раздавались то далекие, то совсем близкие бомбовые взрывы. А здесь, на передовой, — ни единого выстрела... У немцев терпения в этой тишине не хватило. Они на всю мощь громкоговорителя воззвали:

— Халло! Халло! Рюьски зольдатн, сдавайс!

В этот миг на самом высоком холме за селом рванул артиллерийский залп, за ним левее — второй, еще левее — третий, и, будто наседавая друг на друга, заговорили все наши батареи. Через минуту все слилось в сплошной гул, в котором уже нельзя было различить ни отдельных выстрелов, ни батарейных залпов... И генерал Дубнищев несколько уже не сомневался в успехе. Тяжелой поступью, но с сияющим видом он расхаживал по сторожке и, стараясь перекричать пушки, восторгался:

— Молодец Гнедич! Ей богу, молодец! — Подойдя к телефону, схватил трубку: — Гнедич, это ты? Ты охрип, что ли? Голос изменился... Молодец, говорю, ты меня слышишь? Я говорю, молодец ты, настоящий бог войны! Перейдем эту лужу, — к Герою представлю. Заслужил, без сомнения заслужил! Так прописал фашистам отходную на небеса, что и на том свете, ежели он есть, вечно будут корчиться. — Он положил на ящик трубку и встал перед подполковником Шев-

ченко. — Ну что, видел работу Гнедича? Сразу чувствуется рука мастера. Против такой науки и я ни слова не скажу. Понимаешь?

Шевченко подошел к окну, еще раз увидел славную работу артиллерии, и ему стало радостно на душе и как-то неловко перед генералом за свою чрезмерную осторожность. А непоседливый и нетерпеливый генерал уже тянул к своему рту ухо заглянувшего в домик майора Казбинцева и кричал в ушную раковину, как в мегафон:

— Казбинцев, дорогой! Мой штаб еще не развернулся, передай понтонерам мой приказ немедленно подтащить к линии окопов понтоны! Пойдут к реке вместе с пехотой.

Казбинцев убежал выполнять приказание, а генерал снова схватил телефонную трубку:

— Гнедич! Как только увидишь мою зеленую ракету, весь огонь сосредоточишь на той стороне. Чтобы ни одно орудие, ни один солдат противника не подошли к реке во время нашей атаки! — Весь во власти радостного возбуждения, Дубнищев сиял. Впрочем, сиял не только Дубнищев. Командиры частей и подразделений с трудом сдерживали пехоту от преждевременного броска в атаку...

— Товариш лейтенант, мабуть усим фрицам, яки там булы, жаба цыци дала, — Квитко довольно пригладил на щеки порыжевшие усы-метелки и широко улыбнулся. Волжанов тоже улыбнулся и приказал Орликову:

— Женья, придержишь свою роту и через небольшой ин-

тервал поведешь ее уступом за второй и третьей. Понял?

— Хорошо, придержу, если удастся. — Орликов поправил снаряжение и вышел из амбара.

Над лугом затрепетала зеленая ракета, и вся людская масса, не дожидаясь переноса огневого вала за реку, как неудержимый водный напор через низкую дамбу, выплеснулась на луг. Многоголосое «Ур-р-р-ра-а-а», казалось, накрыло заметно слабевший артиллерийский гул.

Волжанов и Додатко тоже были подхвачены мощным людским потоком, как небольшие щепки — открытым водостокom огромного бассейна. Но они бежали в гуще своих подразделений. Зажатые со всех сторон знакомыми бойцами, они сквозь тысячный людской крик бросали друг другу замечания.

— И конца не видно этой лавине! — крикнул комиссар прямо в ухо Волжанову.

— С ходу запрудят речушку. Может, и понтоны не потребуются... Огневой вал, к которому приближались атакующие, вдруг исчез. А на той стороне, далеко от берега, он почти удвоился: там творилось что-то неопишное...

В районе прибрежного лозняка дымовая завеса, оставшаяся от разрывов, еще скрывала результаты адской работы огня и стали. Но вот дым немного рассеялся, и стала вырисовываться обглоданная и обугленная прибрежная полоса без малейших остатков лозняка. Орущим во все глотки передним атакующим осталось пробежать около сотни метров, вот-

вот они перепрыгнут через обугленный участок и бросятся в воду... Но разжиженная дымовая завеса вдруг изрыгнула плотную стену пулеметного огня! Первые ряды атакующих, расстрелянные почти в упор, свалились, как густая высокая рожь под ударом только что отбитой косарем косы. Бежавшие за ними по неудержимой инерции перескочили через трупы своих товарищей и, обезумев от неожиданности и злобы, как разъяренные львы, бросились на брызжущие огнем пулеметы и тоже свалились наземь. Раненые с проклятиями проползали еще метр-два вперед и, добитые пулями, больше не шевелились; на них валились все новые и новые группы срезанных человеческих тел... Когда дым совсем рассеялся, на том месте, где еще так недавно был густой прибрежный лозняк, теперь вырисовалась зловещая шеренга оголенных снарядами, но целехоньких бронированных колпаков! Они ровной шеренгой сидели в распаханной земле вдоль всего берега, бронзово-черные и неприступные: из каждой зияющей над землей амбразуры хлестал пулеметный огонь. Все выше поднимался перед этим губительным огнем вал бездыханных окровавленных тел; мертвые придавливали собой раненых; раненые безуспешно пытались выкарабкаться из кучи мертвецов... Увидев эту ужасную мясорубку, комиссар Додатко остановился и на весь луг вдруг прорезавшимся сквозь простудную хрипоту голосом крикнул: Ло-о-жи-ись!

Задние ряды атакующих залегли там, где застала их эта команда. Передние повернули назад, через несколько шагов

тоже залегли и между кочками по-пластунски стали отползать от обстреливаемой зоны. Над головами бесчисленными стаями шмелей жужжали и свистели вражеские пули. Додатко и Волжанов тоже залегли, спрятав головы за большими кочками.

— Впер-р-ред, сукины дети, вперед! — послышалась сзади чья-то властная команда.

Обернувшись назад, Волжанов увидел генерала Дубнищева, быстро бежавшего от села между залегшими бойцами. Он был красив и грозен. Пылавшее огнем лицо его гармонировало с красным ободком генеральской фуражки, на широкой груди серебрился ряд боевых орденов. Жгучий гнев и решимость отражались в его обезумевших от увиденной катастрофы глазах. Рядом с ним, плечом к плечу, бежал его молодой розовощекий адъютант, выбрасывавший вперед позолоченное древко знамени. Ярко-красное, с золотыми буквами и цифрами шелковое полотнище то плескалось над их головами, ударяя по щекам кистями, то взмывало вверх и звало залегших воинов вперед. За знаменем бежали Шевченко и Лобанов.

— За Родину, за Сталина, друзья, вперед! — закричал генерал, выхватил из рук адъютанта дивизионное знамя и понесся прямо на огонь ближайшего пулемета. Будто зачарованный увиденным, пулеметчик вдруг прекратил огонь. А вслед за ним прекратили трескотню и другие пулеметы. Генерал, с легкостью юноши вскочил на груду мертвых тел. Его

отчаянный пример, как вихрь, подхватил залегших живых воинов. Казалось, еще один миг, — и страшные смертоносные колпаки будут позади, но... Амбразуры колпаков снова ошпарили огнем, и генерал, его адъютант и все, кто успел догнать их, свалились на остывшие уже тела однополчан...

— Безумству храбрых!.. — произнес Шевченко, залегший рядом с Волжановым. К своему удивлению, в душе он очень пожалел, что этот безумно храбрый, заслуженный в прошлом воин, не пал хотя бы часом-двумя раньше...

Трагическую, непоправимую ошибку допустил генерал Дубнищев! По бронированным колпакам противника били орудия малых калибров, тогда как надо было разрушать их самыми тяжелыми снарядами... Момент упущен, люди деморализованы, все надо начинать сначала, но с чем? Боеприпасы артиллеристы выпалили почти все. А как можно создать новый кулак для повторного удара без артиллерии? Шевченко кипел от злости на погибшего комдива за то, что он оставил его, подполковника Шевченко, ответственным за жизни еще больших и все пополнявшихся масс людей, а сам «умыл руки». Как ему хотелось в те минуты быть рядовым! Любым рядовым, только бы рядовым! Но судьба именно на него возложила тяжелую ответственность за судьбу всей отрезанной от тыла армии. «Что делать? Что делать?» — спрашивал он сам себя и не находил ответа. В этот момент комиссар Лобанов, лежавший в небольшом удалении от него, крикнул:

— Иван Михайлович, из командиров стрелковых полков вы старший по званию. Принимайте командование дивизией на себя! Медлить нельзя!

Притихшие было фашистские бронеколпаки, в этот момент вдруг снова затарахтели длинными пулеметными очередями по всему берегу. Пули засвистели над головами так густо, что удивительно было, как они не сталкивались в полете. Но фашисты не могли вести прицельный огонь по залегшей пехоте, потому что кучи мертвых тел перед каждой амбразурой прикрывали собой живых воинов. Шевченко понимал, что тысячи людей ждут его твердого командирского решения, и от этого понимания он внутренне терзался, не находя в себе самом ни твердости, ни хладнокровия для четкой работы мысли. Из этого состояния растерянности его вывел глухой топот чьих-то тяжелых ног сзади. Не успел он оглянуться, как рядом с ним упали ефрейтор Мурманцев и боец Чепуркин. Запыхавшись от бега, они с трудом перевели дух и положили перед собой трофейные автоматы.

— Товарищ подполковник, — обратился Мурманцев, — мы от лейтенанта Орликова. Он велел вам передать, что на Карельском перешейке такие вот колпаки брали только взрывчаткой. Разрешите попробовать! Охотников много.

— Разрешите, товарищ подполковник! — поддержал просьбу и Чепуркин. — Саперов лейтенант подобрал, взрывчатки много. Мы этих шаромыжников вместе с колпаками вышвырнем в речку! По-ростовски, кинем через батайский

семафор, только разрешите!

Иван Михайлович, осененный этим своевременным толчком «снизу», вдруг оживился, в мозгу молниеносно пронеслась вся операция по прорыву «линии Маннергейма», изучавшаяся на командирских занятиях. В душе он так был благодарен лейтенанту Орликову за эту своевременную подсказку, что готов был обнять его всенародно. Этот толковый лейтенант подсказал единственно правильный способ выполнить боевую задачу дивизии. Вырваться на тот берег, обеспечить коридор для выхода всех войск армии — это надо сделать немедленно, не теряя ни минуты, пока противник на той стороне не залатал брешь, пробитую артиллерийским ударом!

— Молодцы, ребята! — сказал Шевченко. — Ползите вперед, в промежутке между колпаками растащите в стороны мертвых, чтобы был проход. А ты, Волжанов, пошли кого-нибудь к Орликову, прикажи возглавить штурмовые группы из автоматчиков и саперов и подтянуть их сюда. Чтобы любой ценой был взорван хотя бы один колпак! Понял?

Волжанов сорвался с места и быстро побежал назад, к роте Орликова. А Мурманцев и Чепуркин, подобно крадущимся лягушкам, чуть ли не пропахивая носами землю, ползли вперед.

— Мурманцев, вытащите сюда тело генерала и знамя! — крикнул им Шевченко вслед.

Это приказание нового комдива слышали многие бойцы.

Оно полетело по цепям из уст в уста. Оно влило в сердца людей хоть какую-то надежду, что не все еще пропало. Раз новый комдив проявляет заботу о теле погибшего генерала, приказывает доставить к себе боевое знамя дивизии, значит, он взял в свои твердые руки дивизию, значит, не все еще пропало...

Как мучительно, как медленно тянется время! Минута кажется длиннейшим часом... «Скорее взрывчатку, скорее взрывчатку! Скорее, скорее!» — шептал сам себе новый комдив и, с каждым новым ударом собственного сердца то посматривал на печальную работу Мурманцева впереди, то оглядывался назад в надежде увидеть штурмовые группы Орликова...

Прошло еще несколько томительных минут, прежде чем показалось, наконец, около десятка саперных групп с ящиками. Они быстро бежали от села по лугу. Навстречу им летели вражеские пули, но штурмовики не обращали на них никакого внимания. Даже тогда, когда один сапер с взрывчаткой упал и больше не поднялся, его ящик подхватили другие и продолжали движение вперед. Тела бойцов, павших от косоприцельного огня между двумя колпаками, были уже убраны, и Мурманцев с Чепуркиным залегли с автоматами за телами прямо против амбразуры одного колпака и изготовились к бою. Штурмовые группы лейтенанта Орликова, рассредоточившись, подползали к ним. С последними двумя группами был и сам Орликов. Маленький, как подросток, он

быстро ползал по-пластунски от группы к группе и отдавал какие-то распоряжения. Вернулся и Волжанов. Он доложил комдиву, что понтонеры с понтонами и сельскими рыбацкими лодками подтягиваются тоже к реке. А в селе тем временем все больше скапливалось войск. Оттуда доносились рев автомобильных моторов, конское ржание и людской гвалт... Шевченко подозвал к себе комиссара Лобанова.

— Василий Иванович, тылы опасно напирают на село. Видно, там нет твердой руки.

— Я понял, Иван Михайлович, иду в село, — ответил комиссар.

— На всякий случай организуйте там круговую оборону. Подозрительно долго не возвращается южная разведгруппа. Не напоролась ли она на противника? Возьмите из первой роты надежных бойцов и действуйте решительно! Где не поможет крепкое слово, там пускайте автоматы. Помните: закон здесь остался только один — наша с вами железная воля. И Гнедичу это передайте. Кстати, если он за счет подходящих сюда частей пополнится снарядами, пусть по сигналу красной ракеты поставит хотя бы короткий заградогонь на той стороне в самом начале форсирования реки.

Лобанов пожал комдиву руку и, пригнувшись, пошел в сторону села.

— Пер-р-рвая группа, на взрыв дота ²... вперед! — командовал лейтенант Орликов, и к проходу поползли три сапера с ящиком. Первый из них, таща правой рукой ящик,

левой прикрывал голову саперной лопаткой. Второй подталкивал ящик, а третий, карабкаясь с помощью локтей, держал наготове автомат. Как только первый сапер достиг прохода, оба ближних дота застрочили из пулеметов. Мурманцев и Чепуркин ударили из автоматов по амбразурам. Их пули, видимо, побеспокоили сидевших за броней фашистов: они перестали стрелять. Саперы, воспользовавшись этим, вскопали и бросились вперед, но один из дотов снова полоснул длинной очередью разрывных пуль. Саперы упали, и через мгновение раздался взрыв. Разорванные тела саперов разлетелись в разные стороны...

— Вторая группа взрывников... вперед! — Орликов, казавшийся теперь бессердечным командиром-роботом, сердито посмотрел на Мурманцева и Чепуркина. — Автоматчики! Вы не выполнили свою задачу. Нужен прицельный огонь по амбразурам!

Мурманцев и Чепуркин начали заливать немецкие амбразуры немецким же свинцом. Тогда немецкие пулеметчики перенесли огонь на них. Пули то просвистывали над головами автоматчиков, то с глухими хлопками взрывались в остывших уже телах павших бойцов. Продолжать поединок с пулеметами было бесполезно, поэтому Мурманцев и Чепуркин прекратили стрельбу и спрятали свои головы за мертвые тела, которые издавали пока еще только тошнотворный запах крови. Зло на свою беспомощность в борьбе с дотами переполняло душу Мурманцева. И вдруг он в трех метрах от

себя услышал резкую, сильно оглушающую очередь из ручного пулемета. Он повернул голову, и первое, что ему бросилось в глаза, были снопы яркого огня, вылетающие из вороненого раструба пулемета. Левый, самый беспокоивший дот сразу смолк. За ручным пулеметом лежал Ваня Грачев, тот самый пулеметчик из маршевой роты Жаркова, которому комиссар Додатко разрешил носить «партизанское одеяние». Под прикрытием огня ручного пулемета вторая штурмовая группа быстро поползла вперед. Доты и ее встретили огнем. Она так же, как и первая группа, взлетела на воздух... Грачев сменил позицию, Мурманцев и Чепуркин заменили магазины и приготовились прикрывать третью штурмовую группу. Дело приобретало характер азартной игры со смертью... После гибели пятой группы к лейтенанту Орликову прибежал боец Гениатуллин с немецким ранцем, наполненным землей. Спокойно ложась рядом с Орликовым, он сказал:

— Товарищ лейтенант, зачем допускал напрасную гибель бойца? Разреши мне...

— Хорошо, Гениатуллин, — сразу согласился Орликов, ударив кулаком по ранцу, — Ползи вместо первого сапера в следующей группе. Вперед!

— А я взрыва ни раз не делал...

— Ничего, главное протащить взрывчатку в тыл дота, а там уж саперы без тебя взорвут. Пошел!

Гениатуллин приподнялся, взял свой тяжелый ранец, подтащил его к очередному ящику с взрывчаткой и не спеша

лег на место отползшего сапера. Потащил он ящик с величайшей осторожностью. Пропихнет вперед ранец с землей, потом, прикрываясь им, проползет сам и протащит ящик. И так — метр за метром... Долго тянулось время. Пока доты шпарят из пулеметов по ранцу, группа лежит. Как только они прекращают стрельбу, группа опять ползет вперед. Оказавшись между колпаками, на одном уровне с ними, смельчаки хотели, было, подняться и взять в руки ящик, но из боковой амбразуры справа пулемет дал короткую очередь. Гениатуллин и бывший с ним рядом сапер опять прижались к земле. Все, кто это видел, замерли в ожидании очередного взрыва... И вдруг ползший за ящиком второй сапер вскочил на ноги, прыгнул к боковой амбразуре и животом упал на ее огневые плевки. В падении он успел что-то крикнуть и растопыренными руками обхватить бронированное тело дота. Пулемет захлебнулся. Гарнизон левого дота был выведен из строя пулеметчиком Грачевым... Гениатуллин и оставшийся с ним сапер схватили ящик с взрывчаткой и побежали в тыл правого дота. С фронта на молчавшие доты бросились многие стрелки, но их встретил кинжальным огнем правый дот из лобовой амбразуры. Почти все они упали и больше не поднялись... Прошло еще несколько минут томительного ожидания, и раздался глухой подземный взрыв, земля колыхнулась, и злосчастный правый бронеколпак, вытолкнутый из земли вперед, перевернулся и лег на лобовую амбразуру.

И сорвалась с луга вся людская масса! С криками «ура!»»

бойцы побежали к обезвреженным дотам, густыми толпами бросились в речку и, не дожидаясь средств переправы, поплыли на ту сторону. Ими уже невозможно было управлять: ведь они вырвались из смертельного огненного кольца и окрылены были надеждой на успешный прорыв. Многие барахтались во всем обмундировании, другие, белели в нижнем белье с поднятыми над водой узлами, а те, кто не умел плавать, метались по берегу в поисках какого-нибудь спасительного бревнышка и, не находя его, то с завистью смотрели на счастливых пловцов, то с надеждой назад, где на руках бойцов плыли по воздуху, быстро приближаясь к реке, лодки, долбленные челны, деревянные корыта, двери, доски, бревна — все, на чем человек может форсировать водную преграду. А на сельских огородах понтонеры уже поднимали большие металлические понтоны. В этом людском столпотворении подполковник Шевченко боялся потерять управление оказавшимся под его командованием авангардом армии. Теперь, когда появилась возможность создать хоть узкий коридор для выхода войск из окружения, самым опасным врагом была стихийность. Стихийное стремление каждого, прежде всего самому вырваться из страшных «клещей» врага, может привести к тому, что на том берегу реки не окажется не только коридора, но и мало-мальски укрепленного плацдарма. Подхваченный орущими толпами людей, Иван Михайлович беспомощно оглядывался вокруг. Он, новый командир дивизии, на которого лишь несколько минут на-

зад все эти люди устремляли молящие взгляды как на своего спасителя, теперь ими был затерт, не замечаем и совсем им не нужен. Только его неотлучный ординарец сержант Митрохин, привыкший всегда «быть под рукой» у своего командира, стоял рядом с ним. На груди у него висел автомат, а на поясе — ракетница. Сдвинув каску на затылок и положив руку на кобуру с ракетницей, он вопросительно смотрел на командира... Встретив взгляд горевших в лучах заходящего солнца глаз ординарца, Иван Михайлович встряхнулся и приказал: — Давай, Алеша, красную!

Митрохин вынул ракетницу и выстрелил. В воздухе затрепетала красная ракета, и сразу же из-за села ударила артиллерия. Снаряды вновь стали кромсать огневые позиции артиллерии противника за рекой. Это остановило бежавших без оглядки на восток мокрых бойцов. Они начали залегать и окапываться. Сопровождаемый Митрохиным, Шевченко подошел к саперам с ящиками. лейтенант Орликов за что-то их ругал, и они виновато суетились вокруг взрывчатки. Здесь же стояли Волжанов, Додатко и Жарков.

— лейтенант Орликов, надо расширить прорыв! — приказал Шевченко. — Взорвите еще несколько колпаков!

— Как раз это я и приказал саперам, товарищ подполковник. Саперы, вперед!

Несколько штурмовых групп схватили ящики и ворвались с ними в толпу бежавших к реке бойцов. Навстречу им шли Мурманцев и Чепуркин с окровавленным телом генерала

Дубнищева. Вместе с ними шел Ваня Грачев со знаменем дивизии. Мурманцев по всей форме доложил подполковнику о выполнении боевого задания. От села прибежали Казбинцев, Ребрин, Балатов и Хромсков. Казбинцеву Шевченко приказал переправиться на восточный берег и организовать круговую оборону на захваченном плацдарме, Балатову доставить в село тело генерала и вместе с комиссаром Лобановым похоронить бывшего комдива со всеми почестями. На Балатова же была возложена ответственность за охрану боевых знамен дивизии и полка. Когда у реки раздалось еще несколько подземных взрывов и из своих «гнезд» вылетели треснувшие колпаки-доты, Шевченко подозвал к себе пожилого капитана с инженерными петлицами, который руководил доставкой понтонов к берегу.

— Сколько времени потребуется вам для наведения моста? — спросил Шевченко.

— Около часа, товарищ подполковник, — ответил инженер не совсем уверенно. Судя по его мешковатости и плохо подогнанному обмундированию, он был, очевидно, совсем недавно призван из запаса.

— А если учесть, что речка с гулькин нос?

— Постараемся ускорить...

— Так вот... — Шевченко посмотрел сначала на часы, потом на быстро увеличивающееся у западного горизонта солнце. — Даю вам, товарищ военинженер третьего ранга, сорок минут. Чтобы через сорок минут по мосту потоком

шли войска! Боевая задача понятна?

— Конечно... — Не вышколенный в строевом отношении, понтонер повернулся и пошел вслед за своими понтонами, но Шевченко остановил его:

— Вот еще что, инженер... Назначаю вас заместителем коменданта переправы. Комендант переправы — старший политрук Додатко Денис Петрович.

— Есть комендантом переправы! — по-военному ответил комиссар. — Разрешите приступить к выполнению обязанностей?

— Действуйте, Денис Петрович! — Шевченко по давнишней своей привычке взял комиссара за португепю. — Помните, комиссар, что для удержания плацдарма на той стороне в первую очередь потребуются противотанковые орудия и снаряды... больше снарядов к ним, с танками придется нам иметь дело.

— Я это понимаю, Иван Михайлович.

— Ну, приступайте!

Комиссар Додатко с красным лоскутом на рукаве шинели, с трофейным автоматом в руках быстро ходил от моста к орудиям-«сорокапяткам», подскакавшим к переправе на диких всхрапывающих лошадях, и торопил, торопил. Инженер, руководивший наводкой моста, подошел к комиссару.

— Товарищ старший политрук, — сказал он, — минут через десять мост будет готов...

— Очень хорошо, первыми пропустим противотанковые

орудия.

— Но считается, что переправа на войне не считается готовой к эксплуатации, если она не прикрыта с воздуха...

Этим своим справедливым замечанием он как будто накаркал беду, от Днепра пришла большая стая «юнкерсов». На нее не густо затыкали зенитки, но она, не обращая внимания на огонь, разделилась на несколько групп и ревущим коршуном бросилась на добычу. Главный удар пришелся на артиллерийские позиции за селом. Часть «юнкерсов» спикировала на луг, часть бомбила село, только что наведенный понтонный мост, свои бронеколпаки, которые были теперь бесполезны. Бомбили ожесточенно, сваливаясь с неба на головы людей бесконечной чередой. Рев в небе, взрывной кошмар на земле, и летели в разные стороны изуродованные орудия, вспыхивали кострами сельские хаты, поднимались к небу огромные фонтаны воды, грязи, огня и мелькали в этих зловещих фонтанах человеческие тела...

Шевченко подозвал к себе Волжанова.

— Сбегай, Володя, в село к Гнедичу, пригони сюда хотя бы пару зениток!

— А вы видите, что там у него творится?

— Вижу. Но сейчас переправа — это все! Выполняй!

Необходимость скорее привести к переправе зенитки и беспокойство за оставшуюся в селе Люду мчали его почти по воздуху. При входе в горящий переулочек Волжанов встретил группу разведчиков, ходившую по заданию подполковника

Шевченко вправо по реке.- Вы выполнили задание?

— Выполнили, товарищ лейтенант.

Сообразительный разведчик быстро нашел на карте нужное село и доложил:

— Вот в этом селе, километров пять отсюда, на той стороне реки скапливаются танки, броневики и мотоциклисты. Спешно наводится понтонный мост...

— Все ясно, товарищ сержант. Ваши сведения очень важны. Бегом к подполковнику Шевченко!

Сержант махнул рукой своим бойцам и побежал к переправе. Волжанов остановил одного бойца, маленького, щупленького, как первоклассник.

— Ты, сынок, тоже в разведчиках? — спросил лейтенант, всматриваясь в крошечное лицо бойца. — Кажется, под Киевом ты был в моей роте? Из новичков?

— Из новичков, товарищ лейтенант, — подтвердил боец, стараясь придать своему голосу хоть немного басовитости, но это не получалось: голос у него тоже был детский. — Был я в вашей роте, да вот лейтенант Орликов отдал меня в разведзвод. Говорит, разведчик из меня будет лучше, чем стрелок.

— Наверно, правильно он решил. Как фамилия?

— Красноармеец Колобков я, товарищ лейтенант. — Разведчик потешно подбоченился, подбирая пальцами длинные рукава маскхалата и высовывая курносый нос из-под расплюснутой пилотки.

— Догоняй сержанта, разведчик Колобков! Последняя стая «юнкеров», отбомбившись, улетела на запад, и наступила тишина. Только потрескивали плетневые сараи, да от вновь наведенного понтонного моста доносился скандальный людской гвалт.

Волжанов пошел к погребу, окруженному ранеными артиллеристами. Их было очень много. Одни стонали, другие кричали, третьи умоляли сестер и санитаров скорее показать их раны врачам. А от бывших артиллерийских позиций все подносили и подносили новых раненых. Ни стоны, ни мольбы, ни душераздирающие вопли, казалось, не трогали сердца и души медперсонала, который с удивительным спокойствием занимался своим тяжелым делом. В ярко освещенную керосиновыми лампами пасть каменного погреба поочередно вносили самых тяжелых и укладывали на походный операционный стол — во власть до крайности измученного, забрызганного кровью хирурга. Оттуда доносились переворачивающие душу вопли, стоны бессилия и всхлипывания плачущих мужчин... Вот одного только что оперированного вынесли обратно, а вслед за ним несли окровавленную ногу вместе с запыленным кирзовым сапогом. За следующим несчастным вынесли руку со скрюченными посиневшими пальцами. Раненых клали неподалеку от погреба прямо на землю, а их ампутированные конечности сбрасывали в глубокую воронку от бомбы. А на хирургический «конвейер» уносили все новых и новых страдальцев... Засмотревшись на тоскливое

выражение лица одного оперированного сержанта, который провожал взглядом свою отрезанную руку до самой воронки, Волжанов долго стоял на месте и очнулся только тогда, когда его окликнул лейтенант Балатов:

— Эй, комбат! Ты как здесь очутился? — Он сидел на земле на небольшом удалении от раненых и тихо разговаривал с прилегшим на шинель полковником Гнедичем.

Левая рука полковника была забинтована до самого плеча и, поддерживаемая ремнем, лежала на животе. Обходя раненых, Волжанов подошел к Гнедичу.

— Товарищ полковник, комдив приказал подбросить к переправе хотя бы пару зениток... — Пораженный видом полковника, Волжанов не мог дальше говорить.

Лицо Гнедича, перекошенное, как в предсмертной агонии, показалось Волжанову сгустком мучительного страдания. От свалывшихся светло-русых волос до самого подбородка оно было покрыто слоем черноземной пыли. Скатывавшиеся из голубых глаз слезы прорезали в этом липком черноземе белые дорожки. Отвернувшись от Волжанова, он сквозь тяжелый вздох сказал:

— Доложите комдиву, лейтенант, что с восемнадцати ноль-ноль сего числа в его дивизии нет больше ни одного орудийного ствола, в том числе и зенитного... — Он с тоской посмотрел в сторону уничтоженных огневых позиций артиллерии и добавил: — «Юнкерсы» смешали с землей всю нашу артиллерию вместе с машинами, лошадьми и людьми. И еще

доложите: в штаб дивизии — прямое попадание. Все погибли, в том числе и комиссар Лобанов. Еще скажите комдиву, что каждое прибывающее сюда орудие я буду ставить на противотанковое прикрытие правого фланга.

— Разведчики наблюдали в пяти километрах отсюда наведение переправы для танков, — доложил Волжанов.

— Вот, вот, этого и следовало ожидать от противника! — Гнедич вскочил на ноги, здоровой рукой размазал на лице грязь. — Комдив знает?

— Разведчиков я направил к нему.

— Хорошо. Вас я тоже не задерживаю. Лейтенант Балатов, вы тоже отправляйтесь со знаменами к переправе.

— Товарищ полковник, — спросил Волжанов, — можно мне забрать в батальон своих людей, которые здесь находятся? Батальону предстоит вести бой за удержание плацдарма за рекой.

— Забирайте. Здесь недостатка в людях не будет: несметные толпы движутся сюда с разных направлений.

Уже совсем стемнело, когда Волжанов, Балатов, Люда Куртяшова, Зинаида Николаевна, ординарец Квитко, капитанармус Ефремыч, знаменосцы и несколько легкораненых бойцов из первой роты подошли к переправе.

Комдив Шевченко стоял неподалеку от моста, в окружении ротных командиров и политруков своего полка.

— Ну, пора и нам, друзья мои! — Он посмотрел на горевшее село, на обезлюдевший кочковатый луг, на груды

тел, скошенных немецкими смертниками из бронеколпаков, снял фуражку, — А они нас простят за то, что не уберегли мы их и даже не имеем возможности, похоронить их с почестями. В этот момент за рекой толщу осенней темени распо- роли два мощных прожектора, и сразу же раздался орудий- ный выстрел. Неподалеку от моста взорвался снаряд. Из-за реки донесся панический крик:

— Танки! Слева танки!

Из черной ночной степи выскочило еще несколько глаза- стых машин. Не выключая свет, они остановились и нача- ли поливать свинцом убежавших от света бойцов. Много раз повторились орудийные выстрелы и взрывы. Многие из бой- цов, боясь освещенного моста, в одежде и с оружием броси- лись в воду и поплыли. Танки фыркнули газами, лязгнули гусеницами и подползли еще ближе к реке. Они в упор на- чали расстреливать мост и барахтавшихся в воде бойцов.

Один из снарядов разорвался на самой середине моста, и в тот же миг понтоны, разделившись, под напором бурного те- чения начали отплывать от середины реки к обоим берегам. А на той стороне из-за черных силуэтов танков, изрыгавших клубы огня, вдруг высыпала масса светлячков, и вся пойма реки наполнилась треском мотоциклов. Затем в этот мото- циклетный треск ворвалось густое стрекотание автоматов.

— Товарищ подполковник, — крикнул ефрейтор Мур- манцев, — в селе тоже танки!

Все обернулись к селу и остолбенели: по горящей улице

в сторону Киева двигалась целая колонна танков. От нее в степь и к лугу убегали люди. Некоторые из них, не успев отбежать, исчезали под гусеницами.

— Противник загоняет наши окруженные войска в мешок и сужает его, — сказал Шевченко комиссару, — Но ничего, мешок этот еще очень велик, до самых Лубен. Выскочим, товарищи, если поспешим! Балатов, знамена намотай на себя! Все за мной, шире шаг! — Он подбежал к женщинам, схватил насмерть перепуганную Зинаиду Николаевну под руку, и вместе с ней побежал по лугу, в обход села. Все оставшиеся на этом берегу люди последовали за ним. Терзаемая врагом ночная Полтавская степь приняла их под свое ненадежное покрывало.

Почти всю вторую половину ночи они потратили на то, чтобы незамеченными перейти через Киевский тракт, по которому двигались мотомеханизированные колонны врага навстречу главным силам 37-й армии, выступившим из Киева. Преодолев этот тракт, Шевченко повел свою группу по глухим проселочным дорогам прямо на юг. Проходили села, в которых не было ни немецких, ни советских войск. Шевченко так хорошо знал местность и так был уверен, что не встретит до самого утра частей противника, что не считал нужным высылать вперед дозоры. Иногда он безошибочно называл лежавшие впереди села. Видя эту его уверенность, люди спокойно шли за ним, никто не отставал.

Комиссар сошел с дороги и, остановившись, сосчитал людей. Двадцать пять человек...

— Как самочувствие, товарищи? — спросил он негромко.

В разнбой ему ответили несколько голосов:

— Терпимо, товарищ старший политрук.

— Пока есть силенки.

— Трохи важкувато, товариш комысар, хочь бы минуточку пырыдыхнуть!

— Скоро, товарищ Царулица, может, целый день будем отсыпаться, — ответил комиссар, узнавший бойца по голосу.

Часа за два до рассвета Шевченко, наконец, объявил, что в следующем селе будет большой привал. Волжанов предложил послать в разведку Мурманцева и Колобкова. Когда они вышли вперед и стали рядом — великан и почти ребенок — по группе пошел веселый смешок.

— Вот что, орел и орленок, — сказал Шевченко, тоже засмеявшись, — быстро изучите обстановку в селе!

— Есть изучить обстановку! — Мурманцев наклонился к Колобкову, взял его под руку. — Пошли, шпингалетик!

А Илюшу Гиршмана уже как ветром сдуло. В окнах хаты, у которой стояла группа, появился тусклый свет.

— Илюха уже орудуе, — сказал Копейка, — Ну и проныра хлопыць! А ты, Ефремыч, чога отстав?

— Да этот хлопец и без меня управится: как ни-то одессит! Пронырливый одессит вынырнул из сеней с нависшей стрехой, позвал:

— Можно заходить, товарищ подполковник! Хата просторная... Шевченко приказал Волжанову выставить у входа в село пост и разрешил всей группе войти в хату. В хате при слабом огне маленькой коптилки их встретила пожилая заспанная хозяйка в черном сетчатом чепце, какие носят женщины больше в России, чем на Украине. Она приветливо засуетилась:

— Проходите, проходите, сыночки мои, места всем хватит...

Шевченко с женой и Волжанов с Людой прошли в горницу, и на них пахнуло такое приятное, разнеживающее тепло, какое бывает только в чистом и уютном людском жилище, если мы с ним не расстаемся и ощущаем его повседневно, разве мы его ценим? Только после долгих мытарств и лишений мы его вспоминаем, и тогда оно кажется нам мечтой несбыточной, бесценным блаженством, великим счастьем. Веет от него интимностью и желанием зажить мирной, спокойной семейной жизнью.

— Хочешь, Володя, я скажу тебе, о чем ты подумал, когда переступил порог этой горницы? — спросил Шевченко, усаживаясь рядом с ним.

— А ну, скажите, Иван Михайлович! — подхватила Люда: — Это очень интересно...

— Не было бы войны, подумал ты, я бы уже женился. Пришел бы с тактических занятий в теплую, уютную квартирку, и меня ласково, нежно встретила такая же тепленькая и уют-

ная, одуряюще пахнущая семейным счастьем, молодая блондиночка-жена... — Иван Михайлович с лукавинкой в глазах взглянул на Люду и, понизив голос, оговорился: — Конечно, не в этой грубой гимнастерке и кирзовых сапогах... Бросилась бы она мне на шею от радости, влипла бы своими пылающими нежными губками в мои огрубевшие на полевых ветрах губы, — и усталости как не бывало! Ну, а дальше... Ты и представить себе не можешь, что дальше, потому что не жил еще семейной жизнью. А именно дальше-то весь смысл и прелесть семейной жизни, настоящего семейного счастья... Что, отгадал твои тайные думы?

Волжанов, как застигнутый за какой-то шалостью мальчишка, виновато улыбнулся и снова вздохнул. Люда слушала Ивана Михайловича, как зачарованная, а Зинаида Николаевна тихо, чтобы не услышали в задней комнате располагавшиеся там бойцы и командиры группы, начала всхлипывать.

— Крепись, Зинок, нельзя так! Вон Люда еще совсем девочка и то не плачет, а ты... Не плачь, дорогая, не печалься... Отвоюем и прошлое наше, и еще лучшее будущее. А заодно и научимся его по-настоящему ценить.

Волжанов впервые видел проявление такой глубокой нежности и ласки со стороны мужчины по отношению к женщине, со стороны мужчины, которого он привык повседневно видеть только по-военному строгим, требовательным и лаконичным. Волжанову почему-то было неловко видеть подполковника таким мягким и слабым. Эта неловкость усили-

валась тем, что Люда широко раскрытыми глазами, с ярко вспыхнувшим румянцем на щеках и с полуоткрытым ртом от удивления смотрела на трогательную любовь своих старших друзей-супругов.

Дверь горницы была открыта, и слышно было, как со двора вошли, переговариваясь, комиссар Додатко и уполномоченный Глазков.

— Доброй ночи, господинюшка наша! — поприветствовал хозяйку комиссар.

— Да уже, наверное, доброго утра, товарищ командир, — ответила хозяйка.

— Вы, я замечаю, не украинка?

— Трудно сказать, кто я. Из Рыльского. А там у нас и русские, и украинцы... Так что все равно.

— Так, так... И давно вы оттуда?

— Еще при нэпе выехали оттуда. Здесь построили с мужиком хату на самом краю села и живем. Вернее, жили... А теперь и он где-то воюет. И давно нет писем.

— Немцев у вас не было?

— Пока бог миловал... Вообще творится что-то непонятное. Все время стрельба была за Днестром, а потом вдруг будто перелетела через нас и теперь слышна далеко на востоке.

Комиссар не ответил. Он стал всматриваться в лица измученных до предела бойцов. Одни уже мертвецки спали, другие, разморенные теплом и покоем, сладко позевывали. Все винтовки, автоматы и каски были сложены в углу комнаты.

Взглянув на лейтенанта Орликова, сидевшего за кухонным столом, комиссар спросил:

— Ты, Женя, на марше что-то прихрамывал. Наверно, натер ногу?

— Нет, товарищ старший политрук, осколочек застрял в ноге, — признался лейтенант.

Хозяйка ахнула, ударила себя по бедрам и побежала в сени. Возвратившись с тазом, она быстро налила в него горячей воды и хотела промывать ранку Орликова, но Люда вежливо ее остановила:

— Здесь, тетушка, медицина есть. Вы лучше приготовьте ему что-нибудь поесть, если имеете...

— Да как же, доченька, как же... Всех, конечно, накормить не смогу, а для него яишенка найдется. Ах, сердешенький, как он обескровился! — И хозяйка засуетилась у печи.

Люда начала обрабатывать раненую ногу Орликова. Орликова уложили на полати, прикрытые лоскутным многоцветным одеялом. Над полатями послышался старческий женский голос:

— Может, вы его, соколика, на печку поднимете? На краю печи, свесив ноги вниз, сидела старуха, а из-за нее выглядывали две нечесанные заспанные мордашки хлопчиков. Бабуся зашевелилась и хотела слезть с печи, но комиссар остановил ее:

— Вы не беспокойтесь, бабуся. Мы все равно скоро уйдем.

— Ой, господи! Куда же вы его, хворого, потащите? — воскликнула бабка.

— Нужно идти, бабуся, ничего не поделаешь. А он разойдется...

В хату влетел Илюша Гиршман, а вслед за ним вошли пять женщин с фартуками, наполненными всякой снедью.

— Ну, вы, родненькие, сложите все это на стол и — быстренько за молочком! — приказал Илюша неотразимым тоном души-снабженца.

Женщины с трудом добрались до стола, выложили сало, яйца, помидоры, соленые огурцы, большую связку луку, хлеб... Они ушли, а Гиршман — к Шевченко:

— Товарищ подполковник, через пять минут можно приступить к приему пищи.

— Молодец, Илюша! Поднимай людей!

Вскоре два с половиной десятка голодных ртов навалились на пищу. Для командиров и женщин Гиршман «организовал» две огромные, как тележные колеса, сковороды с глазуньей, а рядовых потчевал сухомяткой: яйца вкрутую, сало с хлебом, овощи и кислое молоко. Все уплетали за обе щеки, хорошо понимая, что впереди их ждет неизвестность. Какая она, эта неизвестность? Может, голодная, может, холодная, может, удача, а может, и смерть? Дверь распахнулась, и в нее втиснулся ефрейтор Мурманцев, а вслед за ним — Колобков, тащивший за руку безоружного красноармейца. Мурманцев прошел в горницу и доложил, что ни одного немца в

селе нет, но обнаружен раненый красноармеец. Все посмотрели в открытую дверь и увидели длинного и тонкого, как жердина, бойца с забинтованной по локоть рукой.

— Ба, это же Цыбулька! — воскликнул Волжанов. — Ты как здесь оказался, Цыбулька?

— Я, товарищ комиссар, еще прошлой ночью с медсанбатом уехал из Киева, — маленькое веснушчатое лицо Цыбульки пылало или от смущения, или от радости, что встретил своих фронтовых однополчан, — всех легко раненых, кто близко живет, командир медсанбата почему-то отпустил по домам, а это мое родное село...

— Вот как? — удивился комиссар.

— Товарищи командиры, — взмолился Цыбулька, — дозвольте мне вернуться у свою роту! Еще дэнь-два — и моя рука будет зовсим здоровая. — Он еще больше покраснел, отчего крупные, стиснутые со всех сторон краской, веснушки уже нельзя было различить.

— Куда б вы не йшлы, а я от вас теперь не отстану! Хочь чорту в пэкло! — Уже из сеней он крикнул: — Я швыдко збэрусь!

Когда все заготовленное Гиришманом продовольствие было съедено, за исключением отложенного «расхода» для караульных, подполковник Шевченко приказал всем спать. Сон свалил измученных людей сразу. Это, видимо, очень удивило бабусю, сидевшую на печи. Как только наступила сонная тишина, она закряхтелаи сама для себя проговорила.

— Ох-хо-хо, грехи наши тяжкие! Когда только люди образумятся?

— Это вы о ком, бабуся? — спросил комиссар, лежавший под ее ногами.

— А обо всех, кто воюет...

— Да что вам до них? Сидите себе на теплой печке, грейте старые косточки и доживайте свой век.

— Так разве дадут спокойно дожить? Я хоть и старая, а как почую тех супостатов, что в небе гудят, так затрясусь, будто в лихоманке.

— Не тряситесь, бабуся, — отозвался почти детский голос Колобкова, — скоро разобьем фашистов, и снова наступит тишина и спокойствие. — Трудно было определить, откуда доносился этот голос: не то из-под полатей, не то из-под стола.

Старуха шумно вздохнула.

— И-и-и, соколик! Ты говоришь, скоро... Я не знаю, верить ли тебе, а вот снам своим я верю...

— И что же вам приснилось такое убедительное? — спросил комиссар.

— А приснился мне, батюшка ты мой, сон сурьезный... Не сон, а предсказание... Сижу будто бы я на своей печке, как вот и сейчас сижу. И такая же темень в хате. Тоже, как и сейчас, война идет. И так я разозлилась на нее, проклятушую, что захотелось мне пожаловаться на нее самому господу богу. А в него я верю. — Она что-то полушепотом про-

бормотала, очевидно, перекрестилась. — И что бы ты думал, батюшка мой? Вдруг осветилась вся моя хата ярким солнцем, да таким ярким, что на столе, на лавке, на полу — везде так и запрыгали солнечные зайчики, а на душе сразу повеселело. Я выглянула с печи, посмотрела на дверь, да так и замерла: в двери стоит... кто бы, ты думал? — Старуха смолкла, давая возможность слушателям отгадать.

— Может, какой ни-то апостол, а то и сам господь-бог, царство и манна ему небесная, — попробовал отгадать, оказывается, еще не спавший Ефремыч.

— Нет, мил-человек, не отгадал... Ежели бы господь-бог, то это бы не так уж и дивно было: ведь к нему-то я и взмолилась...

— А кто же, бабушка? — Колобков даже приподнялся, зашелестев соломой.

— Сталин, — громко сказала бабуся, — вот как есть он — настоящий, живой Сталин. Будто, услышав мою мольбу, сошел с портрета и — прямо ко мне припожаловал. Медленный такой, рассудительный... А в правой руке у него — небольшое, как глобус, но яркое, яркое солнце. Я вся замлела и не могла двинуться с места. И сама не знаю, отчего замлела: или от робости, или от радости... А он бережно так положил свое солнышко на шкаф, шагнул раз-другой ко мне, остановился посреди комнаты, пригладил трубкой свои усы, как это в кино показывали, и ласково улыбнулся. Я осмелела да как соскочу сначала на полати, а потом на пол и — к

нему. Гляжу ему прямо в очи и жалостным таким голосом спрашиваю: «Осип Висарьонович, когда же эта проклятая война кончится? Сколько еще людей будет загублено? А он погладил меня по правому плечу... Как сейчас помню — по правому! и говорит: «Ставь ты, Ивановна, самоварчик, мы за чайком и побеседуем». Быстро задула я самовар, сели мы с ним за стол. Налил он чаю по старому русскому обычаю в блюдечко, поставил его на все пальцы правой руки... Забудьте, правой! подул раз-другой, хлебнул с сахаром вприкуску и ответил: «Правду скажу, Ивановна, не скоро еще война кончится. Но мы одолеем немца! Еще года два-три повоевать придется...» Ахнула я, закрыла глаза и горько зарыдала... Потом открыла глаза, хотела еще что-то спросить, но ни Сталина, ни стола, ни самовара уже не было... Солнечные зайчики пропали, в комнате опять наступила темень, и меня обуял страх... Пометушилась я по комнате в полной темноте, открыла дверь в сени, думала, он там стоит, но оттуда на меня глянула еще чернее темень, я затряслась от страха и... проснулась... Стояла я у открытой двери в сени. Дочь меня окликнула, и я вернулась на печь. До утра больше не уснула...

— И что же вы, бабуся, хотите нам сказать этим своим сном-выдумкой? — спросил Колобков.

Старушка обиделась и грубовато ответила:

— А то, голубок мой, что, в-первых, это не выдумка, а в-других, мое правое плечо, которое гладил Сталин, его пра-

вая рука, в какой он принес солнышко и блюдечко держал, — это тебе вся правда. Дело твое — верить или не верить этому сну, а мое дело рассказать. — Слышно было, как она, кряхтя, укладывалась спать. Что-то ласково пошептала спавшим уже хлопчикам и угомонилась.

Но Колобков не отставал от нее:

— Если верить твоему сну, бабуся, то выходит, что мы будем воевать еще два или три года... Да при нынешней мясорубке за это время и людей не останется на земле!

Старуха не отозвалась. И никто не отозвался. Пережитое за день, ночной марш и обильная пища тяжелым грузом придавили людей. Из двух углов уже доносился по-фронтальному тревожный солдатский храп. Смолк и Колобков. Подобрал под себя побольше соломы, он свернулся калачиком и несколько раз уже под шинелью шмыгнул носом. Было похоже на то, что он плакал...

В разреженном утреннем воздухе близкого степного простора звонко, призывно заржала лошадь. Иван Михайлович вскочил с кровати, как ужаленный, и прислушался.

— Зина, мой Руслан где-то близко... Слышала? — крикнул он спящей жене почти в ухо и снова настороженно прислушался. Но ржание не повторилось. — Или мне почудилось?.. Вот до чего нервный стал! — оправдался он перед Волжановым, который тоже проснулся и приподнял голову.

— И-и-го-го! — повторилось ржание еще ближе, чем пер-

вый раз, и Шевченко, обрадованный, перескакивая через спящих людей, побежал во двор.

Только Зинаида Николаевна знала, что пережил ее муж, когда ему доложили, что от церковной сторожки, где на привязи стоял его любимец, осталась только штукатурка с глыбами кирпича, разбросанными вокруг бомбовой воронки. Только она, Зинаида Николаевна, видела всю силу привязанности мужа к боевому четвероногому другу. Узнав о гибели Руслана, в душе она против своей воли даже пораздовалась: ведь и раньше, еще до войны, она ревновала мужа к этому красавцу-коню и не раз выговаривала за то, что он своего коня любит больше, чем свою жену... Из степи к селу подъезжала военная повозка, в которую был впряжен Руслан. Увидев Ивана Михайловича, конь радостно заржал, рванулся всем корпусом вперед, но под сильно натянутыми вожжами затанцевал на месте. Трогательной была встреча боевых друзей — человека и коня! Издавая легкое грудное ржание, Руслан тряс густой гривой, водил теплой верхней губой по лицу Ивана Михайловича, обнюхивал его гимнастерку, будто не веря повлажневшим глазам своим, потом снова возвращался к его лицу и снова терся губой о щеки. Иван Михайлович обнимал друга за шею, прижимался к ней щеками и ласково приговаривал:

— Русланчик, дружок мой верный, уцелел! Даже не ранен, молодчина ты эдакий! — осмотрев весь стан своего серого в яблоках друга, Шевченко увидел на повозке широко

улыбающееся лицо полковника Гнедича с забинтованной рукой. Фуражки на нем не было, и на ветру ерошились его редкие русые волосы.

— Привет, Шевченко! — поздоровался он, когда увидел, что объятия подполковника с любимым конем закончились. — Я, признаться, думал, что ты уже на том свете стучишься в благословенные врата рая, соскочив с повозки, он здоровой рукой энергично пожал руку Ивана Михайловича.

— Я тоже мысленно похоронил тебя и очень рад тому, что ошибся, — сказал Иван Михайлович, взяв храброго артиллерииста под руку.

Гнедич повернулся к проселочной дороге, по которой только что приехал, и воскликнул:

— Ага, мой арьергард тоже на подходе. Не намного отстал от Руслана. Обласкиваемые первыми лучами солнца, к селу быстро шли четыре человека. Когда они подошли к повозке, Шевченко узнал в них воинов своего полка: командира взвода разведки лейтенанта Царева, младшего лейтенанта Хромскова, своего ординарца сержанта Митрохина и пулеметчика Грачева в том же «партизанском» одеянии, в котором он прибыл с маршевой ротой.

— Ты где пропал, Митрохин? — спросил Шевченко строго.

— Товарищ подполковник, я искал Руслана.

— Где ты его нашел?

— Когда вы уходили от переправы в обход села, я побе-

жал в село за Русланом. Подождал я, пока танки прошли через село, обшастал все дворы, а нашел его в поле. Вернее, он меня нашел. Бежал с поля к селу и сильно ржал. Видать, он вас искал. Меня тоже сразу узнал, паршивец, и очень обрадовался.

Шевченко благодарно посмотрел на ординарца и улыбнулся.

— Спасибо, Алеша, — сказал он. Грачев доложил, что по приказанию комиссара Додатко прикрывал огнем группу, когда она отходила от переправы, сбился с направления отхода группы и потерял ее.

— А пулемет бросил?

— Нет, товарищ подполковник. Он в повозке под соломой.

— Боеприпасы все расстрелял?

— Что были, те расстрелял, но в селе у бежавших обозников стащил много полных дисков.

— Молодец, пулеметчик. Возьми пулемет и смотри, чтобы он всегда был готов к бою!

— Это все, что осталось от всей моей артиллерии, — сказал Гнедич, кивком головы указав на раненых артиллеристов. — На мои огневые позиции обрушили бомбы и огонь пулеметов и пушек более ста «юнкерсов». Разве можно передать словами, что там творилось? Все вокруг они буквально вспахали, а заодно и забороновали бомбами и снарядами. Спасения не было никакого. Поверишь ли, Иван Михайло-

вич, до того тяжело мне было видеть гибель своих батарей, что я не мог сдержаться... Я плакал... Стыдно, конечно, но это факт. Не мог я покинуть огневые позиции, пока оставалась хотя бы одна пушчѐнка... Если бы от Киева подошла хоть одна батарея, я бы не пропустил прорвавшиеся в село танки.

— Не сокрушайся, Алексей Иванович, наши люди на Урале накуют тебе еще столько пушчѐнок, что только успевай их принимать и вводить в бой. А теперь ты сбереги себя! Ты замечательный мастер огневого вала и еще так будешь нужен нашей армии, когда она пойдет в контрнаступление.

— Не обо мне речь, Иван Михайлович, — возразил Гнедич. — Я тоже верю, что наш народ накует и таких, и еще лучших орудий, но... Не тем я сокрушаюсь, что больше не будет у нас артиллерии. Уж слишком глупо, преступно глупо мы их теряем! Сотнями и тысячами мы их теряем... А ведь это — пот и кровь нашего народа, и если бы он знал правду, думаешь, похвалил бы нас? Ты же сам видел, какая сила была у меня в руках! А что она сделала? Вот то-то! Почему Дубнищев, этот лапотник твердолобый, не предупредил меня, что вдоль реки — доты? Да если бы я хотя бы подзревал об их существовании, я бы весь этот берег искромсал крупным калибром! Или дал бы он мне время хотя бы коротке разведать огневую систему противника своими средствами... Так нет же: «Давай, говорит, Гнедич, раскроши огневые точки противника, как грецкие орехи!» А какой они

крепости, эти орехи, и сам не знал.

Шевченко рассказал Гнедичу о своем намерении выйти на фланг южной, охватывающей группировки войск противника и попробовать там пробиться из окружения. Гнедич, подумав, согласился, и они вошли в хату. После завтрака, «организованного» Илюшей Гиршманом, Шевченко, Гнедич и Додатко закрылись в горнице и долго совещались. Потом они пригласили к себе Гиршмана.

— Вот что, товарищ Гиршман, — обратился к нему Шевченко, — придется тебе, помимо обязанностей начпрода, принять на себя и обязанности нач. МТО³. Надо срочно раздобыть гражданскую одежду для Мурманцева, Колобкова и двух наших женщин. Задача понятна?

— Понятна, товарищ подполковник, только...

— Что такое?

— Я не уверен, найдется ли в этом большом селе одежда для такого верзилы, как ефрейтор Мурманцев?

Командиры засмеялись.

— Возьми себе на подмогу Николая Филипповича Квитко, — посоветовал комиссар: — у него в этих краях каждая хохлушка — кума или дальняя родня.

Гиршман озабоченно вышел из горницы и — к Квитко:

— Миколай Пилипович, вы поступаете в мое боевое распоряжение. За мной! Квитко схватил свой автомат и вопросительно посмотрел на Волжанова.

— Идите, Николай Филиппович, раз приказано! — сказал

Волжанов.

Гиршман с ног до головы внимательно осмотрел Зинаиду Николаевну, Люду и Колобкова, потом подошел к Мурманцеву. Долго и, казалось, с мучительной досадой изучал он фигуру ефрейтора, который почему-то виновато улыбался.

— Боже ж мой, боже ж мой! — воскликнул Гиршман. — Задача совершенно невыполнимая... — Он схватился руками за голову и выскочил в сени. Квитко вышел вслед за ним.

Вернулись Гиршман и Квитко с гражданской одеждой и обувью. Когда разведчики переоделись, то их с трудом узнавали. Зинаида Николаевна под дешевым серым платком, в старушечьей синей с мелкими белыми горошинами кофте и черном мужском пиджаке; в грубой клетчатой юбке и поношенных полусапожках выглядела пожилой сельской женщиной, а ее чистый украинский говор был самым убедительным доказательством того, что она местная жительница...

Люда была одета почти так же, как Зинаида Николаевна, и Волжанов, увидев ее, засмеялся: она так разлохматила под косынкой волосы, что с первого взгляда даже отталкивала. Однако, ее юношеская свежесть лица, задорные карие глаза, такие знакомые и такие непослушные завитки светлых волос напомнили ему довоенную Людмилку.

— Как я тебе нравлюсь, Володя? — спросила она ласково и шаловливо. — Не разочаровала?

Волжанов придиричиво осмотрел ее, потом ответил:

— У Гюго где-то сказано, что жемчужина и в грязи оста-

ется жемчужиной. Только вот «москалячее» балаканье тебя выдает. Украинец сразу тебя раскусит.

— Ну и пусть! Я сразу буду говорить, что я русская. Разве мало на Украине русских девушек?

Колобков в маленьком, подростковом костюмчике, рваном черном картузе без козырька, в ботинках, «просящих каши», стал настоящим хуторским парнишкой. На плече у него была небольшая сучковатая палка, а на этой палке за спиной — замусоленная полотняная сумка с десятком вареных початков кукурузы.

Для Мурманцева Гиршман достал старые штаны из крашеного холста с единственной пуговицей, синюю сатиновую рубаху-косоворотку, ветхозаветную свитку и картуз, очевидно, еще гоголевского Ивана Ивановича. Обуви для Мурманцева не нашлось, но Гиршман доказал, что сойдут и армейские ботинки без обмоток. Несмотря на самые большие размеры добытой Гиршманом одежды, Мурманцев чувствовал себя в ней стесненно. Особенно безобразили его штаны, неприлично распахивавшиеся на одной пуговице. Зинаида Николаевна попросила у хозяйки три пуговицы и хотела их пришить, но особист Глазков остановил ее.

— Это не годится, товарищи, — обратился он к Шевченко, Гнедичу и Додатко. — Зачем переодевать человека, который явно не подходит для разведки? Есть же у нас настоящие украинцы. А Мурманцев в этой экипировке и по внешнему виду комичен, да и разговор у него типичного володимирца.

— Глазков цветасто, с сильным «оканьем» произнес последнее слово, и все, в том числе сам володимирец, засмеялись.

В этот момент в хату вошел боец Цыбулька. Он был в полной готовности к походу.

— Во! Чем не разведчик? — воскликнул комиссар. — Цыбулька, ты местность хорошо знаешь?

— Тю! Та я пройшов всю Полтавщину вдовж и попэрэк...

— Прекрасно, Цыбулька! — сказал Шевченко. — Даю тебе десять минут. Чтоб за эти десять минут ты смотался домой и обратно. Оставь дома все военное и одень то, что носил до призыва в армию. Только одевай что похуже. Понял?

Цыбулька недоуменно посмотрел на командиров, но ответил:

— Понял, конэшно...

Цыбулька вернулся в узеньком темно-синем костюме, который еще больше подчеркивал его тонкую длинноту. Наступая ему на пятки, вошла и пожилая женщина, по-деревенски крепкая и загорелая. Она подошла к стоявшим у входа в горницу командирам, положила руки на бедра и спросила:

— Що ж цэ воно такэ, товарищи началныкы? Когда Цыбулька здоровый, тогда Цыбулька воюй, а як трошки поранэтый, то оставайся дома и дожидайся нимцив? Я уже стара, з мэнэ и питання нимцям нэмае, а нащо ж вы мое хлопья бросаете? Чи нехай воно отправляється на каторгу в нимэч-чину? — Она так расплакалась, что Шевченко растерялся и сразу не нашел, что ей ответить. Вмешался комиссар:

— Та вы нэ плачэце, товарищ Цыбулька! Ваш сын пойдэ с нами. Только сейчас такая сложная обстановка, что без хорошего разведчика в цивильной одежде нам не обойтись. К тому же ваш сын хорошо знает местность. Понимаете?

— Я собрала сыночкови харчи... Стряпотня тут всякая, — сказала она, вручая мешок сыну. — Спасибочко вам, товарищи командиры. Як можно будэ, то побэрэжить моего Грыцю: воно ще такэ малэ хлопья!

Это вызвало взрыв смеха у бойцов и командиров, смотревших на смущенное «хлопья», которое упиралось головой в потолок.

— Та годи, годи, мамо! — взмолился Цыбулька. — Ступай уже до дому! Мэлышь тут всяку чипуховыну...

Шевченко заверил женщину, что постарается поберечь ее сына, и она, успокоенная тем, что лично вручила свое дорогое «хлопья» командиру под его ответственность, ушла. Правда, при расставании с сыном она прочитала ему пространную материнскую нотацию о том, как он исправно должен служить, слушаться командиров, беречь себя, чаще писать и прочее... А уже из сеней крикнула всем:

— Чекаемо вас, сыны мои, з пэрэмогою! (Ждем вас с победой!)

Когда, она прошла мимо окна, выбирая слезы, и оказалась за воротами, Шевченко сказал:

— Сейчас, товарищи, мы пойдём навстречу немцам, пря-

мо на восток... Кажется, здесь потише. Впереди, километра за два, будут двигаться Зинаида Николаевна и Колобков. Задача — разведывать села, которые будут на пути. Если в селе немцы, устанавливать примерную их численность и передавать сведения сзади идущим, в километре от основной группы, Цыбульке с Людой, а Цыбулька — мне. Старайтесь на глаза немцам не попадаться, а если невозможно избежать этого, выдавайте себя за киевлян, бежавших из Киева от бомбежек и обстрелов. Ты, Зина, запомни: идешь со своим племянником, а ты, Люда, — с женихом. Все ваше имущество и документы сгорели в Киеве. Идете в Лубны к родственникам... Вопросы есть?

— Товарищ подполковник, у меня в Лубнах и вправду много родни, — сказал Цыбулька.

— Вот и прекрасно. А теперь — вперед, товарищи разведчики!

Как ни старался Шевченко вывести основную группу из села менее заметно для местных жителей, это ему не удалось. Не успели запрячь Руслана и усадить раненых на повозку, как во двор группами начали входить женщины с детьми и старики. Горестно и вместе с тем укоризненно смотрели они на своих защитников, которые оставляли их на милость жестокого врага. Плотным полукругом обступали сельяне строй воинов. Поглаживая прижимавшихся к подолам взлохмаченные головы ребятишек, они долго молчали. Кому довелось тогда отступать на восток, тот до конца дней

своих будет помнить, как стыдно было видеть эти обжигавшие душу, молчаливые взгляды оставляемых врагу людей. То был самый тяжелый, самый жгучий стыд солдата, которому приказано было отступить! Сознавая себя частицей армии, оставлявшей врагу область за областью, каждый воин этой армии не мог смотреть людям прямо в глаза. А люди хотели, искали его прямого взгляда и надеялись, что он вот-вот твердо скажет: «Все! Дальше враг не пройдет — ни шагу!» Однако, слабо вооруженный, он не мог одной лишь грудью своей остановить бронированных завоевателей и, стора от стыда и досады из-за своей беспомощности, отступал все дальше и дальше на восток... О, как тяжело быть солдатом бегущей армии! А бегущей по родной земле — в сто раз тяжелее...

Комиссар Додатко, который по долгу службы и по велению сердца своего в самую трудную минуту борьбы обязан уметь объясняться не только с воинами, но и с народом, при виде угрюмых лиц женщин и стариков понял, что настал момент такого объяснения... Но что можно сказать утешительного этим беспомощным людям? Чем он мог их приободрить, когда сам крепко был побит врагом и бежал от их новых ударов? Громкие речи, пустые заверения не только будут неуместны, а будут похожи на кощунство. И разумом понимал, и сердцем чувствовал комиссар, что теперь, как никогда, нужно смело сказать людям правду, какой бы тяжелой она ни была. А она, эта правда, была неслыханно тяжелой.

И сказать ее нужно было с таким горячим сердцем, от которого люди почувствовали бы у своих сердец тепло и прониклись хотя бы малостью надежды... Додатко начал было соображать, с чего начать объяснение с этими людьми, но среди них пошел шепот. Все расступились, и воины увидели вошедшего в распахнутые ворота глубокого старика, которого медленно вели под руки два деда сравнительно помоложе. Подвели к комиссару. Старик был немощен и дряхл, как подгнивший на корню гриб-боровик: казалось, тронь его — и он свалится. Впалые щеки, уши, ноздри — все густо заросло седой стариковской растительностью. Жуткой ветхостью и беспомощностью сквозило от этого, слишком долго задержавшегося на земле, человека. Давно потухшими белесыми глазами посмотрел он на нарукавные звезды комиссара и, видимо, решив, что попал по адресу, удивительно бодро освободился от державших его дедов. Издав слабый звук, похожий на кашель, он тихо, но с очень заметным упреком сказал:

— Щэ, хлопцы, тикаетэ? — он передохнул и, собрав последние силы, уже по-русски продолжал: — Перед вами стоит старый солдат его императорского величества российской гвардии Денис Мартынюк. До круглой сотни хотел дожить, да, видать, не смогу... Вы, горе-вояки, загоняете в могилу раньше сроку. Разгневавшись, старик вдруг потряс перед грудью комиссара высохшими руками и сколько мог, повысил голос: — Да, это так! Вы, опозорившиеся потомки, ка-

ких я не могу назвать русскими! Зачем вы бросаете русские земли та русских людей на поругание немецким супостатам? Мне дела нет до вашей коммунизмы, я до нее не доживу. Но не смейте дальше пускать врага! Это я вам велю не только от себя, а и от тех, какие уже много лет лежат и на Шипке, и у Плевны, и на Дунаю. Их давно уже нет и в земле, но даже трухлявые их кости теперь зашевелились бы, узнай они, что немецкие каты уже перейшли Днипро, а трусливые наши заступники бросают мундиры и гуртами тикают до Сибири... Не смейте дальше, слышите? Не смейте! Остановить немцев! Он задрожал частой мелкой дрожью, на мгновение вытянулся и трупом свалился на руки сопровождавших его дедов. Из-под распахнутого колушка ярко блеснули приколотые к рубашке три георгиевских креста...

Одна из женщин склонилась над стариком, послушала его грудь, закрыла глаза веками и тихо всплакнула. Никогда в жизни комиссар Додатко не переживал более тяжелой минуты! Чувствуя себя пригвожденным к позорному столбу, он растерянно смотрел то на мертвого героя Шипки, то на всхлипывавших в хустки и фартуки женщин, то на плакавших детей, то на потупившихся от стыда бойцов. Взяв себя в руки, он молча подошел к лейтенанту Балатову и в полголоса сказал:

— Знамя...

Балатов быстро снял ремни и гимнастерку и на глазах притихших людей размотал со своего тела кумачовый шелк. Ко-

миссар взял знамя и накрыл им покойника. Потом он снял фуражку, опустился на колени и поцеловал его в лоб.

— Прости нас, тезка Денис Мартынюк! — сказал комиссар. — Пока бьются сердца наши, ни на минуту не забудем твоего последнего гнева...

Тишина как будто застыла. И вдруг одна пожилая женщина заголосила, за ней вторая, третья. Додатко встал и выпрямился. Он почувствовал, что безраздельно господствовавший в душах людей гражданский упрек сразу уступил место гражданскому состраданию. Люди поняли, что их защитники покидают их не потому, что не хотят драться с сильным врагом. Но теперь была заметна другая крайность в настроении людей — слезливая жалость к своим битым защитникам и покорное склонение головы перед своей тяжелой участью. Поняв это, Додатко негромко, но в доверительном тоне обратился к селянам с речью:

— Батьки и матэри наши! Ридни наши сэстры та малэньки диты! Мы не обижаемся на ваши упреки. Любая армия, если она сдает врагу цветущие сады и нивы своей Родины, достойна самого сурового упрека своего народа. От самой границы, в каждом городе, в каждом местечке, в каждом нашем советском селе слышали мы справедливые упреки советских людей. Эти упреки сжигали наши сердца и души огнем заслуженного стыда и позора. Но то, что мы чувствуем сейчас перед вами, нам еще никогда не приходилось чувствовать. Устами этого почти столетнего русского солда-

та нас пристыдили героическое прошлое и былая победная слава нашей великой Отчизны. Языком этого славного старца нас отругали поднявшиеся из своих могил наши великие предки — храбрые российские богатыри. И нам, недостойным их потомкам, лучше провалиться сквозь землю, чем услышать этот упрек! — Он обернулся к стоявшим в строю бойцам и командирам и по их потупленным взглядам заметил, что говорил как раз то, что думали и они, — Многие годы вы отрывали от себя и от своих детей, порой, даже самое необходимое. Последнюю копейку свою вы с потом и кровью вкладывали в дело укрепления Красной армии и теперь вправе потребовать от нее защиты...

— Правду вин каже, жинки! — громко сказала одна из женщин. Внимательно посмотрев на нее, комиссар продолжал:

— Конечно, наша армия отступает не потому, что не хочет защищать свой народ. Она потоки крови проливает за вас, беспощадно истребляет вторгшихся на нашу землю фашистских захватчиков. Бойцы и командиры Красной армии не щадят жизней своих и сотнями тысяч кладут их во имя будущей Победы, но... — Он подумал, как бы понятнее объяснить простым людям причину отступления непобедимой Красной армии. — Представьте себе двух сильных молодых парней... Они долго враждовали между собой, но потом договорились жить мирно и друг на друга не нападать. И вдруг один из них внезапно, предательски нападает на противника

и сбивает его с ног. Парень не пал духом. Он храбро отбивается от вероломно напавшего врага, хотя и много получает тяжелых ударов. Измотав драчуна в оборонительной позиции, собравшись с силами, он, конечно, победит его и строго накажет за вероломство... Так же и у нас получилось. Мы враждовали с фашистской Германией, потом договорились друг на друга не нападать. Мы честно соблюдали этот договор, а Германия, под прикрытием договора, подтянула свои отборные войска к нашей границе и вероломно, без объявления войны бросила эти войска на нашу землю. Мы пока обороняемся. Но мы уверены в том, что соберем силы, разгромим гитлеровскую армию и строго взыщем с банды Гитлера!.. Эта вот маленькая боевая группа — остаток храбро сражавшейся за Днепром воинской части. Боевое знамя наше — святыня части — с нами. Получим пополнение и под этим боевым, пропитанным кровью наших воинов знаменем будем еще беспощаднее истреблять оккупантов... Сейчас мы уходим. Но вы будьте уверены, что недалеко от вас на востоке мы сражаемся за вас. Помните: Родина стоит, Сталин в Москве — они не оставят вас в вечной кабале у немецких баронов! Мы вернемся к вам как освободители! Ну а если мы сложим головы на поле битвы, к вам придут другие, но обязательно придут!

Женщины вдруг зашумели, заволновались, образовали небольшой коридор для прохода. От крыльца дома мелкими старушечьими шагами семенила бабуся, которая ночью сво-

им рассказом о необыкновенном сне очень расстроила разведчика Колобкова. Она молча подошла к комиссару, достала из вместительной ладанки маленькую иконку и, требовательно глядя в его воспаленные глаза и колючий кустик усов, поднесла ее к его губам.

— Целуй, сын мой! — тихо приказала она, не вытирая слез, курсировавших по лабиринтам морщин ее лица.

Комиссар с минуту озадаченно смотрел в изображение божьей матери, после чего решительно приложился к иконке губами. «Мои губы не отвалятся от прикосновения к этой деревяшке» — подумал он, — а для верующих людей это будет какой-то поддержкой в условиях фашистской оккупации». Старушка с благодарным взглядом потянула комиссара за карман гимнастерки вниз и, перекрестив его, поцеловала в лоб. — Спасибо, сынок, — сказала она тихо. — Да хранит вас всех господь! — С этим напутствием она теми же мелкими шагами ушла в хату.

Двор быстро опустел. А когда группа Шевченко выходила из ворот, ее снова окружили женщины с детишками и со всех сторон совали в руки воинов хлеб, сало, яйца, бутылки с молоком и самогоном, горшочки с ряженкой. Многие целовали уходивших бойцов и плакали...

Разведчики беспрепятственно прошли несколько сел. Немцев не встретили. Но вот впереди слышались автоматные очереди, людской шум и куриный переполох. Не входя, в село, Зинаида Николаевна и Саша Колобков сели у дороги

и стали наблюдать. Люда Куртяшова и Цыбулька тоже остановились, присели на пшеничную стерню в полукилометре от передовых разведчиков, зорко следили за их сигналами.

Зинаида Николаевна внимательно осмотрела крошечную фигуру Колобкова теплым материнским взглядом.

— Вот что, племянничек... Звать-то тебя как? — спросила она.

— Александр Колобков я, — отрекомендовался «племянничек».

— Ну, так вот, Сашок Колобок, катись-ка ты в это село и быстро разведай, сколько там немцев, чем вооружены, что делают и как расставлены часовые. Понял? Я буду тебя ждать в крайней хате. Там немцев, кажется, нет. Входи смело и называй меня титкой.

— Как?

— Титкой. У нас говорят не тетка, а титка. Впрочем... Можешь и по-русски: разве у меня не может быть русского племянника?

— Знаете что, тетя, я буду собирать куски... Милостью. Хорошо, мальчик мой, это ты хорошо придумал, а главное — вовремя. В каждой хате, кстати, побываешь, всех немцев считаешь. Катись!

И пронирующий Сашок-Колобок покатился в первое занятое немцами село. Размахивая «нищенской» сумой, он прошел вдоль палисадников несколько хат. Людей на улице не было. Войдя в один двор, он постучал в окно, но никто не

ответил. Затем в сенях скрипнула дверь. Кто там? — робко спросила женщина.

— Тетенька, подайте, Христа ради, кусочек хлебушка бедному сироте! — взмолился Колобков таким жалобным детским голосом, которому женщина как будто обрадовалась и сразу открыла дверь.

Сашок вошел в хату. Хозяйка, отрезала большую краюху белого хлеба, сочувственно посмотрела на «сироту» и спросила:

— Звиткиля ж ты идэш, хлопчеку?

— Из Киева я, тетенька... Разбомбили у нас все.

— Ах, сэрдэшненьки! А батько та мати вбыти, чи шо?

— Погибли, тетенька... И сестренка тоже...

Сердобольная женщина сунула в сумку Колобкова такой ломоть хлеба, от которого парню стало не по себе. Если в следующей хате отваят такой же, то уже и класть некуда будет.

— Спасибо вам, тетенька, — тихо проговорил он.

— Кушай, хлопчеку, на здоровьячко. Зашел Колобков еще в две хаты, после чего тяжела стала его «нищенская су-ма». А в следующей хате добрая старушка так расчувствовалась, что усадила за стол и упростила парнишку съесть вкусный наваристый борщ и большую кружку молока с паляницей.

Длинная сельская улица все время тянулась прямо, потом повернула влево и за поворотом расширилась в просторную,

заросшую травой площадь. Главным строением на площади была сломанная школа с большими окнами, а перед окнами — спортивная площадка, на которой десятка полтора здоровенных, бронзовых от загара парней играли в волейбол. Колобков подошел к площади и остановился в недоумении: откуда взялись в такое тревожное военное время загорелые спортсмены? И вдруг до его слуха долетело несколько фраз на непонятном языке. Сердце разведчика сразу же зачастило, и он стал обшаривать глазами всю площадь, дома и дворы. На разгороженном дворе школы стоял ровный ряд мотоциклов с люльками. В каждой люльке лежало по три автомата. Вдоль ряда мотоциклов на траве аккуратно были сложены комплекты серо-зеленого обмундирования. Из школьного класса донесся громкий женский крик, и сразу же в распахнутое со звоном стекол окно выпрыгнула растрепанная и бледная от испуга девушка. На волейбольной площадке началось дружное мужское зубоскальство с какими-то выкриками и улюлюканьем. Измученная и униженная девушка, держась рукой за ушибленный бок, медленно пошла к улице. Колобков с нахлынувшей в душу жалостью к ней и злобой на бесчинствующих завоевателей провожал ее взглядом до тех пор, пока не увидел, как из одного двора выбежала пожилая женщина, обняла ее и увела в хату. Вернувшись к наблюдению за площадью, Колобков увидел четырех рослых фашистов, которые тащили за руки двух совсем еще юных девочек лет по 15-16-ти. Одна из них шла безропотно, как неменя-

емая, а другая изворачивалась, стараясь схватить зубами волосатую руку насильника, но, обессиленная, падала на землю; ее поднимали и тащили на руках. Мать этой сопротивлявшейся девочки, тоже еще очень молодая женщина, шла следом за фашистами и громко кричала:

— Не трогайте! Отдайтэ! Цэ моя одна-однисэнька дочя... Изверги, каты (злодеи) проклятушци! — Она пыталась схватить тащивших ее дочь оккупантов за руки, но те отталкивали ее ногами. Обезумев от горя, она рвала клочьями свои черные волосы, падала на землю, хватала руками бывшие её то в грудь, то в живот сапоги-коротыши с подковами. — Нэ дам, нэ дам мое чадонько! Нэ дам мою горлыцю ясноку на знушення (порувание)!

Один из насильников остановился, зло выругался и с перекоренным от гнева лицом начал бить обезумевшую женщину ногами. Женщина пыталась хватать его ноги, но он снова и снова наносил ей удары кованым каблуком, где попало... Пораженный этой зверской сценой, прижался Саша Колобков горячей щекой к плетню и, опасаясь собственного стона, зажав рот кулаками, до боли зажмурил глаза. А когда он снова открыл их, то увидел зрелище еще ужаснее...

С огорода на площадь немцы привели пожилого еврея с целым выводком ребятишек. Колобков быстро сосчитал их: пять мальчиков и три девочки. Отец их внешне был удивительно некрасив: коротенький, на потешно расставленных в стороны ногах, он, казалось, и расставлял их для того, чтобы

они не мешали большому, как пивной бочонок, животу, который безобразно нависал над ними. Еврей был совершенно лыс, и только жалкие остатки рыжих волосёнок сиротливо лежали на блестящей макушке головы. Выступившие капли пота усеяли всю его голову. Не по росту длинный горбатый нос, большой с толстыми губами рот, некрасиво торчавшие широкие уши и черные, горящие в смертельном испуге глаза... И надо же было этому человеку так некстати иметь слишком заметные еврейские черты!

Игравшие в волейбол откормленные фрицы оставили площадку и, быстро окружив еврея с детишками, дико запрыгали в каком-то колдовском танце. Из всего их «ритуального» гвалта Колобков понял только два слова: гут и юден, которые выкрикивались чаще всех и громче всех. Еврей пугливо озирался вокруг, предчувствуя недоброе, и внимательно следил за пляшущими в хороводе голыми немцами. Детишки его не плакали и все плотнее прижимались к ногам своего отца. Старшему из них мальчику было на вид около семи лет, самой младшей девочке — годик или полтора. Все они были черненькие и курчавые. Когда их первый испуг прошел, они как будто даже повеселели, а предпоследняя по возрасту девочка, привыкнув к безобидному хороводу и зубоскальству больших дядей, начала задорно хлопать в ладошки. Отец покосился на свою наивную крошку и заискивающе улыбнулся прыгающим вокруг него немцам. В глубине трепетавшей в страхе души своей он, наверное, надеялся на

их снисхождение к его прелестным малюткам. До Колобкова доносились его слова:

— Паны дойтшен, херрен дойтшен я из Киева... Эвакуация... Майне фрау капут... Бомбен... Дас зинд майне киндер... Их бин кранк менш... — В сильном волнении он путал немецкие слова с еврейскими и русскими.

Но фашисты, хорошо понимавшие все, что он говорил, еще больше входили в экстаз адской пляски. Вдоволь наплясавшись, фашисты разомкнули круг и вытянулись в две шеренги. Один из них побежал во двор школы и быстро вернулся оттуда с кучей городков без палок. Построив из городков неровную шестиконечную звезду, он крикнул:

— Халло! Битте, херрен зольдатн!

Самый меньший ростом подбежал к самой маленькой девочке, схватил ее за ножку и с высокой траекторией швырнул ее в фигуру. Несчастливая малютка, очевидно, сначала подумала, что дядя шутит, и не издала ни звука и только во время своего смертельного полета слабо пискнула, но сразу же захлебнулась. Как брошенная лягушка, она ударилась о твердую землю перед самой фигурой, тихо квакнула и безжизненно покатила через городки...

Оставшиеся дети, увидев смертельное сальто своей сестренки, завизжали и в испуге стали прятаться между раскоряченными ногами оцепеневшего отца. Но отец не устоял на ногах. Он упал на колени и закричал:

— Паны зольдатен, паны зольдатен! Убейте меня, сначала

убейте меня! Молю вас, умоляю убить меня! Не могу видеть я этого! Не могу!.. — Ползая между босыми грязными ногами пьяных садистов, он пытался целовать их, но те поочередно отшвыривали его и гоготали, гоготали...

В некоторых домах заголосили женщины. У Саши Колобкова потемнело в глазах, зазвенело в ушах, застучало в висках. Он уткнулся лбом в плетень и потерял ощущение реальности. Ему казалось, что он спит и видит кошмарный сон, хочет скорее проснуться, но не может. Очнулся он от женского крика на площади. Из ближнего к площади двора выбежала чернявая пожилая украинка и со словами: «Це мои диты, я их мать, нэ трогайтэ моих дитэй!» вихрем налетела на оторопевших немцев, грубо растолкала их и решительно подошла к сбившимся в кучку детям. Один из немцев что-то командовал, и два его подчиненных быстро побежали во двор школы к мотоциклам. На площадь они вернулись с автоматами. Первым порывом Колобкова было выскочить из-за плетня, наброситься на фашистов и поочередно перегрызть им глотки. Но он овладел собой. Его мятущийся мозг и обшаривавшие обстановку глаза искали верный способ спасения детей, безоружный отец которых, потеряв сознание, неподвижно лежал на земле. Только смелая посторонняя женщина, сгруппировавшая вокруг себя трепетавших в страхе детей, без страха и с каким-то бойцовским вызовом смотрела прямо в дула автоматов.

— Мои ридни диты, — сказала она твердо в наступившей

вдруг тишине площади, — я — их matka! А я нэ еврейка, я — чиста украинка... И мои диты нэ юды... Нэ дам я вам своих дитэй, каты скаженни! — Вид ее в ту минуту был страшен: широкое, по-степному загорелое и обветренное лицо вдруг заострилось и угрожающе нахмурилось; большие, до блеска черные глаза запылали жаркими искрами гнева, мести и готовности броситься в драку не на жизнь, а на смерть; выбившиеся из-под белой хустки пряди жгуче черных волос волновались на ветру, и, казалось, могли стегануть каждого, кто приблизился бы на недозволенное расстояние... Немного осмелевшие дети прижимались к ногам своей защитницы, прятались в складках ее просторной юбки, как цыплята — в распушенных крыльях, увидевшей коршуна наседки...

Колобков сорвался с места и, оставив у плетня суму с кусками хлеба, побежал по селу навстречу своей группе. Миновав крайнюю хату, в которой ждала его Зинаида Николаевна, он помчался дальше.

— Что с тобой, Колобков? — спросил Шевченко, когда он подбегал к группе. — Ты будто угорелый...

— Товарищ подполковник, там детей казнят! Скорее! Можно еще спасти, только скорее, только бегом!

— Сколько немцев? — спросил комиссар строго.

— Не больше тридцати, товарищ старший политрук, но они в трусах да в майках. Только у двоих автоматы в руках...

— Способные вести бой, ко мне! — скомандовал Шевченко.

Колобков вывел боевую группу огородами прямо ко двору школы. По убийцам детей — огонь! — крикнул комиссар, и первый полоснул из трофейного автомата. Треск длинных очередей, — и оккупанты, обливаясь кровью, повалились на землю. Те, которые были с автоматами, не успели их применить. Уцелел только один. И Колобков узнал его. Он был самый меньший ростом и, видимо, самый трусливый. Вовремя отскочив от своих обреченных друзей, он сразу поднял руки вверх, а когда стрельба прекратилась, белыми, как полотно губами, забормотал:

— Гитлер капут, Гитлер капут!

Костя Копейка и Курбан Караханов схватили его за руки и подтащили к бойцам и командирам, которые окружили украинскую женщину с еврейскими детишками. Женщина, не мешая детям копошиться в складках своей юбки, стояла над мертвым уже их отцом и едва дышавшей сестренкой и тихо, расслабленно плакала. Люда Куртяшова и Зинаида Николаевна наклонились к девочке и поочередно подносили к ее носу какие-то пузырьки. Не приходя в сознание, девочка дважды глубоко вздохнула. Зинаида Николаевна бережно взяла ее на руки и понесла в школу. Люда и плачущая женщина с детишками последовали за ней. Окружившие волейбольную площадку селяне почтительно давали им проход.

— Что с девочкой? — спросил Шевченко у Колобкова.

— Этот вот гад, — Колобков указал на уцелевшего фашиста, — швырнул ее в городки вместо палки... Успел бросить

только ее... — Сказав это, разведчик испуганно отшатнулся назад, потому что подполковник испепеляющим взглядом пронзил его маленькую фигурку и, казалось, готов был вырвать его язык... До хруста в суставах сжав кулаки, Шевченко резко отвернулся от Колобкова и пошел на что-то бормотавшего по-немецки фашиста. Встретив лицо русского офицера, кипевшего неудержимым гневом и решимостью сурово наказать, фашист из трепещущего осинового листа вдруг превратился в одеревеневшего истукана. Заметив это мгновенное превращение обезоруженного врага, Шевченко с презрением отвернулся от него и уже спокойно приказал:

— Расстрелять!

Из толпы, селян кто-то негромко проговорил:

— Жалко, шо закону у нас такого нэмае, а то повисылы б его, падлюку, як скаженну собаку...

Услышав эту фразу, Шевченко вздрогнул и сразу изменил свое решение:

— Отставить расстрел! Именем моего народа, властью, данной мне советским народом, приказываю: фашистского изверга, палача-детоубийцу повесить!

По толпе пробежал щепоток одобрения. Один из стариков властным тоном распорядился:

— Бабы, тащить налыгач! (веревку) Стоявшие рядом с командиром комиссар Додадтко и уполномоченный особого отдела Глазков, недоуменно переглянулись: ведь советские законы даже на военное время не допускали такого вида каз-

ни. Однако Глазков колебался недолго. Увидев брошенную из толпы длинную гладкую веревку, он что-то шепнул бойцу Чепуркину и решительно подошел к приговоренному «городошнику». А Чепуркин схватил веревку и сделал петлю.

— Боец Чепуркин, выполняйте приказ комдива! Чепуркин засуетился, подбежал к фашисту и почему-то зло вцепился всей пятерней в его свалявшиеся рыжеватые волосы. Опомнившись, он начал как-то неумело надевать петлю на шею врага, который понял, что наступила расплата, схватился обеими руками за веревку и, упав на колени к ногам Чепуркина, стал кричать:

— Рус, жить! Геноссе рус гут, Сталин гут, Гитлер капут! Чепуркин растерялся и не знал, что дальше делать. На помощь ему подбежал ефрейтор Мурманцев. Он сердито взял свободный конец веревки и потащил упиравшегося фашиста к турнику...

— Ага, собака, доигрався в городки! — сказала пожилая женщина, когда вздернутый на перекладине высунул отвратительно посиневший и слюнявый язык. — Так тоби, душегубу проклятому!

— Мы его, мать, по-ростовски, — отозвался Чепуркин, — через батайский семафор. — По-деловому, но брезгливо ростовчанин осмотрел результат своей «работы» и быстро пошагал между расступившимися селянами вдогонку покидавшей село боевой группы...

Еще три села на избранном командиром маршруте разведчики прошли без осложнений. За четвертым селом слышались резкое урчание и фыркание танков, натужное завывание перегруженных скоростью и бездорожьем автомобильных моторов, крики людей. Километрах в двух впереди, между разбросанными по полю копнами почерневшей пшеницы, на предельных скоростях мчались два советских грузовика «ЗИС-5» с высокими брезентовыми будками. На бортах и крышах будок ярко алели огромные кресты. За грузовиками, отшвыривая гусеницами фонтаны земли и дыма, гнался черный танк с желтыми крестами на бортах. Когда один из выпущенных танком снарядов разорвался вблизи кабины заднего грузовика и обдал огнем кабину, грузовик на ходу качнулся в сторону и, врезавшись в копну пшеницы, заглох. Из правой двери кабины выскочил человек. Размахивая над головой белым лоскутом, он пошел навстречу танку. Танк, сбив человека лобовой броней, резко тормознул и смолк. Как огромный нос чудовища, ствол орудия «клюнул» к земле. Из будки грузовика начали вылезать убеленные бинтами люди. Увидев их, чумазый танкист нырнул в башню и сразу же полоснул длинной очередью из пулемета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.